

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 10. № 6/2024

DISCOURSE

Volume 10. No. 6/2024

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2024

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

И. В. Кононова, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Р. В. Светлов, д-р филос. наук, проф., Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, Калининград, Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Inna V. Kononova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetsckaya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Roman V. Svetlov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Шипунова О. Д., Березовская И. П., Лисенкова А. А. Эволюция междисциплинарных установок в исследовании структуры рациональной деятельности	5
Капичина Е. А. Современное художественное пространство: проблема антропологической и эстетической трансформации	17
Ротов И. М. «Танатополитика» в социально-политическом дискурсе в 2000–2020-е гг.: между «живыми мертвецами» и «некросоциальностью»	29

СОЦИОЛОГИЯ

Козачок Д. П., Корнилова М. В., Каменских В. Н. Самоорганизация старших как системообразующий фактор активного долголетия	40
Максимов А. М., Блынская Т. А. Социально значимые функции пожилых жителей Российской Арктики	61
Шутова М. В. Репутация и имидж с точки зрения социологии управления	78
Лебединцева Л. А., Дерюгин П. П., Чжан Хайлунь, Кадыров А. М., Фасахудинов В. В. Цифровое неравенство: современные тренды формирования и исследования	94

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Mitike Asrat, Girma Mengistu, Endalew Assefa. Conditional Constructions in Yemsa	108
Чалова О. Н. Структурные разновидности высказываний с эксплицитным модусом веры и их экспрессивные свойства в научном диалоге	124
Hong Xu. Metaphorical Construction of Chinese Female Images in Media	134
Ефимова А. Д. Медиапрезентация английских заимствований педагогического дискурса	151
Трофимова Н. А., Шумилова С. А. Подражание и творчество в процессе освоения языка детьми	165
Правила представления рукописей авторами	175

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Shipunova O. D., Berezovskaya I. P., Lisenkova A. A. Evolution of Interdisciplinary Settings in the Study of the Structure of Rational Activity	5
Kapichina E. A. Modern Artistic Space: the Problem of Anthropological and Aesthetic Transformation	17
Rotov I. M. "Thanatopolitics" in the Socio-Political Discourse in the 2000s and 2020s: between the "Living Dead" and "Necrosociality"	29

SOCIOLOGY

Kozachok D. P., Kornilova M. V., Kamenskih V. N. Self-Organization of Senior as a System-Forming Factor of Active Longevity	40
Maksimov A. M., Blynskaya, T. A. Social Functions of the Russian Arctic Older Residents	61
Shutova M. V. Reputation and Image from the Perspective of Management Sociology	78
Lebedintseva L. A., Deriugin P. P., Zhang Hailun, Kadyrov A. M., Fasakhudinov V. V. Digital Inequality: Current Trends in Formation and Research	94

LINGUISTICS

Mitike Asrat, Girma Mengistu, Endalew Assefa. Conditional Constructions in Yemsa	108
Chalova O. N. Structural Types of Speech Acts with the Explicit Mode of Belief and their Expressive Properties in Scientific Dialogue	124
Hong Xu. Metaphorical Construction of Chinese Female Images in Media	134
Efimova A. D. Media Presentation of English Borrowings of Pedagogical Discourse	151
Trofimova N. A., Shumilova S. A. Children's Imitation and Word Creation in the Process of Language Acquisition	165

Оригинальная статья
УДК 165.24
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-5-16>

Эволюция междисциплинарных установок в исследовании структуры рациональной деятельности

Ольга Дмитриевна Шипунова^{1✉}, Ирина Петровна Березовская²,
Анастасия Алексеевна Лисенкова³

^{1, 2, 3}Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

²Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I,
Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}o_shipunova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8953-7434>

²ipberezovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9429-784X>

³oskar46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8825-3760>

Введение. Статья посвящена философскому анализу развития инструментальной структуры рациональной деятельности с учетом динамики взаимосвязи человека и машины в условиях интенсификации промышленного производства во второй половине XX в. и трансформаций субъектных взаимодействий в цифровой среде. Авторы рассматривают рациональную деятельность в ее специфически человеческой функции осмысленного и преобразующего отношения к миру, которое соотносится в социальном аспекте с инструментальным обеспечением производительного труда.

Методология и источники. Исследование структуры деятельности осуществлено в рамках системного подхода с использованием историко-генетического метода в описании концептуального развития эргономики, которое положило начало междисциплинарному синтезу в развитии знания о структуре рациональной деятельности на базе антропологической установки в проектировании современных технологий. Познавательная перспектива системного подхода к анализу структуры рациональной деятельности позволяет объединить в одной концепции широкий спектр факторов, мотивирующих и регулирующих индивидуальные способности человека как реального субъекта действия в сочетании с информационными базами данных и конкретными условиями, включающими его в когнитивную сеть познания и социальные взаимодействия.

Результаты и обсуждение. Рассмотрены междисциплинарные установки инженерной психологии и проблема субъекта в организации интерактивного цифрового пространства рациональной деятельности. Представлены характеристики машиноцентричной и антропоцентричной парадигмы проектирования человеко-машинных взаимодействий. Выделен переход к междисциплинарным установкам экологии человека, учитывающим базовое значение среды в этих взаимодействиях, а также к установкам цифровой экологии в проектировании сферы виртуальных интеракций.

Заключение. Выполненное исследование познавательных установок в развитии эргономики показывает истоки междисциплинарного подхода к анализу структуры ра-

© Шипунова О. Д., Березовская И. П., Лисенкова А. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

циональной деятельности и возрастающую его актуальность в связи с необходимостью концептуализации инженерного знания, учитывающего социотехнический, человеко-размерный характер современных инновационных проектов во всех сферах деятельности.

Ключевые слова: рациональная деятельность, эргономика, инженерная психология, человеко-машинное взаимодействие, социотехническая система, человеко-размерность, цифровая среда

Для цитирования: Шипунова О. Д., Березовская И. П., Лисенкова А. А. Эволюция междисциплинарных установок в исследовании структуры рациональной деятельности // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 6. С. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-5-16.

Original paper

Evolution of Interdisciplinary Settings in the Study of the Structure of Rational Activity

Olga D. Shipunova^{1✉}, **Irina P. Berezovskaya**², **Anastasia A. Lisenkova**³

^{1, 2, 3}*Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, St Petersburg, Russia*

²*Emperor Alexander I St Petersburg State Transport University, St Petersburg, Russia*

¹✉ o_shipunova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8953-7434>

²ipberezovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9429-784X>

³oskar46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8825-3760>

Introduction. The article is devoted to the philosophical analysis of the development of the instrumental structure of rational activity, taking into account the dynamics of the relationship between person and machine in the context of the intensification of industrial production in the second half of the 20th century and the transformations of subjective interactions in the digital environment. The authors consider rational activity in its specifically human function of a meaningful and transformative attitude to the life world, which is correlated in the social aspect with the instrumental support of productive labor.

Methodology and sources. The study of the structure of activity is carried out within the framework of a systematic approach using the historical-genetic method in the description of the conceptual development of ergonomics, which marked the beginning of an interdisciplinary synthesis in the development of knowledge about the structure of rational activity on the basis of an anthropological attitude in the design of modern technologies. The cognitive perspective of the system approach to the analysis of the structure of rational activity makes it possible to combine in a single concept a wide range of factors that motivate and regulate the individual abilities of a person as a real subject of action in combination with information databases and specific conditions that include them in the cognitive network of cognition and social interactions.

Results and discussion. The interdisciplinary attitudes of engineering psychology, the problem of the subject in the organization of an interactive digital space of rational activity are considered. The characteristics of the machine-centric and anthropocentric paradigms of designing human-machine interactions are presented. The transition to interdisciplinary attitudes of human ecology, taking into account the basic importance of the environment in these interactions, as well as to the attitudes of digital ecology in the design of the sphere of virtual interactions, is highlighted.

Conclusion. The study of cognitive attitudes in the development of ergonomics shows the origins of the interdisciplinary approach to the analysis of the structure of rational activity

and its increasing relevance due to the need to conceptualize engineering knowledge, taking into account the sociotechnical, human-dimensional nature of modern innovative projects in all spheres of activity.

Keywords: rational activity, ergonomics, engineering psychology, human-machine interaction, socio-technical system, human dimension, digital environment

For citation: Shipunova, O.D., Berezovskaya, I.P. and Lisenkova, A.A. (2024), "Evolution of Interdisciplinary Settings in the Study of the Structure of Rational Activity", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 6, pp. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-5-16 (Russia).

Введение. В современной цифровой цивилизации структура рациональной деятельности включает не только когнитивные способности человека как реального субъекта действия, но также целый комплекс интеллектуальных систем, информационных баз данных и медиасред, которые образуют когнитивную сеть индивидуального познания и социальных взаимодействий. Цифровая среда оказывает колоссальное влияние на все сферы жизни современного человека. Увеличение темпа роста информации, требующей анализа в системе профессиональной деятельности, науки и технологии сопровождается изменением структуры производства научного знания, созданием новых инструментов интеллектуального труда, основанных на многофакторном анализе и мгновенном доступе к большим массивам неоднородных данных. Кроме того, цифровая среда характеризуется высокой степенью интерактивности и моделирования взаимодействий, что открывает новые возможности для совместной работы, обмена знаниями и коллективного творчества. Новые цифровые технологии позволяют совершать сложные интеллектуальные операции, обрабатывать большие объемы информации, проводить исследования, реализовывать проекты, а также взаимодействовать с другими людьми на глобальном уровне, независимо от расстояния и местоположения. Ярким примером такого интеллектуального удаленного взаимодействия могут служить облачные проектные офисы, онлайн-сообщества, коллаборативные платформы и виртуальные пространства для совместной работы, учитывающие современные особенности коммуникаций и обеспечивающие комфортные и эффективные условия труда.

Актуальность философского анализа инструментальной структуры рациональной деятельности человека связана не только с проблемами интенсивного замещения человека различными машинами, в том числе интеллектуальными, но также с перспективами безопасности его жизни в глобальном мире. Целостная система обеспечения жизненного мира социума опирается на интенсивное развитие информационно-интеллектуального инструментария в разработке наукоемких технологий. Отчуждение интеллектуальных операций и сетей от индивидуального процесса познания, введение интерактивных агентов в систему социальных взаимодействий, тем не менее не отменяет рациональную деятельность как главную характеристику специфически человеческого, осмысленного и преобразующего образа жизни.

Изучение оптимизации инструментов социально организованной производительной деятельности выделяется в научное направление по мере разворачивания технического прогресса в начале XX в. В этом контексте начало междисциплинарного подхода к анализу структуры рациональной деятельности человека соотносится с формированием эргономики в качестве прикладной научной дисциплины, направленной на решение проблем производительности труда, в центре внимания которой изначально были функции человека в дея-

тельной связи с технической системой. Развитие эргономики в СССР (20–30-е гг. XX в.) было связано с разработкой методов психотехники в производственных процессах и общественном управлении [1]. В 60-х гг. XX в. отечественная наука обратилась к анализу проблем, связанных с деятельностью человека, включенного в динамику сложной системы [2]. В 1970–1980 гг. на основе обобщения результатов исследований по программам Министерства обороны и промышленности в качестве концептуального основания эргономики закрепляется научный подход к исследованию согласованной взаимосвязи свойств человека и систем военного назначения [3]. Под влиянием расширения процессов автоматизации производства появляется новое направление, связанное с анализом интеллектуального инструментария рациональной деятельности в информационных средах [4].

В цифровую эпоху концептуальное оформление науки, занимающейся комплексным изучением процессов, средств и условий рациональной деятельности человека, связано с объединением разных дисциплин: психологии, социологии, информатики, системотехники. Разработка теоретических и методических основ проектирования высокоэффективных технологических комплексов направляется парадигмальными установками экологии человека [5, 6].

Цель статьи – выявить уровни концептуализации в исследовании структуры рациональной деятельности на основе философского анализа эволюции междисциплинарных установок эргономики как научного направления, показать роль принципа человекоразмерности в разработке цифровых сред с гибридным интеллектом.

Методология и источники

Междисциплинарные установки в концептуализации эргономики (исторический обзор). Формирование эргономики изначально было обращено к исследованию психофизиологического потенциала человека в условиях усложнения технологии производства. Первые формы соединения психологической науки с различными сферами практической деятельности появились в 1920–30-е гг. С целью оптимального использования физических и психических возможностей человека для улучшения производительности труда были проведены исследования в разных странах, включая СССР, Великобританию и США. В 40-е гг. XX в. складывается особая прикладная система знаний – инженерная психология, представленная в работах К. Моргана [7], П. Фитса [8], К. Д. Викенса [9], С. Н. Роско [10]. В конце 40-х гг. в Англии было основано первое сообщество специалистов в области инженерной психологии, а уже в 1961 г. 30 стран, имеющих развитый промышленный (военный и гражданский) комплекс, стали членами Международной эргономической ассоциации.

В отечественной науке начало прикладных исследований человеко-машинных взаимодействий было связано с разработкой методов психотехники для их практического применения в обеспечении устойчивой работы сложных производственных и транспортных систем. Основателями школы практической психологии, ориентированной на выявление закономерностей поведения человека в инженерной деятельности и работе с техническими устройствами, были В. Штерн [11] и Г. Мюнстерберг [12]. В теории Г. Мюнстерберга подчеркивалась детерминированность психических процессов не только работой нервной системы организма, но также условиями жизни, включая социальные требования к индивидуальной деятельности и поведению. Утверждалась объективность психических процессов человека, их доступность как объекта научного наблюдения и исследования в дополнение к

традиционному методу интроспекции, который предполагает только саморефлексию и самонаблюдение субъективных состояний. В развитии отечественной психотехники задачи междисциплинарного плана, которые решали ученые Н. А. Эпле, К. К. Платонов, В. В. Чебышев, Н. А. Бернштейн, предполагали исследование закономерностей поведения человека в производственной ситуации на базе психофизиологии и охватывали большой спектр трудовой деятельности, начиная с гражданского сектора советской промышленности, кончая сложными операциями оптимизации приборных панелей летательных аппаратов [3]. Однако в 1936 г. по идеологическим соображениям все центры и лаборатории, занимающиеся исследованиями в области психотехники в промышленности и психофизиологии труда, были ликвидированы. Новый виток развития отечественных разработок прикладных методов психологии был связан с запросом оборонной промышленности в 1950-х гг., благодаря которому Д. Ю. Панов создал в НИИ автоматической аппаратуры лабораторию по исследованию «человеческого фактора» в технике. А уже в 1959 г. была основана первая в нашей стране лаборатория инженерной психологии под руководством выдающегося выпускника Ленинградского государственного университета Б. Ф. Ломова. Именно Б. Ф. Ломов провел комплексные исследования в области инженерной психологии и психологии труда, выпустил множество книг и справочников, содержащих результаты его научной работы. Эти данные до сих пор являются актуальными источниками в исследованиях по антропометрии, параметрам восприятия и переработки информации человеком [3].

Результаты и обсуждение

1. Интеграция знания в рамках инженерной психологии. В 1960-х гг. отечественная наука обратилась к анализу проблем, связанных с деятельностью человека, включенного в динамику сложно организованной системы. Инженерная психология оформляется в качестве прикладного междисциплинарного направления, предметом которой выступает исследование функций и личностных особенностей человека в роли оператора сложного технического объекта. Центральное место в перспективных исследованиях отводится законам восприятия и переработки информации человеком, осуществляющим контроль и управление техническим комплексом. Результатом работы психологов стали описания законов и рекомендации по обеспечению оптимальных форм представления информации. Одновременно с этим развитие промышленности требовало новых инженерных решений не только в создании сложных объектов, но и в проектировании технологических процессов и условий труда. В 1962 г., благодаря В. М. Мунипову и В. П. Зинченко [13], был создан отдел эргономики на базе Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики. Таким образом, эргономика как междисциплинарное направление в 1970-х гг. получает новый импульс в развитии. В результате к началу 80-х гг. в СССР был создан мощный научно-практический комплекс инженерной психологии и эргономики, ориентированный на решение задач в оборонной промышленности.

Новое направление исследования законов трудовой деятельности тесно связано с целой группой дисциплин, в частности: социологией труда, физиологией, психологией, инженерной психологией, гигиеной. Научные труды отечественных физиологов, инженерных психологов и эргономистов – И. М. Сеченова, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, В. П. Зинченко, В. М. Мунипова, и других [14] – легли в основание государственной системы требований к

создаваемым объектам военной техники, целью которой стало максимально возможное согласование характеристик человека (военнослужащих) и создаваемых сложных технических средств во всех направлениях военной промышленности.

Научный подход к исследованию и проектированию согласованной взаимосвязи свойств человека и систем военного назначения был закреплен в качестве концептуального основания эргономики в 1970–1980-х гг. на основе обобщения результатов исследований, выполненных по программам Министерства обороны и промышленности [15, 16].

2. *Концептуальные установки в анализе отношений человека и машины.* Исторически в исследовании взаимодействий человека и машины преобладала *машиноцентричная установка*, согласно которой человек (оператор) рассматривался как внешний элемент системы, функционирующий в двух режимах: оператор принимает сигналы – оператор выдает сигналы. В рамках этой установки концептуализация эргономики опирается на принципы психологии бихевиоризма, которая трактует поведение человека как сложную систему реакций на возникающее стимулы. Такое видение функций человека в технической системе довольно долго определяло в XX в. направление исследований в области инженерной психологии и особенно ярко проявилось в технологии информационного моделирования.

Смене машиноцентричной парадигмы способствовало расширение процессов автоматизация труда человека на производстве. Выполнение машинами и агрегатами непосредственных трудовых операций неизбежно вело к тому, что оператор большую часть своего времени должен был осуществлять контроль за машиной, обеспечивая надежность ее работы в заданном режиме. Таким образом, в системе автоматизированного производства на человека вместо конкретных механических операций возлагались более сложные рациональные действия по управлению работой объектов и анализу результатов выполнения технологических операций. В проектировании взаимодействий человека и технической системы стали опираться на общенаучные принципы информационного подхода и теории управления, в которых акцентируется роль человека в качестве системообразующего фактора, определяющего цели и направления функционирования технической системы. При выполнении трудовых задач человек в этом случае использует целый комплекс инструментов, необходимых для управления системой и получения информации о результате своих действий.

Эксперименты в аэрокосмической отрасли и авиастроении привели ученых к выводу, что надежность системы находится в высокой степени зависимости от места человека (оператора) в системе управления техническими средствами. Ограниченные возможности человеческого организма по переработке информации и принятию сложных производственных решений в критической ситуации в краткий промежуток времени стали причиной многих аварий и катастроф. Необходимость проектировать деятельность оператора, учитывая его интеллектуальные и психофизиологические возможности, а также создавать устройства, приспособленные под конкретную деятельность человека, обусловили антропологический поворот в создании технических систем. Современная *антропоцентричная установка* в концептуализации эргономики подчеркивает ключевую роль человека в динамике сложной системы, поскольку его цели определяют режим и форму управления технологическими процессами [17, 18].

Вопросы взаимодействия человека и машины обостряются с распространением автоматизированных комплексов, работающих автономно с применением смарт технологий. Но-

вые проблемные области в эргономике связаны с формированием представлений о социотехнических человеко-размерных системах и потребностью в новых знаниях о структуре рациональной деятельности в условиях многослойных медиасред и цифровых технологий.

3. Специфика современных социотехнических систем. Междисциплинарные установки экологии человека в современной науке подчеркивают социотехнический, человеко-размерный характер любой искусственной конструкции в инновационном процессе. Задачи оптимизации информационного обеспечения деятельности человека при проектировании сложных технических объектов (как гражданских, так и военных) особенно актуальны, поскольку сложность эксплуатации объектов, негативные последствия ошибок людей и возможные аварии могут привести не только к снижению производительности трудовой деятельности, но и к последствиям, которые отразятся на жизни и среде обитания человека на многие десятилетия вперед. При создании сложных технических объектов перед промышленностью всегда ставится сверхзадача: необходимость выполнения обширного комплекса задач по обеспечению безопасности, экономичности, эффективности эксплуатации. В этом ключе системы стандартов по эргономике приобретают характер инструментария, который позволяет обобщать и утверждать удачные методы и характеристики технических систем, устанавливая пограничные условия, выход за пределы которых влечет за собой ухудшение эксплуатационных свойств техники [19].

Информационно-компьютерные технологии открыли перед промышленностью широкие возможности по управлению технологическими процессами: возможность обработки больших массивов данных за короткие промежутки времени и применение методов искусственного интеллекта для поддержки операторов систем управления.

Актуализация «человеческого фактора» в сложной динамике технологической эволюции связана с цифровыми трансформациями в социальных и профессиональных сферах деятельности. Внедрение информационных технологий в производственные процессы и повседневную жизнь привело к трансформации структуры рациональной деятельности человека. Особую роль в изменении процессов труда человека стали выполнять технологии искусственного интеллекта.

4. Организация эргономичного цифрового пространства рациональной деятельности. Принцип человеко-размерности в современной технологии конструирования информационных и производственных систем ориентирует на адаптацию интерфейса к индивидуальному пользователю, учету эргономических и антропометрических требований удаленной работы. Например, использование удобных и интуитивно понятных интерфейсов в цифровых приложениях позволяет пользователю эффективно выполнять свои задачи без лишнего напряжения, психологического давления и риска развития профессиональных заболеваний. Цифровые технологии позволяют автоматизировать многие процессы рациональной деятельности, такие как обработка данных, анализ информации, прогнозирование и принятие решений, что способствует повышению эффективности и точности работы, а также освобождает время для более творческих и высокоуровневых задач.

В настоящее время факторы, которые могут существенно изменить роль человека в управлении сложными техническими объектами, связаны с внедрением систем гибридного интеллекта, который позволит уменьшить избыточные нагрузки на операторов систем и дополнить когнитивные возможности человека (особенно в стрессовых и нестандартных ситуа-

циях и авариях). Предполагается, что применение искусственного интеллекта должно компенсировать ограничение возможностей оператора по вычислительным способностям и скорости обработки данных, но не должно исключать человека из контура управления, переводя его из активного элемента контроля действия системы в роль пассивного наблюдателя.

Установки цифровой экологии в проектировании информационных средств интегрируют психологические и эргономические рекомендации по безопасности деятельности человека в гибридных средах социальных взаимодействий. Междисциплинарный подход в разработке систем гибридного интеллекта опирается на законы взаимной адаптации в функционировании естественных, эволюционно сложившихся и искусственных человеко-машинных и социотехнических систем [20].

5. Проблема идентификации субъекта в интерактивной сети. Структура интеракций в человекообразных системах включает этапы сбора данных, проектирования и разработки системы, а также ее тестирования и оценки. Однако не менее важным видится включение субъекта в эту структуру. Субъект взаимодействует с системой, его деятельность включает в себя адаптацию, оценку и обратную связь. Эффективность работы технической системы предполагает соответствие потребностям и требованиям пользователей, разработку алгоритмов работы с учетом антропологических и психологических особенностей участников взаимодействия.

Если представить компоненты человекообразных систем, начиная со сбора антропометрических данных, проектирования и разработки подходящих интерфейсов и рабочих мест, а также тестирования и оценки их эффективности и безопасности, то можно создать алгоритм субъектного взаимодействия, опосредованный алгоритмом цифровой среды, находящийся в состоянии постоянной корректировки и улучшения на основе полученных результатов и обратной связи от пользователей. Такая структура может существенно повышать уровень интеллектуальной работы и взаимодействия на цифровых платформах различного профиля и включать следующие этапы:

- взаимодействие с системой, включая управление интерфейсом, и взаимодействие с элементами системы в соответствии с потребностями и задачами пользователя;
- адаптация к системе, ее особенностям, в том числе к интерфейсу и функциональным возможностям;
- оценка эффективности удобства использования системы, ее соответствие задачам и потребностям, а также ее влияние на результаты труда;
- обратная связь и корректировка на основе полученного опыта должна привести к ее улучшению и повышению эффективности взаимодействия.

Развитие цифрового пространства интеракций сопровождается появлением новых уровней опосредованных субъектных взаимодействий, которые ассоциируются с цифровыми агентами сети. Анонимность участников виртуальных коммуникаций уравнивает человека со всеми включенными в сеть интеракции цифровыми агентами. Особенно ярко эта тенденция выражена в связи с массовым распространением лингвистических моделей ИИ в виде ChatGPT, которая может вести диалог с собеседником: отвечать на вопросы, давать советы и объяснять сложные понятия. Из чего можно заключить, что искусственный интеллект обладает способностью образования суждений, обобщению накопленного и постоянно пополняемого опыта [21].

Отождествление функций искусственных интерактивных систем и человека опирается на акторно-сетевую теорию [22], в которой традиционное понятие *субъект* заменяется понятием *актор* (или *агент*), в содержании которого подчеркивается активность в интеракциях, а также в процессах информационной и рациональной деятельности, но отсутствует указание на ответственность, характеризующую человека как реального субъекта социального действия. В этой связи актуализируется неопределенность ценностно-нормативного контекста взаимодействия в цифровой среде.

Заключение. Исследование изменений инструментальной структуры рациональной деятельности в ходе научно-технического прогресса и технологической эволюции XX–XI вв. позволяет выявить концептуальные основания для новых гипотез предполагаемого познавательного соотношения человека и машины в цифровом мире.

Анализ проблем эргономики и инженерии технических систем подтверждает тот факт, что концептуальное основание эргономики как междисциплинарного направления составляет исследовательская установка, акцентирующая социотехнический и человекоразмерный характер инновационных проектов во всех сферах деятельности.

Переход от машиноцентрической парадигмы в трактовке отношений человек–машина к антропоцентричной, человекоразмерной установке представляется закономерным этапом в концептуализации эргономики, обусловленным интенсивной автоматизацией труда и развитием информационно-интеллектуальных технологий в цифровую эпоху.

На примере развития эргономики можно наблюдать не только то, как новые открытия и технологии кардинально изменяют структуру рациональной деятельности, но и как знание о законах деятельности человека может формировать технологический облик новых изобретений и разработок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мунипов В. М. Общая судьба педологии, психотехники и психологии в 30-е годы в СССР // Ежегодник Российского психологического общества. Антология современной психологии конца XX в. Т. 7, вып. 3. Казань: Изд-во КГТУ, 2001. С. 208–233.
2. Экспериментально-психологические исследования в авиации и космонавтике / Г. Т. Береговой, Н. Д. Завалова, Б. Ф. Ломов, В. А. Пономаренко. М.: Наука, 1978.
3. Методологические проблемы эргономики / В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, В. М. Мунипов // Методологические проблемы эргономики: материалы I Междун. конф. ученых и специалистов стран-членов СЭВ и СФРЮ по вопросам эргономики. М.: ВНИИТЭ, 1972. С. 5–26.
4. Сергеев С. Ф. Введение в инженерную психологию и эргономику иммерсивных сред: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ ИТМО, 2011.
5. Дергачев К. В., Кузьменко А. А., Спасенников В. В. Анализ взаимосвязи объекта и парадигмы исследования в эргономике с использованием информационных технологий // Эргоди-зайн. 2019. № 1. С. 12–22. DOI: 10.30987/article_5c518d8bd8e3d8.46297271.
6. Экология человеческого бытия: словарь. Ч. III. Цифровая экология / под ред. Д. В. Соломко, Е. П. Емченко; пер. Р. В. Пеннер, К. Е. Резвушкина, С. А. Резвушкиной. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2022.
7. Инженерная психология в применении к проектированию оборудования / ред. Клиффорд Т. Морган и др.; пер. с англ.; под ред. Б. Ф. Ломова, В. И. Петрова. М.: Машиностроение, 1971.
8. Fitts P. M. Engineering psychology // Annual Review of Psychology 1958. Vol. 9. P. 267–294. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.09.020158.001411>.

9. Wickens C. D. Engineering psychology and human performance. 2nd ed. NY: HarperCollins Publishers, 1992.
10. Roscoe S. N. The adolescence of engineering psychology // Human factors history monograph series / in S. M. Casey (ed.). Vol. 1. Santa Monica, CA: Human Factors and Ergonomics Society, 1997. P. 1–9.
11. Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: Наука, 1998.
12. Мюнстерберг Г. Основы психотехники / пер. с нем.; под ред. Б. Н. Северного, В. М. Экземплярского. Ч. 1. М.: Рус. книжник, 1922.
13. Мунипов В. М. Камо грядеши, эргономика? М.: ВНИИТЭ, 1992.
14. Справочник по инженерной психологии / под ред. Б. Ф. Ломова. М.: Машиностроение, 1982.
15. Львов В. М. Математические методы обработки экспериментальных исследований в эргономике, инженерной психологии и психологии труда. Тверь: Триада, 2004.
16. Губинский А. И. Надежность и качество функционирования эргатических систем. Л.: Наука, 1982.
17. Дементьев В. И. Антропологический аспект эргономической системы. Н. Новгород: Изд-во НГТУ, 2008.
18. Новиков В. В. Основы инженерной психологии и эргономики. Волгоград: Изд-во Волгогр. ГТУ, 2015.
19. Березкина Л. В., Кляуззе В. П. Эргономика информационной среды. Минск: Вышэйшая школа, 2023.
20. Венда В.Ф. Системы гибридного интеллекта: эволюция, психология, информатика. М.: URSS, 2020.
21. Березовская И. П. Проблема искусственного интеллекта: что думает о себе ChatGPT? // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 100, № 5. С. 10–15. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-100-5-10-15.
22. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд-во ВШЭ, 2014.

Информация об авторах.

Шипунова Ольга Дмитриевна – доктор философских наук (2004), профессор (2011), профессор Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29 литера Б, Санкт-Петербург, 195251, Россия. Автор 193 научных публикаций. Сфера научных интересов: философские проблемы науки и техники, философские проблемы субъективности, взаимодействие социальной системы и научно-технологического прогресса.

Березовская Ирина Петровна – кандидат философских наук (2006). доцент (2012), доцент кафедры истории, философии, политологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, Московский пр., д. 9, Санкт-Петербург, 190031, Россия; доцент Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29 литера Б, Санкт-Петербург, 195251, Россия. Автор 115 научных публикаций. Сфера научных интересов: философские проблемы науки и техники, философская антропология, проблема цифровой реальности.

Лисенкова Анастасия Алексеевна – доктор культурологии (2021), доцент (2009), профессор Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29 литера Б, Санкт-Петербург, 195251,

Россия. Автор 130 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, философская антропология, проблемы идентичности и субъективности в цифровом мире.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 30.08.2024; принята после рецензирования 23.09.2024; опубликована онлайн 23.12.2024.*

REFERENCES

1. Munipov, V.M. (2001), "The common fate of pedology, psychotechnics and psychology in the 30s in the USSR", *Ezhegodnik Rossiiskogo psikhologicheskogo obshchestva. Antologiya sovremennoi psikhologii kontsa XX v.* [Yearbook of the Russian Psychological Society. Anthology of modern psychology of the late twentieth century], vol. 7, iss. 3, Izd-vo KGTU, Kazan', RUS, pp. 208–233.
2. Beregovoi, G.T., Zavalova, N.D., Lomov, B.F. and Ponomarenko, V.A. (1978), *Eksperimental'no-psikhologicheskie issledovaniya v aviatsii i kosmonavtike* [Experimental psychological research in aviation and astronautics], Nauka, Moscow, USSR.
3. Zinchenko, V.P., Leont'ev, A.N., Lomov, B.F. and Munipov, V.M. (1972), "Methodological problems of ergonomics", *Metodologicheskie problemy ergonomiki* [Methodological problems of ergonomics], VNIITE, Moscow, USSR, pp. 5–26.
4. Sergeev, S.F. (2011), *Vvedenie v inzhenernyuyu psikhologiyu i ergonomiku immersivnykh sred* [Introduction to engineering psychology and ergonomics of immersive environments], Izd-vo SPbGU ITMO, SPb., RUS.
5. Dergachyov, K.V., Kuzmenko, A.A. and Spasennikov, V.V. (2019), "Analysis of the relationship between the object and the paradigm of research in ergonomics with the use of information technologies", *Ergodesign*, no. 1, pp. 12–22. DOI: 10.30987/article_5c518d8bd8e3d8.46297271.
6. *Ekologiya chelovecheskogo bytiya: slovar'. Ch. 3 Tsifrovaya ekologiya* [Ecology of human existence: dictionary. Part III. Digital ecology] (2022), in Solomko, D.V. and Emchenko, E.P. (eds.), Transl. by Penner, R.V., Rezvushkin, K.E. and Rezvushkina, S.A., Izd. tsentr YuUrGU, Chelyabinsk, RUS.
7. *Human Engineering Guide to Equipment Design* (1971), Morgan, C.T. et al. (eds.), Transl. Lomov, B.F. and Petrov, V.I. (eds.), Mashinostroenie, Moscow, USSR.
8. Fitts, P.M. (1958), "Engineering psychology", *Annual Review of Psychology*, vol. 9, pp. 267–294. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.09.020158.001411>.
9. Wickens, C.D. (1992), *Engineering psychology and human performance*, 2nd ed., HarperCollins Publishers, NY, USA.
10. Roscoe, S.N. (1997), "The adolescence of engineering psychology", *Human factors history monograph series*, in Casey, S.M. (ed.), vol. 1, Human Factors and Ergonomics Society, Santa Monica, CA, USA, pp. 1–9.
11. Stern, W. (1998), *Die differentielle psychologie in ihren methodischen grundlagen*, Nauka, Moscow, RUS.
12. Münsterberg, H. (1922), *Grundzüge der psychotechnik*, Transl. Severnyi, B.N. and Ekzemplarskii, V.M. (eds.), Russkii knizhnik, Moscow, RUS.
13. Munipov, V.M. (1992), *Kamo gryadeshi, ergonomika?* [Where are you coming, ergonomics?], VNIITE, Moscow, RUS.
14. *Spravochnik po inzhenernoi psikhologii* [Handbook of engineering psychology] (1982), in Lomov, B.F. (ed.), Mashinostroenie, Moscow, USSR.
15. L'vov, V.M. (2004), *Matematicheskie metody obrabotki eksperimental'nykh issledovaniy v ergonomike, inzhenernoi psikhologii i psikhologii truda* [Mathematical methods of processing experimental studies in ergonomics, engineering psychology and labor psychology], Triada, Tver', RUS.
16. Gubinskii, A.I. (1982), *Nadezhnost' i kachestvo funktsionirovaniya ergaticheskikh sistem* [Reliability and quality of functioning of ergatic systems], Nauka, L., USSR.
17. Dement'ev, V.I. (2008), *Antropologicheskii aspekt ergonomicheskoi sistemy* [Anthropological aspect of the ergonomic system], Izd-vo NGTU, N. Novgorod, RUS.

18. Novikov, V.V. (2015), *Osnovy inzhenernoi psikhologii i ergonomiki* [Fundamentals of Engineering Psychology and Ergonomics], Izd-vo Volgogr. GTU, Volgograd, RUS.
19. Berezkina, L.V. and Klyauzze, V.P. (2023), *Ergonomika informatsionnoi sredy* [Ergonomics of the information environment], Vysheishaya shkola, Minsk, BLR.
20. Venda, V.F. (2020), *Sistemy gibridnogo intellekta: Evolyutsiya, psikhologiya, informatika* [Hybrid Intelligence Systems: Evolution, Psychology, Computer Science], URSS, Moscow, RUS.
21. Berezovskaya, I.P. (2023), "The problem of artificial intelligence: What does ChatGPT think about itself?", *Humanities and Social Sciences*, vol. 100, no. 5, pp. 10–15. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-100-5-10-15.
22. Latour, B. (2014), *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network- Theory*, Transl. by Polonskaya, I., in Gavrilenko, S. (ed.), Izd-vo VShE, Moscow, RUS.

Information about the authors.

Olga D. Shipunova – Dr. Sci. (Philosophy, 2004), Professor (2011), Professor of the Higher School of Social Sciences, Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia. The author of 193 scientific publications. Area of expertise: philosophical problems of science and technology, philosophical problems of subjectivity, interaction of the social system and scientific and technological progress

Irina P. Berezovskaya – Can. Sci. (Philosophy, 2006), Docent (2012), Associate Professor at the Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology, Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia; Associate Professor of the Higher School of Social Sciences, Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia. The author of 115 scientific publications. Area of expertise: philosophical problems of science and technology, philosophical anthropology, problem of digital reality.

Anastasia A. Lisenkova – Dr. Sci. (Cultural Studies, 2021), Docent (2009), Professor of the Higher School of Social Sciences, Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia. The author of 130 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, philosophical anthropology, problems of identity and subjectivity in the digital world.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 30.08.2024; adopted after review 23.09.2024; published online 23.12.2024.

Оригинальная статья
УДК 18.7.01.78
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-17-28>

Современное художественное пространство: проблема антропологической и эстетической трансформации

Елена Алексеевна Капичина

*Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганск, Россия,
eakarichina@bk.ru*

Введение. Проблема анализа современного художественного пространства имеет свою эволюцию, ее генезис сводится к пониманию различного рода трансформаций по отношению к традиционному искусству как форме творческого восприятия действительности, в основе которой лежат духовные ценности. В результате эволюции творческого процесса большая часть современных арт-практик, особенно концептуальных, «изгоняют» антропологическое и эстетическое начала из искусства. Чтобы понять почему происходят такие процессы в художественно-эстетической действительности, анализируется проблема антропологической и эстетической трансформации современного искусства, основные тенденции и место человека в современном художественном процессе.

Методология и источники. Автор использует, во-первых, герменевтическую методологию анализа художественных текстов и смысловых установок; во-вторых, комплекс художественно-эстетических и искусствоведческих методов, направленных на выявление и обобщение материалов, посвященных конкретным произведениям искусства и, в-третьих, философско-антропологическую методологию, анализирующую общекультурную ситуацию постмодерна и места в нем человека.

Результаты и обсуждение. В результате обсуждений выявлено, что характерными особенностями современных художественных элитарно-концептуальных практик периода постмодерна являются: плюрализм и отказ от любых канонов; откровенное цитирование и заимствование; концептуализация любых жестов художника; множественность интерпретаций; многоуровневость восприятия; отказ от изобразительности; эксперимент с новыми формами; создание иллюзии «игры в реальность»; ирония, пастиш, черный юмор и эпатажность; наконец, «смерть автора» и утрата своего «Я».

Заключение. В современной культуре концептуализм становится некой артикулируемой формой выражения художественного сознания постмодерна. Как только искусство выходит из своих границ, оно полностью трансформирует свои онтологические основания – исчезает его антропологический стержень и происходит «смерть автора». Продуктами концептуального творчества становятся некие симулякры языка, стиля или символики, имитирующие ранее существовавшие человеческие смысло-ценности. Такое искусство неантенизирует человека с традиционной системой ценностей, извращает смысл самого творчества, трансформирует эстетические и антропологические установки творческого процесса.

Ключевые слова: художественное пространство, элитарно-концептуальное искусство, неантенизация, супрематизм, реди-мейд, поп-арт, концептуализм

© Капичина Е. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Капичина Е. А. Современное художественное пространство: проблема антропологической и эстетической трансформации // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 6. С. 17–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-17-28.

Original paper

Modern Artistic Space: the Problem of Anthropological and Aesthetic Transformation

Elena Alekseevna Kapichina

*Lugansk Vladimir Dahl State University, Lugansk, Russia,
eakapichina@bk.ru*

Introduction. The problem of analyzing the contemporary artistic space has its own evolution, its genesis is reduced to understanding different kinds of transformations in relation to the traditional art as a form of creative perception of reality based on spiritual values. As a result of the evolution of the creative process, most of the contemporary art practices, especially conceptual ones, «expel» anthropological and aesthetic origins from art. To understand why do such processes occur in the field of low-aesthetic reality, the author analyzes the problem of anthropological and aesthetic transformation of modern art, the main trends and place of a person in the contemporary artistic process.

Methodology and sources. The author uses, first, hermeneutic methodology of analysis of artistic texts and conceptual approaches of authors; secondly, a set of artistic-aesthetic and artistic-historical methods aimed at identifying and generalizing materials, Dedicated to specific works of art; and, thirdly, philosophical-anthropological methodical analysis of the post-modern cultural situation and place of a person.

Results and discussion. As a result of the discussions it was revealed that the characteristics of the current elitist conceptual practices of the postmodern period are: pluralism and offbeat from any canons; frank citation and borrowing; conceptualization of any gestures of the artist; the multiplicity of interpretations; multi-level perception; rejection of imagery; experimenting with new forms; creating the illusion of a «game of reality»; irony, pastiche, black humor and shock value; and finally, the author's death and the loss of one's own «I».

Conclusion. In modern culture conceptualism becomes an articularized form of expression of the artistic consciousness of postmodernism. As art moves beyond its boundaries, it completely transforms its ontological foundations, then its anthropological core disappears and the author's «death» occurs. The products of conceptual creativity are some kind simulacrum of language, style or symbols, which simulate pre-existing human values. Such art neantisates person with traditional values, perverts the meaning of creativity itself, transforms the aesthetic and the anthropological attitudes of the creative process.

Keywords: art space, elitist conceptual art, nihilation, suprematism, ready-made, pop art, conceptualism

For citation: Kapichina, E.A. (2024), "Modern Artistic Space: the Problem of Anthropological and Aesthetic Transformation", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 6, pp. 17–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-17-28 (Russia).

Введение. Ситуация с современным искусством, начиная с XX в., напоминает улыбку Чеширского Кота у Льюиса Кэрролла. Кот исчез, а улыбка висит в воздухе, и непонятно, есть она или чудится. Так и с современным искусством – совсем непонятно, есть оно или просто нам чудится. Непосвященному человеку совершенно непонятно, каковы критерии современного искусства, понятно лишь, что художественные и эстетические ценности в

привычном значении перестали быть приоритетами художественного творчества. Искусство перестало быть квинтэссенцией духовной культуры общества, а информатизация и технизация современной культуры изменили творческие методы до неузнаваемости. Технологические и интеллектуальные эксперименты современной арт-среды, привели к тому, что зритель потерял всяческие критерии оценивания этого творчества.

Современное искусство – это сфера художественной деятельности, проецирующая современный тип мироотношения человека, живущего здесь и сейчас, в нашей культуре, со всеми ее социокультурными и историческими характеристиками. Это мировоззрение выражается в форме продуцирования чистых эстетических идей, не всегда понятных широкой публике. В целом специалисты разделяют современные арт-проекты как минимум на две группы: доступные широкой массе зрителей и элитарные.

Элитарно-концептуальное искусство – это совокупность современных арт-практик и направлений, художественных объединений и индивидуальных авторских проектов, которые акцентируют свое внимание на идее, концепте, смысле своих творческих поисков, отрицая формальную фигуративность и изобразительность. По большому счету все авангардные направления искусства являются элитарно-концептуальными, поскольку ломают традиционные и общепринятые рамки понимания искусства. Это искусство а priori не может быть массовым и доступным широкому зрителю. Василий Кандинский говорил: «Всякое произведение искусства есть дитя своего времени, часто оно и мать наших чувств» и далее: «... каждый культурный период создает свое собственное искусство, которое не может быть повторено» [1, с. 9]. Каждый период истории культуры создает свое искусство, в котором сконцентрированы все ценности эпохи, ценности человеческого бытия определенного времени. Искусство как зеркало эпохи отражает мир человека и его культуру. Сегодня, когда культура претерпевает кризис духовно-нравственных ценностей, художественные практики являются проекцией того кризиса, который поразил и социальную и нравственную сферу человека. Актуальность этой статьи заключается в стремлении автора выявить причины и основные тенденции современных трансформаций художественной сферы элитарно-концептуального искусства, изменивших место человека в постмодернистском творчестве.

Начиная со второй половины XIX в., философия стремилась изгнать метафизику из культурного пространства и поставить на ее место прагматизм, позитивизм, сциентизм, в которых культивируются материально-технические, научные ценности, в которых нет места человеку с его душой и чувствами. Чего стоит заявление Ф. Ницше о смерти Бога, нигилизм всех традиционных ценностей и смыслов? А низведение А. Бергсоном интеллекта до прикладной функции человеческого мозга, не способной постичь мир в его целостности? Декадентские настроения безнадежности и неприятия культуры и жизни породили бунтарский протест авангарда и модернизма начала XX в. Именно в авангардном искусстве были заложены генетические предпосылки современного искусства.

Итак, целью статьи является выявление причин и описание основных тенденций современных художественных практик, трансформирующих искусство в некий симулякр, в котором все человеческие ценности сводятся к Ничто.

Методология и источники. Для исследования проблемы антропологических и эстетических трансформаций современного художественного пространства, автор использует гер-

меневтическую методологию анализа художественных текстов и смысловых установок авторов. Работы К. Малевича, В. Кандинского, М. Дюшана и других авторов, проясняют их эстетическую теорию и авторское понимание художественной символики и особых техник изобразительного и визуального авангардного искусства. Еще в начале XX в. в бунтарско-эпатажных, декларативно-манифестарных движениях творческой мысли появляются знаковые художественные эксперименты, оформившиеся впоследствии в целые направления и школы, ставшие определяющими для будущего искусства. Идейнными предшественниками современного искусства многие теоретики считают супрематизм К. Малевича, беспредметное искусство В. Кандинского и в целом абстрактное искусство, с одной стороны, а с другой – реди-мейд М. Дюшана, поп-артовские объекты и разнообразные акции. В чем здесь суть? Главная идея заключается в разрыве изображения и изображенного, в создании дистанции между ними. В результате плоскость картины оказывается беспредметной и «пустой», а предмет «выходит» в художественное пространство как самостоятельный арт-объект.

Комплекс художественно-эстетических и искусствоведческих методов, использованных в исследовании, направлен на выявление и обобщение материалов, посвященных конкретным произведениям искусства. Проблема анализа художественного произведения – одна из самых сложных и еще недостаточно изученных. В основе ее лежат два методологических уровня – философско-эстетический и искусствоведческий. Задачей философско-эстетического анализа становится интерпретация, сравнение и поиск общих закономерностей и сущностных констант, определяющих смысл произведения или определенного направления, авторской школы (произведения). Эстетический анализ выявляет эмоциональное состояние художника, его ценностно-смысловые ориентиры, а также возможные чувства и переживания реципиента, возбуждаемые конкретным произведением живописи или другого искусства, эстетический эффект восприятия формы и содержания произведения. Задачами искусствоведческого анализа является выявление и классификация формально-стилистических или семиотических признаков произведения, анализ сюжета, иконографии, семиозис, соотнесение символики с эталонами или аналогами, классификация и т. д. Искусствоведческий анализ стремится выяснить содержание и идею произведения (если это возможно), художественные средства, которыми автор раскрывает ее. Содержание произведения искусства выражается определенной формой, которая воздействует на зрителя чувственно-эмоционально: в живописи цветом, композицией, силуэтом, движением, фактурой, в графике – характером рисунка, движением линии, штрихом, пятном, контрастом и т. п. Искусствоведческий анализ при рассмотрении произведений живописи определяет в них такие элементы, как изобразительность, предметность или беспредметность образов, абстрактность или реальность изображений, узнаваемость, пространственность, плоскостность изображения, различные формы интерпретации реальности и предметов, объектов и явлений. Искусствоведческие методы определяют в традиционном искусстве сюжет, жанр, тему, размеры и формат произведения, материалы и технику живописи, интерпретации линий, светотени, пластики и объемов, организацию композиции, ритмическую структуру изображения, специфику колорита, фактуру, стиль наконец и другие характеристики произведения живописи. В современном искусстве более актуальными становятся семиотический анализ знаков и герменевтическая интерпретация авторского замысла.

Философско-антропологическая методология представляет собой направленную на описание общекультурной ситуации постмодерна в искусстве и места в нем человека. Человек в данном ракурсе рассматривается в контексте внутренне присущих человеческому существованию ценностей, он творит художественное пространство сообразно своим внутренним приоритетам и вкусам. Человек формирует художественное бытие своего времени, его типологию и сущностные формы.

Таким образом, комплексная методология анализа современного художественного пространства как формы существования художественного сознания и сферы его мировоззренческих ценностей позволяет уяснить генезис формирования постмодернистских трансформаций, деформирующих человеческие ценности и представления о творчестве.

Результаты и обсуждение. Супрематизм Казимира Малевича раз и навсегда провел непреходимую черту, обозначая пропасть между старым искусством и новым, между человеком и его тенью, между жизнью и смертью. Малевич создает новую философию искусства – супрематизм как «новый живописный реализм». Он позиционирует новую систему как истинный реализм живописи, поскольку живопись, по убеждению художника, должна иметь свой специфический язык, отличный от других искусств. Отказ от изображения предметов ведет художника к созданию высшей беспредметности. Предметность Малевич заменяет простой геометрической формой (квадрат, крест, треугольник, круг), способной передавать ритм и динамику человеческого бытия. В своей высшей беспредметности Малевич пришел к чистой первоформе. Черный квадрат есть базисный элемент бытия, как «чистый ноль формы»: квадрат – не образ, требующий сопереживания зрителя, это чистый живописный текст-послание. К. Малевич создает новый художественный язык, в противовес прежнему, созданному еще Джотто, когда искусство как театр, как действие, должно было описывать художественный мир человека. *Язык Малевича ничего не описывает, он выражает энергетику цветоформы – это новый беспредметный язык.*

Малевич через экономию художественных средств и утверждение плоскости как нового элемента в искусстве создает авангардный метод творчества. Уйдя от прямой перспективы, художник сделал плоскость главным элементом чистого метафизического пространства. Это дает художнику новые ключи творчества, которыми можно открывать новые живые формы природы и мира в целом. Эта система распространилась впоследствии и на другие искусства (дизайн, театр, архитектура). Живопись супрематизма очистилась от предметности. *Художник в лице Малевича перестал быть живописцем – он стал акционистом.* Итак, супрематизм – не только художественное направление живописи, это философия жизнестроения пространства человеческого бытия. Малевич совершает революцию в эстетике и философии искусства, что становится впоследствии принципиальным мотивом для всего искусства XX в. Это искусство переформатирующее сознание человека, уводящее его от привычных рамок материального мировосприятия. Таким образом, *супрематизм Малевича не просто новый метод творчества, это новая философия человека XX в., послужившая точкой отсчета революционным изменениям в художественно-эстетической сфере. Супрематизм становится стилеобразующим фактором всего искусства XX – XXI вв.*

Похожие идеи высказывались и Василием Кандинским. К. Малевич создал геометрическую абстракцию, а В. Кандинский – органическую. Влияние этих концепций современ-

ный человек ощущает до сих пор. Причем если раньше преобладало в основном наследие Малевича (геометричность в архитектуре, дизайне), то сейчас начинает доминировать органика. Если согласно К. Малевичу смысл искусства состоит в красоте, основой которой является гармония, данная в диалектике противопоставлений, то, по мысли В. Кандинского, искусство – это прежде всего духовная сфера.

Отказ от изображения предметности порождает в элитарной культуре XX в. противоположное движение, превозносящее отвергнутую предметность и абсолютизирующее ее существование в художественном пространстве. Это движение во многом предопределяет формирование именно современного искусства, искусства последней четверти XX – начала XXI в. *Автором теперь становится не тот, кто создал произведение искусства, сотворил нечто новое, а тот, кто просто сказал: «Вот искусство, потому что я, художник, это утверждаю!»* Уже не важны смыслы и ценности, на первое место ставится игра зрительского воображения, эпатаж и шок. Поиск новых средств выражения привел к ироничным манифестациям и парадоксальным открытиям в области новых элитарно-концептуальных арт-практик.

Первооткрывателем техники предметного концептуализма становится создатель готовых объектов или реди-мейд – Марсель Дюшан. Реди-мейд делает предметность главной темой творчества. Объектом реди-мейда может стать любая вещь, не обладающая, какими-либо выдающимися характеристиками и эстетическими качествами и выбранная произвольно на усмотрение художника, увидевшего в предмете определенный смысл. Сушилка и писсуар манифестируют новую роль художника, новый способ представления произведения и абсолютно новый контекст отношений искусства и зрителя. По мнению Дюшана, художественное произведение появляется благодаря «взгляду зрителя». Именно реди-мейд, стоящий на принципах дадаизма, воплотил идею *«искусством может быть все!»*. Здесь намерение во много раз важнее исполнения «Естественно, ни сушилка для бутылок, ни писсуар не являются искусством. Но смех, который стоит за бесстыдным обнажением «всего, что для нас свято», настолько глубок, что в процессе отрицания наступает восхищение, которое перевертывается, даже если это означает собственные похороны (похороны того, «что для нас свято»)» [2, с. 126]. Трансформация антропологических и эстетических установок ломает мировосприятие зрителя. Выставляя свои скандальные работы на обозрение широкой публики, Дюшан-дадаист эпатирует общественность.

Философско-эстетическая идея реди-мейда заключается в изменении восприятия объекта и отношения к нему при перемещении этого объекта в новое художественное пространство. Обычная вещь, вырванная из обыденной реальности и помещенная в непривычные условия, например, на подиум, превращается в арт-объект. Ее созерцание вызывает новые ассоциации, мысли, идеи, не свойственные ни традиционному искусству, ни жизни. Утилитарный предмет открывается с новой и неожиданной стороны. Авторской признается не только творческая работа созидания, но и умение подбора вещей, несущих глубокую смысловую нагрузку. Данная идея впоследствии становится основополагающей и предопределяет на долгие годы смысл деятельности многих известных художников-концептуалистов уже современного искусства. *Миметический принцип, характерный для традиционного искусства, Дюшаном был доведен до абсурда, это была попытка показать, что никакое произведение искусства, будь то картина или скульптура, не может раскрыть сущность*

предмета, лучше, чем сам предмет, выставленный в оригинале. Такой подход привел к разрушению границ между искусством и действительностью, изменил смысл понимания проблемы художественного пространства.

Реди-мейд стал поворотным моментом в истории искусства. С его появлением наметилась четкая грань между понятием культура и пост-культура, искусство и антиискусство. Можно с уверенностью утверждать, что, появившись на свет более ста лет назад, «Фонтан» Марселя Дюшана «поставил шах и мат» традиционному пониманию искусства. Впервые в истории *значимость произведения искусства была полностью отделена от роли художника в его создании. Все ценности искусства как такового были сведены к Ничто, произошла «смерть автора», т. е. уничтожение роли человеческого начала в искусстве.*

Введение принципа случайности в художественную практику открыло не только путь к нигилизму, оно сделало ницшеанский нигилизм необходимым следствием нового мировоззрения человека – все случайно, а потому бессмысленно. «Ничто – это все, что осталось. Иллюзия устранена с помощью логики. На месте “иллюзии” возник вакуум, который не обладает ни моральными, ни этическими качествами. Это декларация НИЧТО, которая не является ни цинизмом, ни сожалением. Это констатация, с которой приходится мириться!» [2, с. 127].

После реди-мейда появляются объекты поп-арта, пародийно культивирующие ценности общества потребления и его разнообразных товаров. Идея Дюшана легла в основу искусства для широких масс, поп-арта, и его настойчивого стремления размыть границу между объектами высокой культуры и товарами широкого потребления. Без «Фонтана» не было бы «Коробок стирального порошка Брилло» и банок супа «Кэмпбелл». В творчестве одного из основателей новой арт-деятельности Э. Уорхола происходит переворачивание общепринятой ситуации, когда повседневные вещи и ситуации обыденной жизни становятся арт-объектами и арт-деятельностью.

Исключительная особенность традиционного художника полагается в том, что он делает Что-то из Ничего. Энди Уорхол производит обратное: все исчезает в его руках. Он делает Ничто из Чего-то. Он обращает вино в воду, потом стакан воды становится пустым стаканом и, наконец, исчезает вовсе. Зритель остается с пустыми руками. Сам Энди Уорхол вовсе не отрицал, что торгует Ничем, даже его банки супа – это бесплотные этикетки, другое дело, что именно *Пустота в конечном итоге и была смыслом его творчества.* В одном из многочисленных интервью Энди Уорхол заявил, что и себя ощущает несуществующим: «Один критик назвал меня “Само ничто”, и это совсем не укрепило меня в ощущении собственного существования. Потом я понял, что само по себе существование ничего не значит, и почувствовал себя лучше. Однако меня все еще преследует мысль о том, что я посмотрю в зеркало и никого не увижу, только пустоту» [3].

Можно утверждать, что «Фонтан» Дюшана, а после и банка супа «Кэмпбелл» Уорхола стали неким мериллом, которым впоследствии будут оценивать бесчинства авторов как эстетическое качество современного творческого акта. Реди-мейди и поп-арт превратили искусство в игру, и это, к сожалению, надолго. Таким образом, говоря о генезисе современного искусства, мы подчеркнем онтологическое значение философии супрематизма К. Малевича, беспредметности В. Кандинского, иронии реди-мейда М. Дюшана и философии повседневности и культа товаров потребления Э. Уорхола. Эти философско-эстетические установки

стали определяющими для развития современного элитарно-концептуального искусства. Именно здесь были поставлены вопросы о художественных границах между плоскостью и пространством, изображением и изображаемым, предметом и его изображением, обычным предметом и произведением искусства, а также о месте человека в новом художественном пространстве. *Именно с дюшановского и уорхоловского нигилизма начинается «смерть автора» в художественных практиках постмодерна.* Начиная с последней четверти XX в. и до наших дней, все эти вопросы проходят «красной нитью» в концептах современного искусства, предопределяя новые художественные техники и современные технологии.

Энди Уорхолом современности называют американского художника и скульптора Джеффа Кунса. У Уорхола была «Мэрилин Монро», у Кунса появился «Майкл Джексон». У Уорхола была «Фабрика» по производству шедевров, у Кунса – завод-студия. Отличием является лишь то, что Кунс возвёл поп-арт и китч на новую ступень, добавив к нему нотки американского концептуализма. Творчество Кунса классифицируют как нео-поп или пост-поп. Как и Уорхолл, он обращается к сюжетам только современных знаменитостей и предметов общего потребления. Излюбленный материал Джеффа Кунса – нержавеющая сталь, покрытая цветным глянцем, что делает монументальные работы на вид лёгкими и почти прозрачными. Идея состоит в том, что вы становитесь частью современного искусства, важной частью выставки. Важность присутствия зрителя намекает на то, что восприятие происходит только у него в голове. Подобной техникой автор делает значимость каждого зрителя более весомой, программируя таким образом эстетическое удовольствие и внимание к своему творчеству зрителя. Сегодня они входят в число самых дорогих произведений современного искусства. Это «искусство», предназначенное для потребления (купли–продажи).

В художественном пространстве концептуализма постмодерн нашел свое отражение, трансформировав взаимоотношения субъекта и объекта, ликвидировав дистанцированность зрителя и художника, элитарного и массового зрителя, а порой и ликвидируя самого автора. Отказываясь от предшествующей культурной парадигмы и культурной преемственности модерна, дистинкции искусства и антиискусства, новые потребительские арт-проекты изобретают великое множество техник и бизнес-уловок для зрителей. Игра включается в категориальный аппарат как основной способ взаимодействия и как один из основных признаков постмодернизма, характеризуется многовариантностью событий, исключает определённую. Игра тесно связана с иронией и «черным юмором», представляющим предшествующий опыт в новом ключе и ином контексте. К примеру, разинутая в зевоте пасть дюшановского «Фонтана» является ироничным прообразом оскала акулы в формальдегиде, которую создал знаменитый английский художник, предприниматель и коллекционер Дэмьен Хёрст («Физическая невозможность смерти в сознании живущего», 1991 г.), а также улыбающегося черепа, инкрустированного бриллиантами («Во имя любви к Богу», 2007 г.). Все арт-объекты, наделенные иронически-гипнотической силой, символизирующей Смерть, посмеиваются над нами с угрожающей самоуверенностью.

Смерть – центральная тема концептуальных работ Д. Хёрста. Следует подчеркнуть, что проблема эстетизации смерти все больше доминирует в работах современных художников-концептуалистов. Культура постмодернизма (а ведь именно культура формирует тип чело-

века) буквально пропитана духом смерти. *Постмодерн преподнес вселенский нарратив бытия-к-смерти, миф, в котором пребывает каждый из нас в отдельности и весь социум сообща.* Действительно, постмодерн пронизывается духом Танатоса – мифологического Бога смерти. Современный мир существует на зыбкой грани исчезновения через постоянную угрозу третьей мировой войны, через сползание в экологическую пропасть. *Смерть обесценивает жизнь, в которой нет Духа, а «смерть автора» обесценивает арт-проекты в которых нет человеческого начала, нет человеческой души.* Концептуализация смерти в работах современных художников является напоминанием о неизбежном и призывом задуматься о своих поступках уже сегодня.

Наиболее известная серия Д. Хёрста – Natural History: мёртвые животные (включая акулу, овцу и корову) в формальдегиде. Знаковая работа, уже упоминавшаяся ранее, – «Физическая невозможность смерти в сознании живущего»: тигровая акула в аквариуме с формальдегидом. Эта работа стала символом графической работы британского искусства 1990-х и символом Britart во всем мире. Все препарированные животные в формальдегиде оказываются абсолютно стерильными лабораторными субъектами, выхолащивая любой физиологизм (отсутствие крови). Хёрст создает некую эстетически минималистскую нематериальную красоту неживого тела. Это особая красота минималистской структуры препарированного тела. Любая туша животного уже не одушевленное существо, а некий лабораторный препарат, помещенный в форму контейнера. Нет ничего живого, нет боли, нет жизни, нет духа! Некоторые искусствоведы подчеркивают противопоставление Хёрстом человека духовного и бездушных препарированных животных, упорядочивая хаос жизни и смерти. Таким образом, объекты препарированных животных Хёрста есть *новая эстетика смерти.*

В этом выхолащивании кроется и отношение к религии. Иронизируя на темы религиозных сюжетов, Хёрст создает аллегории с препарированными животными на темы: «Иисус и апостолы», «Мать и дитя», «Заблудшая овца», «Св. Себастьян», «Мученичества Св.Матфея» и другие, с целью доказать невозможность религии, чем буквально мы воспринимаем все религиозные понятия, тем меньше в них оказывается мистики – результат позитивистского мировоззрения современного мира. В более позднем творчестве Хёрст вообще отождествляет религию и фармакологию, утверждая, что они выполняют одну и ту же функцию – *меняют человеческое сознание.*

Проблема жизни и смерти составляет главный концепт творчества Хёрста. Скульптура «Во имя любви к Богу», законченная художником в 2007 г., является иллюстрацией к тому, как физическая стоимость создает символическую. Это платиновая копия черепа европейца, умершего в XVIII в., с реальными зубами, инкрустированная почти тысячей бриллиантов и одним огромным во лбу. Изображение черепа отсылает к старой европейской традиции-аллегии тщетности сущего. Тему жизни и смерти продолжают бабочки. Бабочки – один из центральных объектов для выражения концептуального творчества Хёрста, он использует их во всех возможных формах: изображение на картинах, фотографии, инсталляции. Идея состоит в том, что бабочка является символом быстротечности и уязвимости человеческой жизни, а по сути бабочки играют роль символов смерти. Картины создаются при помощи наклеивания мертвых бабочек на свежеевыкрашенный холст (клей не используется, бабочки липнут к незатвердевшей краске сами). Холст при этом равномерно закрашен одним цветом,

а используемые бабочки имеют сложную, яркую окраску. Самой известной работой является великолепное готическое окно-роза собора в Дареме «Окно-роза Даремского собора» (2008). Ради создания этой работы Хёрст принес в жертву около девяти тысяч бабочек. Великолепные украшения, созданные из умертвленных бабочек, создают гнетущее настроение у зрителей, напоминают о быстротечности жизни и приближении смерти. Жизнь и смерть идут рядом. Инкрустированные бабочками, бриллиантами и драгоценными камнями яркие холсты Хёрста – это символ изящества и глянцевого блеска западной культуры потребления, они напоминают о главных темах художника: смерть, деньги, красота. Хёрст поднимает тему времени и бренности существования, курения и сигарет, отмеряющих часы жизни. В целом любая тематика приводит художника к новому взгляду на главный концепт своего творчества – идею смерти. Итак, творчество Дэмьяна Хёрста – пример западноевропейского концептуализма, отказавшегося от созидания и авторства, от духовного бессмертного в пользу культа телесного, смертного.

Наблюдая за судьбой концептуализма, можно предположить, что художники и дальше будут расширять границы представлений о том, что может быть искусством, а что нет, и действовать по завету создателя «Фонтана», которому, спустя полвека, вторил художник Дональд Джадд, утверждая, что если что-либо назвать искусством, то оно им и станет. Джадд был сторонником минимализма, самого чистого и аристократического направления, отказывающегося от традиционной красоты, фигуративности, от любого сентиментального содержания. Его считают представителем поколения художников 1960-х гг., которые стремились полностью покончить с иллюзией, повествованием и метафорическим содержанием. Он обратился к трем пространственным измерениям (стопки, коробки, прогрессии), а также к промышленным методам работы. Джадд сформировал даже новый словарь художественных форм, цель его творчества – установить связь между объектом, зрителем и пространством. Художник использовал материалы, которые, по его определению, помогли исследовать «реальное пространство». В своем манифесте он обосновывает создание трехмерных арт-объектов, которые не являются ни живописью, ни скульптурой. Это новое минималистическое искусство, которое работает с объемами и чистыми формами, уходя от нарративности и эмоциональности, трансформируя как антропологическое, так и эстетическое начало творчества. Это тот самый отказ от изображаемого, к которому призывали ещё Малевич и Кандинский. Джадд описывал собственную работу как «простое выражение сложной мысли». Он изобретает не произведения искусства, не арт-объекты, а *концептуальные инсталляции как вид искусства*, для Джадда важно *само пространство и его структура, которые инсталлируются на выставке минимализма*.

Одним из самых одиозных итальянских художников-концептуалистов считают Пьеро Мандзони, известного своим провокационными работами, создававшимися как прямой ответ на творчество его современника Ива Кляйна (синие монохромные, космогонии, антропометрии и т. д.). Для Мандзони творчество Лучо Фонтана, идеологически связанного с итальянскими футуристами, экспериментирующими с пространственными композициями, было чрезвычайно важным. Он эпатировал экспериментами «сакрализации тела и духа художника», а скульптуры из воздуха, по сути, превращаются у Мандзони в стремление «продавать воздух». В 1960 г. Мандзони представил в качестве произведения искусства не-

сколько сваренных вкрутую яиц, на которых он оставил свои отпечатки пальцев. Зрителям было позволено съесть всю экспозицию в течение 70 минут. Позже он начал продавать свои отпечатки пальцев на картинах и даже собственные фекалии в пронумерованных консервных баночках на которых написал: «Дерьмо художника» на четырёх языках. Сам Мандзони объяснил свое «творчество» как умение манипулировать доверчивостью любителей оригинального искусства. Мандзони очень быстро продал все баночки по цене... золота! Вот так один из известных представителей концептуального искусства смог оставить след в истории своей нетривиальностью, и, конечно же, талантом продавать свои «реликвии».

Речь здесь идет, конечно же, не о высоком искусстве, и не о стремлении зрителя к прекрасному, а о желании обывателя купить что-то от художника: дыхание, отпечатки пальцев, т. е. некие реликвии художника, что возносит его на пьедестал современной культуры. Это некий *постмодернистский симулякр сакрализации художника*, симулирующий христианскую идею реликвии святых. Умберто Эко писал, что художник – это «святой современного мира», мученик и пророк, творящий чудеса. Общество потребления, к сожалению, не стремится к постижению смысла действий художника, ему нужны объективные доказательства собственной причастности к знаменитому художнику, коллекции реликвий существования художника.

Отказ от изображаемого и презентация реальных органических объектов – главный философский концепт творчества Мандзони, в пределе выходящий к пост-поп-артовской идее: «каждый человек может быть произведением искусства» (при этом стоит отметить, что человек здесь понимается лишь как тело). *Как только искусство выходит из своих границ и полностью объединяется с реальностью, тогда исчезает идея зрителя, но при этом и исчезает сам художник, происходит реальная «смерть автора» и смерть самого искусства.*

В итоге можно констатировать, что концептуальные проекты постмодернистских арт-деятели являются ярким примером *провокационного творчества, уничтожающего рамки и суть искусства как такового*. Стремление заменить эстетические ценности и смыслы искусства на некие шокирующие интеллектуально-субъективные жесты художника, является результатом протеста против традиционной культуры, социального и политического устройства современного мира, в котором нет места человеку с эстетическим вкусом и традиционными ценностями. *Элитарно-концептуальное искусство изгоняет человека с традиционной системой духовных ценностей и эстетических вкусов из своего художественного пространства, извращает смысл самого творчества, трансформирует эстетические и антропологические установки.*

Заключение. Современное элитарно-концептуальное искусство с его установками на неантнизацию и девальвацию антропологических смыслов и ценностей противопоставлено традиционному искусству как духовной сфере жизни общества, творчески воспроизводящей действительность в художественных образах и произведениях. Творческий акт художника (в традиционном смысле) созидает новое художественное пространство, в котором основополагающую роль играют духовно-нравственные ценности и смыслы, авторское мировоззрение и эстетический вкус. В современном художественном пространстве концептуальных практик человек с его антропологическими ценностями, эстетическими вкусами и моральными установками практически исчезает, растворяется в безудержной бездуховной игре с арт-объектами. Общество потребления превращает человека в машину, механизм для

производства и потребления, тело, потребляющее материальные блага, отрешенное от духовно-нравственных потребностей. Поэтому и художественные практики нацелены на видимость, их ценность измеряется деньгами.

Итак, современное искусство в его концептуальном выражении представляет собой специфическую сферу художественной деятельности человека, проецирующую современный тип бездуховного мироотношения, выраженный в форме продуцирования трансформированных эстетических идей. Современное художественное пространство как модель мира современного человека включает в себя смысло-ценности, установки и вкусовые ориентиры художественного сознания, характеризующие его мировоззрение и вкусы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кандинский В. О духовном в искусстве / пер. с нем. А. Лисовского. Нью-Йорк: МЛС, 1967.
2. Рихтер Х. Дада – искусство и антиискусство. Вклад дадаистов в искусство XX века / пер. с нем. Т. Набатниковой М.: Гилея, 2014.
3. Buches. Энди Уорхол. Правила жизни // LiveJournal. 24.07.2007. URL: <https://ru-esquire.livejournal.com/48329.html> (дата обращения: 03.04.2004).

Информация об авторе.

Капичина Елена Алексеевна – доктор философских наук (2013), профессор (2014), профессор кафедры психологии и конфликтологии Луганского государственного университета имени Владимира Даля, кв. Молодежный, д. 20-а, Луганск, 291034, ЛНР, Россия. Автор более 140 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия искусства, философия музыки, эстетика и семиотика искусства.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 07.06.2024; принята после рецензирования 30.09.2024; опубликована онлайн 23.12.2024.*

REFERENCES

1. Kandinsky, W. (1967), *Ueber das Geistige in der Kunst*, Transl. by Lisovskii, A., MLS, NY, USA.
2. Rihter, H. (2014), *Dada – Kunst und Antikunst. Der Beitrag Dadas zur Kunst des 20. Jahrhunderts*, Transl. by Nabatnikova, T., Gileya, Moscow, RUS.
3. Buches (2007), "Andy Warhol. Rules of Life", *LiveJournal*, 24.07.2007, available at: <https://ru-esquire.livejournal.com/48329.html> (accessed 03.04.2004).

Information about the author.

Elena A. Kapichina – Dr. Sci. (Philosophy, 2013), Professor (2014), Professor at the Department of Psychology and Conflict Science, Lugansk Vladimir Dahl State University, 20 Youth sgr., Lugansk 291034, LNR, Russia. The author of more than 140 scientific publications. Area of expertise: philosophy of art, philosophy of music, aesthetics and semiotics of art.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 07.06.2024; adopted after review 30.09.2024; published online 23.12.2024.*

Оригинальная статья
УДК 128; 179; 159.9.01
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-29-39>

«Танатополитика» в социально-политическом дискурсе в 2000–2020-е гг.: между «живыми мертвецами» и «некросоциальностью»

Иван Михайлович Ротов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
stamatin.peter@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5009-3192>*

Введение. На протяжении последних двадцати лет в социально-политическом дискурсе активно используются термины «танатополитика», «некрополитика», «некроэкономика» и т. п. Но дефиниции этих значений остаются размытыми. В последние 4–5 лет их можно встретить и в русскоязычных статьях, а также в публичном пространстве блогов и youtube-каналов. Часто обращение к этим терминам связано с ангажированным высказываниями авторов из неакадемической среды. Цель данной статьи – обозначить область употребления термина «танатополитика» в академической литературе последних лет.

Методология и источники. Исследование выполнено в логике генеалогического подхода. Основной предмет интереса – разрывы в дискурсе, когда одни и те же или схожие термины наполняются новым содержанием или получают новые интерпретации. Был выполнен анализ англоязычных статей по направлениям политической философии, критической теории, литературоведения, проблемам гендерных исследований, истории и экономики. Именно в этом языковом и проблемном поле термин обрел актуальные на сегодняшний день дефиниции.

Результаты и обсуждение. В существующей англоязычной академической литературе можно выделить два подхода: 1) танатополитика – институционализированное государственное насилие, незитичные технологии управления, которые позволяют суверену конвертировать смерть на своей территории в ресурсы и легитимность. Авторы, которые придерживаются этого подхода к проблеме, оперируют понятием «некрополитика», вместо «танатополитика», но бывают исключения. Они опираются на одноименное эссе А. Мбембе и занимаются левой критикой конкретных примеров неокOLONIALИЗМА; 2) танатополитика – создание социальных связей через производство знаний об угрозах, имманентных жизни. Это феномен, когда общность формируется в силу того, что она в любой момент может исчезнуть. Такой подход к проблеме танатополитики характерен для исследователей художественной культуры и современных цифровых медиа.

Заключение. Авторы, которые используют в своей работе термин «танатополитика» и родственные ему, изучают диспозитив власть–смерть–знание. Однако его наличие в тексте не может быть однозначным маркером позиции исследователя. Иногда выбор этого термина – маркер критических выпадов в адрес конкретных политических решений государства. Но еще о танатополитике пишут авторы, изучающие горизонтальные социальные связи, порождаемые знанием о смерти.

© Ротов И. М., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: танатополитика, некрополитика, политическая философия, дискурс-анализ, Ахилле Мбембе

Для цитирования: Ротов И. М. «Танатополитика» в социально-политическом дискурсе в 2000–2020-е гг.: между «живыми мертвецами» и «некросоциальностью» // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 6. С. 29–39. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-29-39.

Original paper

“Thanatopolitics” in the Socio-Political Discourse in the 2000s and 2020s: between the “Living Dead” and “Necrosociality”

Ivan M. Rotov

*Kazan Federal University, Kazan, Russia,
stamatin.peter@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5009-3192>*

Introduction. Over the past twenty years, the terms “thanatopolitics”, “necropolitics”, “necroeconomics”, etc. have been actively used in socio-political discourse. But the definitions of these meanings remain blurred. In the last 4–5 years, they can be found in Russian-language articles, as well as in the public space of blogs and YouTube channels. Often, the use of these terms is associated with biased statements by authors from a non-academic environment. The purpose of this article is to identify the area of use of the term “thanatopolitics” in the academic literature of recent years.

Methodology and sources. The study was carried out in the logic of the genealogical approach. The main subject of interest is gaps in discourse, when the same or similar terms are filled with new content or receive new interpretations. The analysis of English-language articles in the fields of political philosophy, critical theory, literary studies, gender studies, history and economics was carried out. It is in this linguistic and problematic field that the term has acquired definitions that are relevant today.

Results and discussion. Two approaches can be distinguished in English-language academic literature: 1) thanatopolitics – institutionalized state violence, unethical management technologies that allow the sovereign to convert death on his territory into resources and legitimacy. The authors who adhere to this approach to the problem use the concept of “necropolitics” instead of “thanatopolitics”, but there are exceptions. They rely on the essay of the same name by A. Mbembe and engage in leftist criticism of specific examples of neocolonialism; 2) thanatopolitics – the creation of social connections through the production of knowledge about threats to immanent life. The phenomenon when a community is formed due to the fact that it can disappear at any moment. This approach to the problem of thanatopolitics is typical for researchers of artistic culture and modern digital media.

Conclusion. The authors who use the term “thanatopolitics” and other terms related in their work study the power-death-knowledge dispositif. But its presence in the text cannot be an unambiguous marker of the researcher's position. Sometimes the choice of this term is a marker of critical attacks against specific political decisions of the state. But the authors who study the horizontal social connections generated by knowledge about death also write about “thanatopolitics”.

Keywords: thanatopolitics, necropolitics, political philosophy, discourse analysis, Achille Mbembe

For citation: Rotov, I.M. (2024), ““Thanatopolitics” in the Socio-Political Discourse in the 2000s and 2020s: between the “Living Dead” and “Necrosociality””, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 6, pp. 29–39. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6- 29-39 (Russia).

В 2000–2020-е гг. в англоязычных статьях о политической философии, критической теории, литературоведении, по проблемам гендерных исследований, истории и экономике часто можно встретить ряд родственных терминов с размытыми дефинициями. Речь о таких значениях как «танатополитика», «некрополитика», «танатовласть», «некрэкономика» и др. Все они восходят к работам М. Фуко «Безопасность. Территория. Население», «Нужно защищать государство», «История сексуальности» и другим.

Однако в 2020-е появляются тексты о танатополитике, которые вовсе не упоминают о биополитике и работах М. Фуко. Иногда авторы используют эти значения как нечто само собой разумеющееся или ограничиваются популярной цитатой из Д. Агамбена: «биополитика может обернуться танатополитикой».

Значения «танатологического дискурса» на протяжении последних 4–5 лет можно встретить как в русскоязычной академической литературе, так и в публичном пространстве блогов и youtube-каналов. Часто обращение к этим значениям связано с политически ангажированными критическими высказываниями авторов из неакадемической среды. Возникает ряд вопросов. Существует ли у танатологической оптики позитивное значение? Является ли выбор конкретных терминов гарантированным маркером авторской позиции? Какие подходы к проблеме «политики смерти» существуют в родном для дискурса англоязычном языковом пространстве? Ответить на эти вопросы необходимо, чтобы понять, почему эти термины привлекают внимание русскоязычных авторов.

Цель этой статьи – обозначить область употребления термина «танатополитика» в академической литературе последних лет. Исследование выполнено в логике генеалогического подхода. Основной предмет интереса – разрывы в дискурсе, когда одни и те же или схожие термины наполняются новым содержанием или получают новые интерпретации.

В существующей англоязычной академической литературе можно выделить два подхода к данной проблеме:

1. Танатополитика – институционализированное государственное насилие, неэтичные технологии управления, которые позволяют суверену конвертировать смерть на своей территории в ресурсы и легитимность. Авторы, которые придерживаются такого подхода к проблеме, преимущественно оперируют понятием «некрополитика», вместо «танатополитика», но бывают исключения. Они опираются на одноименное эссе А. Мбембе и стоят на позициях левой критики неокOLONIALИЗМА.

2. Танатополитика – создание социальных связей через производство знаний об угрозах, имманентных жизни. Феномен в том, что общность формируется в силу того, что она в любой момент может исчезнуть, и практики, которые позволяют такие общности создавать и описывать. Такой подход к проблеме танатополитики характерен для исследователей художественной культуры и современных цифровых медиа.

Впервые слово «танатополитика» в XX в. употребил итальянский философ Д. Агамбен в работе «Homo sacer» [1, с. 156–157]. Однако ранее приведенная цитата не передает его позицию по данному вопросу, а скорее вводит в заблуждение.

Для Агамбена невозможно представить, чтобы танатополитика была отделена от биополитики. В этом отношении он последовательно продолжает линию рассуждений М. Фуко из работы «Нужно защищать государство». Для Агамбена структура политического действия диа-

лектична: суверен устанавливает закон, перед лицом которого каждый человек является «*homo sacer*» – носителем «голой жизни», индивидом, которого можно убить/переместить/ограничить, не совершая преступления. Без этого допущения смерти невозможна работа жизни. Самый человеколюбивый закон, направленный на улучшение качества жизни, на увеличение числа граждан или их оздоровление имеет эту танатополитическую изнанку. Право может работать лишь в ситуации, когда существует суд последней инстанции и высшая мера наказания.

В 2000-е гг. в диспозитиве власть–смерть–знание произошли радикальные изменения. Биополитическая модель Фуко была дополнена. В эссе «*Necropolitics*» (2003) камерунский историк и политический теоретик А. Мбембе выдвинул гипотезу, что современные государства сделали само производство смерти самодостаточной политической технологией.

Для М. Фуко смерть гражданина – необходимая уступка правителя неумолимым законам реальности. Смерть – лишь одна из переменных в расчетах, которую всегда нужно иметь в виду, если легитимность основана на благополучии популяции [2, с. 254–255].

Для Агамбена смертная казнь – пускай и гипотетическая, единожды прописанная в правовой системе – позволяет закону работать. В конечном итоге, казни не обязательно совершаться.

Мбембе пишет о новой рациональности, в которой смерть на территории государства рассматривается как важный ресурс. В своих рассуждениях он опирается на фукианскую идею о том, что государственный расизм является технологией, с помощью которой биополитика может быть реализована. Именно сегрегация и изоляция части населения в отдельную «расу» позволяет совершать убийство, не совершая преступления [3, р. 17].

Но Мбембе делает шаг дальше и утверждает, что помимо дисциплинарных и биополитических техник власти существуют некрополитические [3, р. 27]. Он пишет о том, что называет колониальной оккупацией позднего модерна. Главным примером этого феномена для него являются спорные территории Палестины под контролем Израиля. В своем эссе он описывает, как внутреннее разделение территории, технологии слежения и новое вооружение приводят к появлению «миров смерти». Эти пространства, население которых для политики и/или экономики представляет интерес только в качестве потенциальных мертвецов – сакральных жертв, героев, поверженных врагов и т. д. В «мирах смерти» невозможно этичное сопротивление, ненасильственный активизм или неполитизированное самоубийство. Это гиперсемиотическое пространство, где никто не умирает просто так, но всегда в интересах государства.

Новую популярность идеи Мбембе получили после июля 2014 г., когда общественное внимание привлекли массированные бомбардировки Сектора Газы израильской артиллерией в рамках операции «Несокрушимая скала». Доктор философских наук М. Йоронен в статье «*“Death comes knocking on the roof”: Thanatopolitics of Ethical Killing During Operation Protective Edge in Gaza*» в качестве примера танатополитики проанализировал практику «Стука в крышу» [4]. Так называют предупредительный обстрел жилых районов металлическими болванками и другие методы информирования населения о грядущем ударе по территории. Йоронен описал, как современные технологии «этичной» войны перекладывают ответственность за смерть с убийцы на жертву, что позволяет суверену оставаться в международном правовом пространстве.

В 2016 г. социолог Р. Лентин в статье «*Palestine/Israel and State Criminality: Exception, Settler Colonialism and Racialization*» исследовала политику Израиля в отношении палестин-

цев [5]. Методологический аппарат она заимствовала у Д. Агамбена и А. Мбембе. В том же году Н. Шалхуб-Кеворкян, Й. Дэвид и С. Ихмуд писали об «экономике сакрализованного насилия», которую Израиль реализовывал в отношении Газы. В их статье «Theologizing State Crime» некрополитика рассматривается уже не просто как форма политической рациональности, но как институционализированное государственное преступление [6]. Схожим образом в статье «The Normalization of Pushbacks in Greece: Biopolitics and Racist State Crime» Д. Короса о миграционной политике греческого правительства «некрополитика» используется как синоним «расистского биополитического преступления» [7].

Существует искушение грубо разделить значения «танатополитика» и «некрополитика» в статьях об инструментализации смерти. И до определенной степени это верно. В статьях, где авторы с левых позиций критикуют конкретные примеры неокOLONIALИЗМА, империализма и государственного насилия, скорее всего, вы найдете термины «некрополитика», «некровласть» и «некроэкономика». И речь не только о Палестине. Д. Саньял в статье «Calais’s «Jungle»: Refugees, Biopolitics, and the Arts of Resistance» называет «некрополитикой» технологии работы с Африканскими беженцами, принятые во Франции [8]. Философ и специалист в области колониальной архитектуры Э. Дистретти в статье «Enforced Disappearances and Border Deaths Along the Migrant Trail» анализирует пограничные районы Африки [9]. Он дополняет вокабуляр Мбембе понятием «насильственное исчезновение». Речь идет о некрополитической технологии сокращения миграции: люди в пространстве фронта пропадают без вести с молчаливого согласия тех, кто должен обеспечивать безопасность в регионе.

Термин «некрополитика» можно встретить и в критических выпадах против республиканской партии США. В статье «Dying for the Economy: Disposable People and Economies of Death in the Global North» Е. Дарион-Смит проанализировала высказывания нескольких влиятельных республиканцев и президента Дональда Трампа о последствиях эпидемии Covid-2019 для экономики [10]. Дарион-Смит обратилась к теоретическому аппарату Мбембе, чтобы описать политическую рациональность экономических элит Америки, для которых смерть определенных категорий граждан может быть не просто допустима, но экономически выгодна.

С другой стороны, термины «танатополитика» и «танатовласть» чаще встречаются в статьях с более широкой теоретической проблематикой. Профессор М. Ваттер в работе «Eternal Life and Biopower» проанализировал, как идея вечной жизни в западной философии повлияла на развитие биополитики [11]. Р. Чоу в статье «Sacrifice, Mimesis, and the Theorizing of Victimhood (A Speculative Essay)» писал о роли мимесиса в формировании нарратива виктимности [12]. Она упоминает «нацистскую танатополитику». Хотя, когда речь идет о неэтичном государственном насилии, кажется, можно было заимствовать термин «некрополитика». Но Чоу наследует вокабуляр у Агамбена, на работы которого опирается в своем исследовании.

Но на самом деле все еще сложнее. В уже упомянутой статье М. Йоронен термина «некрополитика» нет. Политическая рациональность Израиля в отношении Палестины, с точки зрения автора, преступна, и рациональность эта «танатополитическая». Австралийский профессор М. Келли в чрезвычайно эмоциональной статье «International Biopolitics: Foucault, Globalisation and Imperialism» описывает ситуацию в мире как «паразитический империализм», в котором богатые страны регулярно обращаются к «танатополитике» [13].

М. Кохраман в 2015 г. опубликовал статью, во многом схожую с текстом Е. Дарион-Смит. В статье «Cloaks and Veils: Countervisualizing Cigarette Factories In and Outside of China» он проанализировал экономические аспекты, которые мотивируют политическую и экономическую элиту убивать свое население. В его работе речь идет о китайской табачной индустрии. Но, если Дарион-Смит назвала логику сенаторов-республиканцев «некрополитической», то М. Кохраман назвал «танатополитикой» то, как население Китая обрекают на «медленную смерть за экономику» [14, p. 924].

Сегодня, пожалуй, нельзя говорить о строгом разграничении терминов «некрополитика» и «танатополитика» и их производных. В текстах 2000–2020-х гг. исследователи заимствуют терминологию либо у М. Фуко и Д. Агамбена, либо у А. Мбембе. Но независимо от выбора термина исследователи рассматривают переход от биополитики к некро/танатополитике как свершившийся факт. И это, очевидно, влияние эссе «Некрополитика». В 2003 г. в дискурсе происходит разрыв. Мбембе заменил повествование о диалектике жизни и смерти на последовательное повествование. В его прочтении царство жизни проиграло под натиском миров смерти. Но это лишь одна ветвь в генеалогии «танатополитики».

Все описанные работы объединяет убежденность в том, что мы живем в мире, где политические акторы много и, главное, сознательно убивают ради выгоды. Однако существует альтернативная точка зрения на диспозитив власть–смерть–знание. Отличие можно сформулировать следующим образом. Большинство авторов пишет о том, что государство делает, чтобы убивать, или что делает со свершившимися убийствами. Но есть авторы, которым интересно другое: как на политику влияет тот факт, что смерть имманентна жизни. И самый частый ответ – люди начинают формировать связи.

Доктор политических наук Калифорнийского университета в Шанхае Д. Ким опубликовала в 2016 г. статью «Necrosociality: isolated death and unclaimed cremains in Japan» [15]. Методологически исследование основано на работах Д. Агамбена и посвящено коммуникации людей в неблагополучных районах Японии. Автор вообще ничего не пишет о «биополитике». Это делает текст Д. Ким самым важным для данной статьи. Именно здесь мы обнаруживаем попытку говорить о собственно танатополитическом. Ким интересуется то, что она называет «некросоциальность». Речь о специфических форматах заботы, которые не основаны на дружбе или кровном родстве. Например, в токийский район Котобуки часто переезжают одинокие бедные старики, бездомные и инвалиды. Основная форма коммуникации для жителей этого сообщества – поминальные церемонии и уход за могилами и алтарями незнакомцев. Этим людей объединяет только и исключительно тот факт, что они умрут здесь.

За три года до статьи Д. Ким в эссе «Nomos, posos и bios» Ю. Такер рассмотрел политику США в отношении общественного здравоохранения. Законодательство по биозащите нации развивалось в этой стране одновременно с контртеррористическими мерами. И в конечном итоге население оказалось в ситуации, когда каждый человек потенциально является угрозой для окружающих. Каждый человек может быть обозначен как агент заражения и/или террорист [16, p. 12–19]. Закономерный итог подобной политики сформулировала в 2021 г. С. Нортон в статье: «When the Face Becomes a Carrier: Biopower, Levinas’s Ethics, and Contagion»: «Мы не солдаты в войне против Ковид-19, отнюдь нет: в том, что касается операций биовласти, мы сами и есть Ковид-19» [17, p. 727].

Современная ситуация такова, что тем, что объединяет людей, часто является не раса или «раса», а именно способность быть больным, заразным, быть мертвым, быть угрозой. И, как мы увидим позднее, связь между людьми сегодня может возникать благодаря «общей смерти» кого-то в прошлом. Исследователь политического в таких условиях, с точки зрения Такера, должен заниматься не биологией, а некрологией политического тела [16, р. 51–52]. То есть изучать преимущественно зоны распада и разложения, так как именно они конструируют современные политические сообщества.

Ранее отнюдь не случайно в качестве примера была упомянута статья 2016 г. Д. Ким. Ю. Такер в своем эссе описывает, как государство производит знание об угрозах имманентных жизни, чтобы получить контроль над личными данными пользователей. Танатологический взгляд на мир превращается в очередной инструмент угнетения. Но феномен некросоциальности, описанный Д. Ким, показывает, как акцент на знании о смерти может формировать общность вне, а иногда и вопреки государственному интересу. По крайней мере, речь идет уже не только о насилии государства над жизнью и устрашении, но об усложнении логики между живыми и мертвыми [15, р. 844]. Это означает, что танатополитика не всегда инструмент угнетения. Суверен также вынужден реагировать на требования населения, которое начинает действовать с оглядкой на собственную смертность. Редко, но этот подход к танатополитике можно обнаружить в академической литературе, чаще всего посвященной критике искусства и медиа.

Д. Сейр в статье «The Necropolitics of New World Nativism» описывает «некрополитические структуры», которые лежат в основе национального романа в Южной и Северной Америке [18]. Политическая общность нации формируется на основе чудовищного насилия, которое перенесли предки, насилия, которое транслируется через художественный текст.

Л. Шмейн в книге «Biopunk Dystopias: Genetic Engineering, Society, and Science Fiction» в главе «9/11 and the Wasted Lives of Posthuman Zombies» применил идеи Фуко, Агамбена и Мбембе к современным фильмам и компьютерным играм о зомби. Автор пишет, что популярность зомби-жанра всегда совпадала в США с ростом панических настроений, социальной разобщенностью и растерянностью. Однако именно в медиа после 2000 г. зомби выступают не только как угроза. Серия игр «Обитель зла», например, демонстрирует целый спектр позиций, которые может занять человек в мире тотальной биологической угрозы, где глобальный капитализм и «танато-технологический прогресс» постоянно угрожают вторжением в тело человека [19, р. 227]. В современных медиа-продуктах о зомби человек может не только умирать или убивать, но и творчески переживать факт заражения, выбирать его сознательно и действовать, будучи потенциально или фактически мертвым. Сегодня зомби в медиа – это возможность для зрителя узнать себя и многократно отрефлексировать собственный ежедневный опыт.

Итак, второй подход к проблеме танатополитики можно сформулировать так: танатополитика – это технологии, которые на первом этапе производят знание об угрозах имманентных жизни как таковой (о смертности, о болезни, о вине, о разложении), а на втором этапе это знание по необходимости вынуждает людей создавать социальные связи, чтобы примириться с этим знанием. Формы этих связей могут быть различны. Человек может вступить в партию, может познакомиться с соседом на поминках или выйти на костюмированный парад зомби.

Авторы, которые так смотрят на диспозитив власть–смерть–знание активнее работают с историческим материалом. Они не ограничиваются событиями последних десяти и даже пятидесяти лет и актуальной политической повесткой. Б. Уолтерс в статье «Sulla’s Phthiriasis and the Republican Body Politic» исследовал медиализацию политического языка времен диктатуры Суллы. Он описал как идея общественного здоровья легитимировала насилие [20]. Но для нас важно другое. Сулла создал повествование о болезни социального тела, в которое вписал себя в качестве лекаря. В ответ на это его противники, опираясь на тот же язык болезни и разложения создали легенду об ужасной смерти диктатора от фтириза. В обоих случаях отправной точкой для формирования политической общности стало знание о смертности тела (индивидуального и политического).

Здесь нужно сделать важную оговорку, что медиализация политического языка – классическая тема для философии. Ее истоки, вероятно, стоит искать в восьмой книге Сократа «Государства», а подробный разбор того, как суверен обращается к знанию болезни для собственной легитимации, можно найти и до 2000-х гг., например, в работах С. Зонтаг «Болезнь как метафора» и «Спид и его метафоры». Однако термина «танатополитика» в этих текстах нет. Это значение и его производные – характерный маркер нашей эпохи, когда в условиях политической нестабильности наследие Фуко перепрочитывается и во многом радикализируется. Разговор о медиализации политического языка уступает место повествованию об инструментализации смерти.

Есть статьи, которые пытаются охватить танатополитическую проблематику во всей ее полноте. Так в 2020 г. А. Янг опубликовал текст «The Necropolitics of Liberty: Sovereignty, Fantasy, and United States Gun Culture» [21]. В нем он проанализировал фантастическую беллетристику, популярную у американских «выживальщиков». Эта субкультура правых по взглядам индивидуалистов-патриотов, которые отстаивают независимость отдельных штатов от федерального правительства. Сюжет в литературе, ориентированной на эту аудиторию, обычно представляет собой историю в альтернативном будущем, где белый американец с ружьем спасает страну от краха. Этот, казалось бы, локальный феномен включает в себя многие проблемы, о которых сказано ранее.

А. Янг понимает некрополитику очень буквально, как право определять, кто будет жить, а кто умрет. В связи с этим право на оружие в логике американских правых можно обозначить как «the democratic distribution of necropolitical power» («демократическое распределение некрополитической власти»). При этом Янг делает ряд интересных замечаний о политике США в отношении Национальных парков. Они, с точки зрения автора, являются своеобразными полигонами, где современный американский мужчина может приобщиться к опыту фронта, познакомиться с нарративом об эпохе, когда американцы отправляли некрополитическую власть над коренными народами континента. При этом популяризация этого нарратива правительством и привела к появлению радикалов-выживальщиков, которые вступают в конфликт с федеральными властями. Еще один интересный момент в патриотической американской фантастике: белый герой мужчина часто «крадет» обряд похорон у коренных народов. Протагонист по ходу сюжета совершает языческий обряд над телом близкого человека в землях индейцев. Так он легитимирует свое положение нового хозяина через танатополитическую связь.

Статья Янга хорошо описывает пространство значений, которые сегодня захватывает танатополитика. Этот феномен давно вышел за рамки, обозначенные М. Фуко и даже Д. Агамбеном. В самом общем смысле танатополитика – это диспозитив власть–смерть–знание. И в современной англоязычной литературе подходов к этому диспозитиву можно выделить два. Во-первых, танатополитика – это техники, которые позволяют организовывать смерть во благо государственного интереса. Во-вторых, – это создание социальных связей через рефлексию об угрозах, имманентных жизни.

Два этих подхода неравнозначны. И чаще всего в литературе используют первый, так как он позволяет сформулировать критическое высказывание в адрес конкретного государственного решения. Это высказывание о производстве смерти гарантировано будет воспринято читателем и вызовет эмоцию. Второй подход представляет собой более сложный и комплексный взгляд на роль смерти в политическом процессе. Танатополитика, понятая позитивно, – это способ фиксировать связи, которые возникают между гражданином и законодателем в мире, в котором смерть неизбежна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамбен Дж. *Homo sacer: суверенная власть и голая жизнь* / пер. с итал. И. Левиной и др. М.: Европа, 2011.
2. Фуко М. *Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учеб. году* / пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб.: Наука, 2005.
3. Mbembé J.-A. *Necropolitics* // *Public Culture*. 2003. Vol. 15, iss. 1. P. 11–40.
4. Joronen M. “Death comes knocking on the roof”: *Thanatopolitics of Ethical Killing During Operation Protective Edge in Gaza* // *Antipode*. 2016. Vol. 48, iss. 2. P. 336–354. DOI: <https://doi.org/10.1111/anti.12178>.
5. Lentin R. *Palestine/Israel and State Criminality: Exception, Settler Colonialism and Racialization* // *State Crime J.* 2016. Vol. 5, no. 1. P. 32–50. DOI: <https://doi.org/10.13169/statecrime.5.1.0032>.
6. Shalhoub-Kevorkian N., David Y., Ihmoud S. *Theologizing State Crime* // *State Crime J.* 2016. Vol. 5, no. 1. P. 139–162. DOI: <https://doi.org/10.13169/statecrime.5.1.0139>.
7. Koros D. *The Normalization of Pushbacks in Greece: Biopolitics and Racist State Crime* // *State Crime J.* 2021. Vol. 10, no. 2. P. 238–256. DOI: [10.13169/statecrime.10.2.0238](https://doi.org/10.13169/statecrime.10.2.0238).
8. Sanyal D. «Calais’s «jungle»: Refugees, Biopolitics, and the Arts of Resistance» // *Representations*. 2017. No. 139. P. 1–33.
9. Distretti E. *Enforced Disappearances and Border Deaths Along the Migrant Trail* // *Border Deaths: Causes, Dynamics and Consequences of Migration-related Mortality*; in P. Cuttitta, T. Last (eds.). Amsterdam: Amsterdam Univ. Press, 2019. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvt1sgz6.11>.
10. Darian-Smith E. *Dying for the Economy: Disposable People and Economies of Death in the Global North* // *State Crime J.* 2021. Vol. 10, no. 1. P. 61–79. DOI: <https://doi.org/10.13169/statecrime.10.1.0061>.
11. Vatter M. *Eternal Life and Biopower* // *CR: The New Centennial Review*. 2010. Vol. 10, no. 3. P. 217–249. DOI: [10.1353/ncr.2010.0035](https://doi.org/10.1353/ncr.2010.0035).
12. Chow R. *Sacrifice, Mimesis, and the Theorizing of Victimhood (A Speculative Essay)* // *Representations*. 2006. Vol. 94, no. 1. P. 131–149. DOI: [10.1525/rep.2006.94.1.131](https://doi.org/10.1525/rep.2006.94.1.131).
13. Kelly M. G. E. *International Biopolitics: Foucault, Globalisation and Imperialism* // *Theoria: a J. of Social and Political Theory*. 2010. Vol. 57, no. 123. P. 1–26. DOI: [10.3167/th.2010.5712301](https://doi.org/10.3167/th.2010.5712301).
14. Kohrman M. *Cloaks and Veils: Countervisualizing Cigarette Factories In and Outside of China* // *Anthropological Quarterly*. 2015. Vol. 88, no.4. P. 907–939. DOI: [10.1353/anq.2015.0053](https://doi.org/10.1353/anq.2015.0053).

15. Kim J. Necrosociality: isolated death and unclaimed cremains in Japan // *The J. of the Royal Anthropological Institute*. 2016. Vol. 22, no. 4. P. 843–863. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9655.12491>.

16. Такер Ю. Три текста о заражении / пер. с англ. Д. И. Вяткина, Г. Г. Коломиец, Я. Э. Цырлиной. Пермь: Гилея Пресс, 2020.

17. Norton S. When the Face Becomes a Carrier: Biopower, Levinas's Ethics, and Contagion // *Revista Portuguesa de Filosofia*. 2021. Vol. 77, no. 2/3. P. 715–732. DOI: [10.17990/rpf/2021_77_2_0715](https://doi.org/10.17990/rpf/2021_77_2_0715).

18. Sayre J. The Necropolitics of New World Nativism // *Early American Literature*. 2018. Vol. 53, iss. 3. P. 713–744. DOI: [10.1353/eal.2018.0070](https://doi.org/10.1353/eal.2018.0070).

19. Schmeink L. 9/11 and the Wasted Lives of Posthuman Zombies // *Biopunk Dystopias: Genetic Engineering, Society, and Science Fiction*. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2016. P. 200–236. DOI: <https://doi.org/10.5949/liverpool/9781781383766.003.0007>.

20. Walters B. Sulla's Phthiriasis and the Republican Body Politic // *Mnemosyne*. 2019. Vol. 72, iss. 6. P. 949–971. DOI: [10.1163/1568525X-12342610](https://doi.org/10.1163/1568525X-12342610).

21. Trimble Young A. The Necropolitics of Liberty: Sovereignty, Fantasy, and United States Gun Culture // *Lateral*. 2020. Vol. 9.1. DOI: <https://doi.org/10.25158/L9.1.8>.

Информация об авторе.

Ротов Иван Михайлович – аспирант кафедры социальной и политической философии института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, ул. Кремлевская, д. 18, Казань, Республика Татарстан 420008, Россия. Автор двух научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная и политическая философия, биополитика, история повседневности Российской империи второй XIX – начала XX в.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.06.2024; принята после рецензирования 23.10.2024; опубликована онлайн 23.12.2024.*

REFERENCES

1. Agamben, G. (2011), *Homo sacer: Il potere sovrano e la nuda vita*, Transl. by Levina, I. et al., Europa, Moscow, RUS.

2. Foucault, M. (2005), "Il Faut Défendre la Société" *Cours au Collège de France (1975–1976)*, Transl. by Samarskaya, E.A., Nauka, SPb., RUS.

3. Mbembé, J.-A. (2003), "Necropolitics", *Public Culture*, vol. 15, iss. 1, pp. 11–40.

4. Joronen, M. (2016), "Death comes knocking on the roof": Thanatopolitics of Ethical Killing during Operation Protective Edge in Gaza", *Antipode*, vol. 48, iss. 2, pp. 336–354. DOI: <https://doi.org/10.1111/anti.12178>.

5. Lentin, R. (2016), "Palestine/Israel and State Criminality: Exception, Settler Colonialism and Racialization", *State Crime J.*, vol. 5, no. 1, pp. 32–50. DOI: <https://doi.org/10.13169/statecrime.5.1.0032>.

6. Shalhoub-Kevorkian, N., David, Y. and Ihmoud, S. (2016), "Theologizing State Crime", *State Crime J.*, vol. 5, no. 1, pp. 139–162. DOI: <https://doi.org/10.13169/statecrime.5.1.0139>.

7. Koros, D. (2021), "The Normalization of Pushbacks in Greece: Biopolitics and Racist State Crime", *State Crime J.*, vol. 10, no. 2, pp. 238–256. DOI: [10.13169/statecrime.10.2.0238](https://doi.org/10.13169/statecrime.10.2.0238).

8. Sanyal, D. (2017), "Calais's 'Jungle': Refugees, Biopolitics, and the Arts of Resistance", *Representations*, no. 139, pp. 1–33.

9. Distretti, E. (2019), "Enforced Disappearances and Border Deaths along the Migrant Trail", *Border Deaths: Causes, Dynamics and Consequences of Migration-related Mortality*, in Cuttitta, P. and Last, T. (eds.), Amsterdam Univ. Press, Amsterdam, NDL. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvt1sgz6.11>.

10. Darian-Smith, E. (2021), "Dying for the Economy: Disposable People and Economies of Death in the Global North", *State Crime J.*, vol. 10, no. 1, pp. 61–79. DOI: <https://doi.org/10.13169/statecrime.10.1.0061>.
11. Vatter, M. (2010), "Eternal Life and Biopower", *CR: The New Centennial Review*, vol. 10, no. 3, pp. 217–249. DOI: [10.1353/ncr.2010.0035](https://doi.org/10.1353/ncr.2010.0035).
12. Chow, R. (2006), "Sacrifice, Mimesis, and the Theorizing of Victimhood (A Speculative Essay)", *Representations*, vol. 94, no. 1, pp. 131–149. DOI: [10.1525/rep.2006.94.1.131](https://doi.org/10.1525/rep.2006.94.1.131).
13. Kelly, M.G.E. (2010), "International Biopolitics: Foucault, Globalisation and Imperialism", *Theoria: a J. of Social and Political Theory*, vol. 57, no. 123, pp. 1–26. DOI: [10.3167/th.2010.5712301](https://doi.org/10.3167/th.2010.5712301).
14. Kohrman, M. (2015), "Cloaks and Veils: Countervisualizing Cigarette Factories In and Outside of China", *Anthropological Quarterly*, vol. 88, no. 4, pp. 907–939. DOI: [10.1353/anq.2015.0053](https://doi.org/10.1353/anq.2015.0053).
15. Kim, J. (2016), "Necrosociality: isolated death and unclaimed cremains in Japan", *The J. of the Royal Anthropological Institute*, vol. 22, no. 4, pp. 843–863. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9655.12491>.
16. Thaker, E. (2020), *Tri teksta o zarazhenii* [Three Texts on Infection], Transl. by Vyatkin, D.I., Kolomiets, G.G. and Tsyrlina, Ya.E., Gileya Press, Perm', RUS.
17. Norton, S. (2021), "When the Face Becomes a Carrier: Biopower, Levinas's Ethics, and Contagion", *Revista Portuguesa de Filosofia*, vol. 77, no. 2/3, pp. 715–732. DOI: [10.17990/rpf/2021_77_2_0715](https://doi.org/10.17990/rpf/2021_77_2_0715).
18. Sayre, J. (2018), "The Necropolitics of New World Nativism", *Early American Literature*, vol. 53, iss. 3, pp. 713–744. DOI: [10.1353/eal.2018.0070](https://doi.org/10.1353/eal.2018.0070).
19. Schmeink, L. (2016), "9/11 and the Wasted Lives of Posthuman Zombies", *Biopunk Dystopias: Genetic Engineering, Society, and Science Fiction*, Liverpool Univ. Press, Liverpool, UK, pp. 200–236. DOI: <https://doi.org/10.5949/liverpool/9781781383766.003.0007>.
20. Walters, B. (2019), "Sulla's Phthiriasis and the Republican Body Politic", *Mnemosyne*, vol. 72, iss. 6, pp. 949–971. DOI: [10.1163/1568525X-12342610](https://doi.org/10.1163/1568525X-12342610).
21. Trimble Young, A. (2020), "The Necropolitics of Liberty: Sovereignty, Fantasy, and United States Gun Culture", *Lateral*, vol. 9.1. DOI: <https://doi.org/10.25158/L9.1.8>.

Information about the author.

Ivan M. Rotov – Postgraduate at the Department of Social and Political Philosophy of the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya str., Kazan, Republic of Tatarstan 420008, Russia The author of 2 scientific publications. Area of expertise: social and political philosophy, biopolitics, history of everyday life of the Russian Empire of the second XIX – early XX centuries.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 27.06.2024; adopted after review 23.10.2024; published online 23.12.2024.

Оригинальная статья
УДК 316.346.32-053.9
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-40-60>

Самоорганизация старших как системообразующий фактор активного долголетия

**Дарья Павловна Козачок¹, Марина Валерьевна Корнилова²✉,
Владимир Николаевич Каменских³**

¹Центр московского долголетия «Академический», Москва, Россия

²Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

³Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

¹coza4ok@yandex.ru

²✉ mmrr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9989-6884>

³kamenskix@gmail.ru

Введение. Актуальность исследования определяется значимостью процесса самоорганизации в старшем возрасте для поддержания активности, формирования солидарности, сплоченности и сообщества пожилых. Под старшими, согласно действующему законодательству РФ, авторы подразумевают людей в возрасте 55 и более лет. Наглядно показывается, что для данной категории создаются возможности по самоорганизации на городском уровне.

Методология и источники. Авторы опираются на результаты опроса лидеров самоорганизованных клубов Центров московского долголетия (выборка: 203 человека, возраст опрошенных: от 55 до 88 лет, дата проведения: январь 2024 г.). Цель исследования заключается в изучении способности представителей старшего поколения самостоятельно организовывать свободное время, выстраивать новые внешние и внутренние социальные связи в самостоятельно организованной гомогенной социальной системе активного долголетия, базирующейся на индивидуальной мотивации. Гипотеза исследования – экосистема «Московское долголетие» представляет собой систему, основанную на самоорганизации пожилых.

Результаты и обсуждение. Разветвленная сеть государственных учреждений – Центров московского долголетия (ЦМД) располагает всеми условиями для удовлетворения самых разных потребностей людей старшего возраста в досуге и отдыхе. Новизна исследуемого подхода к самоорганизации пожилых состоит в возможности ее трактовки как способа конструирования новой социальной реальности/активности людей старшего возраста, где помощь государства предполагает отказ от иждивенческого сценария («приходи и бери, что есть»), предоставляя возможности для индивидуальных паттернов развития («приходи и создавай сам, как тебе нравится»). В качестве такой социальной реальности рассмотрены особенности самоорганизации пожилых на примере экосистемы «Московское долголетие».

Заключение. Показывается лидерский потенциал старших, накопленный в течение жизни, и готовность организовывать свой досуг самостоятельно на базе Центров московского долголетия, раскрывается специфика самоорганизации пожилых в системе

© Козачок Д. П., Корнилова М. В., Каменских В. Н., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

активного долголетия г. Москвы. Сделан важный вывод о желании опрошенных быть активными, показана результативность и заинтересованность старших в самоорганизации на базе ЦМД.

Ключевые слова: самоорганизация, социальная система, активное долголетие, старшее поколение, пожилые москвичи, лидер

Для цитирования: Козачок Д. П., Корнилова М. В., Каменских В. Н. Самоорганизация старших как системообразующий фактор активного долголетия // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 6. С. 40–60. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-40-60.

Original paper

Self-Organization of Senior as a System-Forming Factor of Active Longevity

Daria P. Kozachok¹, Marina V. Kornilova²✉, Vladimir N. Kamenskih³

¹Center of Moscow Longevity "Academic", Moscow, Russia

²Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

³Russian State Social University, Moscow, Russia

¹coza4ok@yandex.ru

²✉mmrr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9989-6884>

³kamenskix@gmail.ru

Introduction. The relevance of the study is determined by the importance of the process of self-organization in older age for maintaining activity, forming belonging, cohesion and community among the elderly. By older people, according to the current legislation of the Russian Federation, the authors mean people aged 55 and older. It clearly shows that opportunities for self-organization at the city level are being created for this group.

Methodology and sources. The authors rely on the results of a survey of leaders of self-organized clubs of the Moscow Longevity Centers (sampling of 203 people, age of respondents from 55 to 88 years, date: January 2024). The purpose of the research is to study the ability of representatives of the older generation to independently organize free time, build new external and internal social connections in an independently organized homogeneous social system of active longevity, based on individual motivation. The research hypothesis is that "Moscow Longevity" is a system based on the self-organization of the elderly.

Results and discussion. An extensive network of government institutions – Centers of Moscow Longevity (CML) – has all the conditions to satisfy the most diverse needs of older people in leisure and recreation. The novelty of the studied approach to self-organization of the elderly lies in the possibility of its interpretation as a way of constructing a new social reality/activity of older people, where state assistance involves abandoning the dependent scenario ("come and take what you can take"), providing opportunities for individual development patterns ("come and create it yourself as you like"). As such a social reality, the features of self-organization of the elderly are considered using the example of the "Moscow Longevity" ecosystem.

Conclusion. The leadership potential of elders, accumulated throughout life, and the willingness to organize their leisure time independently on the basis of the Moscow Longevity Centers are shown, and the specifics of self-organization of the elderly in the active longevity system of Moscow are revealed. There was made an important conclusion about the desire of the respondents to be active, and the effectiveness and interest of seniors in self-organization on the basis of the CML was shown.

Keywords: self-organization, social system, active longevity, older generation, elderly Muscovites, leader

For citation: Kozachok, D.P., Kornilova, M.V. and Kamenskih, V.N. (2024), "Self-Organization of Senior as a System-Forming Factor of Active Longevity", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 6, pp. 40–60. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-40-60 (Russia).

Введение. История понятия «самоорганизация» начинается в 1947 г. с научной публикации «Principles of the Self-Organizing Dynamic System» британского кибернетика Уильяма Эшби (W. Ashby), в которой упоминается словосочетание «самоорганизующаяся система» [1]. Позднее данный термин стал использоваться и подвергаться анализу в других областях науки, в том числе и в социологии.

Самоорганизация – это самодостаточное явление в общественной жизни, которое способно проявляться в поведении индивидов, в самых разных социальных и возрастных группах или институтах. В табл. 1 представлена авторская группировка вариаций определения термина «самоорганизация» у российских исследователей.

Таблица 1. Подходы к определению термина «самоорганизация»*
Table 1. Approaches to the definition of the term "self-organization"

№ п/п	Определение	Автор
1-я группа		
1	«Самоорганизация – это управление человеком собственной деятельностью , организацией выполнения задач и распределением всех ресурсов» [2, с. 62]	Осинцева Л. М.
2	«...она является основой, на базе которой может быть сформировано умение организовывать других людей , управлять ими» [3, с. 98]	Бронникова Е. М.
3	«Склонность человека к самоорганизации следует рассматривать в качестве важной составляющей его личностного потенциала, который является системной характеристикой, включающей способность противостоять нежелательным изменениям (устойчивость) и одновременно инициировать и осуществлять желательные (гибкость)» [4, с. 163]	Богомаз С. А.
4	«Самоорганизация – это система активных начинаний , инициированных субъектами (индивидуальными или коллективными) в целях оптимизации параметров своего повседневного существования во вверенной их заботам жизненной среде» [5, с. 358]	Виноградский В. Г., Виноградская О. Я.
5	«Все большую роль в обществе играет самоорганизация, инициатива снизу, возникновение неформальных структур, сетевых сообществ, установление горизонтальных связей . Соответственно, в науке растет роль теории самоорганизации или синергетики» [6, с. 4]	Ахромеева Т. С., Малинецкий Г. Г., Посашков С. А.
2-я группа		
6	«Социальная самоорганизация есть продукт социального взаимодействия в личном, коллективном или групповом масштабах» [7, с. 215]	Иванова Т. С.
7	«Самоорганизация – это явление по совпадению изначальной цели с одной из возможных форм ее реализации, а приставка само- в слове "самоорганизация" указывает на целевой характер процесса» [8, с. 38]	Леонов А. В., Пронин А. Ю.
8	«Саморегуляция и самоорганизация ... они отражают процесс реализации молодыми людьми своей социальной субъектности , что значимо не только для обретения устойчивого социального положения, но и для подтверждения их самостоятельности и независимости» [9, с. 6]	Зубок Ю. А.
9	«... способ объединения людей в малые или большие группы с целью проведения совместного досуга, ведения деятельности, основанной на общих целях и интересах» [10, с. 30]	Маюрова А. А., Лавренова Т. И.
10	«Практики самоорганизации и расширения возможностей старшего поколения в условиях рисков COVID-19 вызывают научный и практический интерес, с одной стороны, как формы солидаризации и активизации гражданского общества в период социальных кризисов , с другой стороны, как примеры активизации и реализации потенциала людей старшего возраста » [11, с. 90]	Киенко Т. С., Певная М. В., Птицына Н. А.

*Составлена авторами.

Определения понятия «самоорганизация», перечисленные в табл. 1, указывают на его многогранность. Авторы рассматривают данное явление с разных ракурсов и для различных социальных групп. Первый блок исследователей (Л. М. Осинцева, Е. М. Бронникова, С. А. Богомаз, В. Г. Виноградский, О. Я. Виноградская, Т. С. Ахромеева, Г. Г. Малинецкий, С. А. Посашков) видят «самоорганизацию» как объект исследования, тем самым изучая ее основные свойства, признаки и формы проявления в различных разрезах социальных отношений. В предложенных формулировках можно вычленить схожее содержание важной составляющей части самоорганизации, которая определяет ее сущность как способность индивида, социальной группы или общества к самостоятельному действию («управление человеком собственной деятельностью», «система активных начинаний, инициированных субъектами», «инициировать и осуществлять желательные изменения») при достижении определенной цели.

Второй блок исследователей (Т. С. Иванова, А. В. Леонов, А. Ю. Пронин, Ю. А. Зубок, А. А. Маюрова, Т. И. Лавренова, Т. С. Киенко, М. В. Певная, Н. А. Птицына) рассматривают самоорганизацию в качестве предмета исследования, изучая ее влияние на общественную или личную жизнь индивида как инструмента. В данном случае при анализе определений выделяется еще одно важное свойство самоорганизации – это ее протяженность во времени, которую можно отождествить с процессом.

Таким образом, самоорганизация выступает как инициированная деятельность индивида, социальной группы, социального института в процессе достижения определенной цели.

И в первом, и во втором случаях самоорганизация рассматривается в качестве самостоятельной единицы исследований, что свидетельствует о ее самодостаточности. В связи с этим самоорганизация может стать ключевым фактором при формировании автономной системы, элементами которой являются индивиды, совершающие действия для достижения цели.

С точки зрения системного подхода самоорганизация рассматривается в контексте социально-политических движений как процесс по развитию системы практик и коммуникаций между обществом и государством [12], изучаются концепции и методы самоорганизации динамических систем [13], анализируется связь между понятием «система» и социального вообще, а также процессов, которые описываются с помощью приставки «сам»: «самоорганизация», «самоподдержание», «самореференция» и «самопроизводство» [14]. В основе этих вопросов лежит проблема понимания жизни и, следовательно, функционирования живых систем.

В процессе самостоятельной деятельностной активности каждого элемента образуются внутренние и внешние связи, выстраивается алгоритм совместного взаимодействия, формируется полноценная самостоятельная система. Каждой системе свойственна структура, которая состоит из определенного набора элементов, связанных между собой. В соответствии с теорией системного подхода Талкотта Парсонса основополагающими элементами любой социальной системы являются индивиды, наделенные стремлением действовать. Это тот биологический базис, без которого не способна существовать ни одна социальная система. Однако структура системы определяется им как устойчивые взаимосвязи между элементами, то самое «ядро», которое образовывается в результате ряда определенных действий индивида [15].

В центр системы Т. Парсонс ставит субъекта действия, поведение которого обусловлено его конкретной мотивацией, именно мотивация побуждает индивида к принятию решения о намерении действовать. Можно предположить, что самоорганизация зарождается на этапе формирования индивидуального мотива человека, который подталкивает его к самостоятельному действию, вследствие чего самоорганизация собственных действий становится основой образования системы.

В процессе реализации конкретного вида деятельности для удовлетворения собственных потребностей субъект действия начинает взаимодействовать с иными объектами действия, выстраиваются социальные связи, формируется тот самый алгоритм взаимодействия элементов, который упоминался ранее. В ходе развития системы вводятся новые параметры в виде сторонних ожиданий, влияющих на выбор индивида в совершении того или иного действия. Таким образом, выстраивается система общих ценностей, правил и норм, в соответствии с которыми она функционирует и развивается.

Научная новизна исследования состоит в изучении самоорганизации как феномена, который лежит в основе возникновения и функционирования полноценной автономной системы (активного долголетия), классифицированной по возрастному признаку (совокупность представителей старшего возраста: 55 лет и старше) и по критерию активности (реальной досуговой деятельности в рамках Центров московского долголетия).

Структура самоорганизации в Центрах московского долголетия. Типологизация с примерами практик социальной активности и самоорганизации представлены в совместной работе Т. С. Киенко, М. В. Певной, Н. А. Птицыной. Исследователи выделяют 5 основных типов: 1) «авторские, творческие инициативы»; 2) «сетевые практики общественных организаций»; 3) «локальные практики, инициированные местными сообществами»; 4) «типовые практики, реализуемые учреждениями социального обслуживания населения, культуры, досуга, спорта»; 5) «гибридные формы партнерства государственного, частного и некоммерческого секторов, складывающиеся на основе интеграции усилий и ресурсов субъектов» [10]. Они отличаются по масштабу, целям, содержанию.

В данном исследовании самоорганизация представляет собой совокупность 1-го и 4-го типов, т. е. реализация стандартизированных и авторских инициатив на базе социальных учреждений – Центров московского долголетия. Цель исследования заключается в изучении способности представителей старшего поколения самостоятельно организовывать свободное время, выстраивать новые внешние и внутренние социальные связи в самостоятельно организованной гомогенной социальной системе, базирующейся на индивидуальной мотивации, но при этом объединенной общей целью в достижении статуса активного долголетия.

В качестве такой системы рассматривается проект «Московское долголетие», который изначально существовал как отдельная программа по активизации москвичей 55+ [16]. Далее, в системе социальной защиты г. Москвы были открыты специализированные учреждения для активных представителей старшего возраста – Центры московского долголетия (ЦМД) [17]. В январе 2024 г. завершился важный этап консолидации ЦМД и программы «Московское долголетие». И сейчас это единое целое под общим названием «Московское долголетие».

На рис. 1 представлена структурно-функциональная модель экосистемы «Московское долголетие».

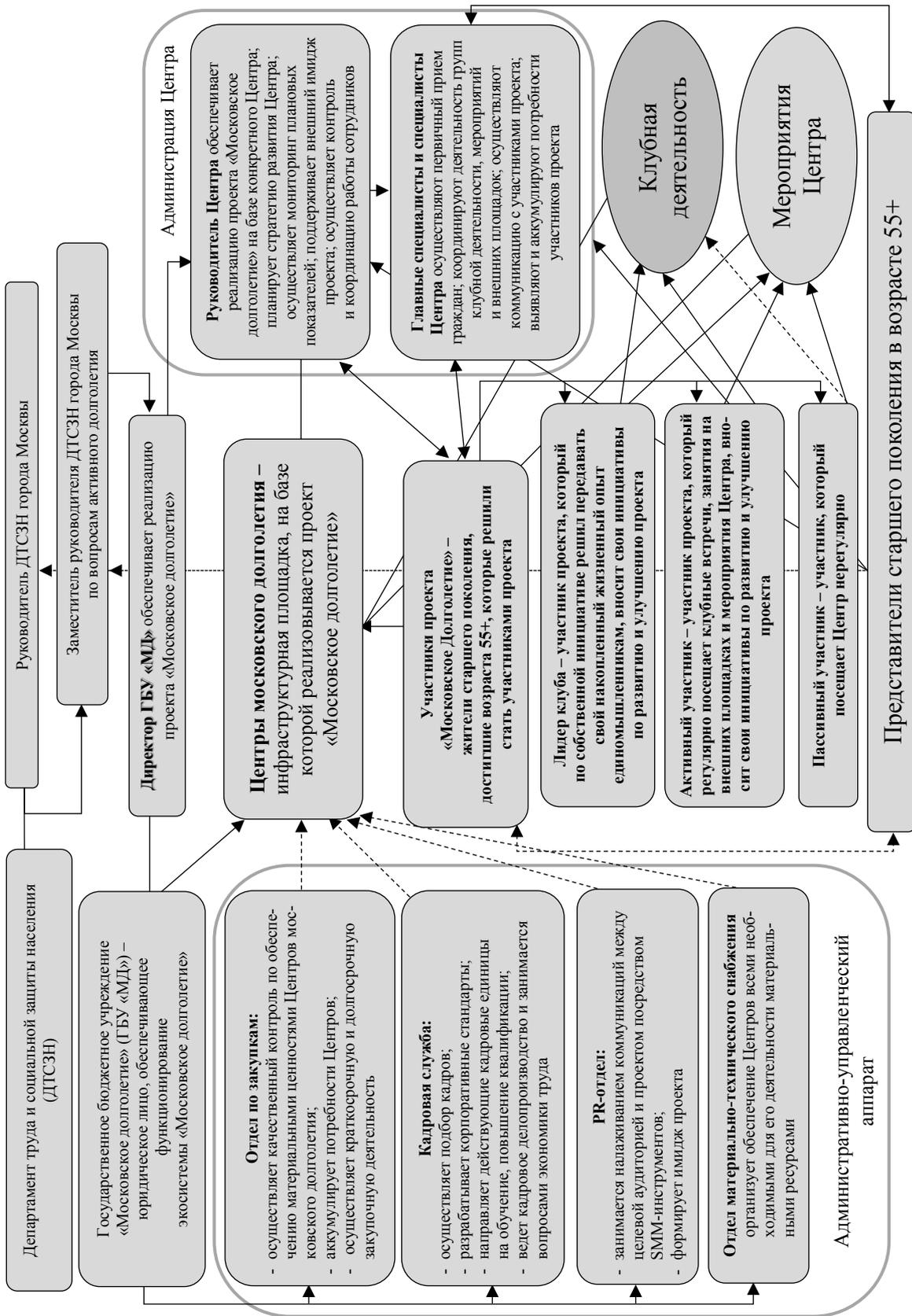

Рис. 1. Структурно-функциональная модель экосистемы «Московское долголетие»
Fig. 1. The structural and functional model of the ecosystem "Moscow longevity"

В связи с тем, что проект является государственным, структура системы включает в себя органы исполнительной власти, так как прямое или косвенное взаимодействие между элементами возможно на любом этапе процесса образования и развития данной системы посредством Центров московского долголетия, которые выступают в качестве инструмента реализации коммуникационных связей на каждом уровне. Принадлежность участника к проекту дает возможность высказывать свои пожелания и предложения, а также взаимодействовать с любым элементом экосистемы на любом уровне.

Для обеспечения бесперебойной работы Центров московского долголетия в структуру включен административно-управленческий аппарат, который снабжает Центры необходимыми материальными ценностями, развивает межведомственные коммуникационные связи для усиления инструментария (организация централизованных мероприятий, поиск новых партнеров в смежных сферах, тем самым увеличивая возможности для самореализации участников), создает внутреннюю нормативно-правовую базу для сотрудников и участников проекта. Исследуемая категория индивидов в процессе самоорганизации может взаимодействовать с административно-управленческим аппаратом и устанавливать с ним взаимосвязи в разрезе внесения предложений по улучшению инфраструктурного инструмента, на базе которого протекает их самоорганизованная деятельность. К целевой аудитории проекта относятся все представители, достигшие 55 лет. Их первое социальное взаимодействие происходит с администрацией Центра в лице сотрудников или руководителя. На этапе знакомства с потенциальным участником проекта главной задачей администрации является информирование и выявление основных потребностей представителя категории старшего возраста. Далее принимается самостоятельное решение: присоединиться к проекту и стать его полноценным членом или отказаться от участия.

Явный процесс проявления самоорганизации происходит при формировании клуба по интересам, который в конечном итоге является той самой автономной самоорганизованной системой активного долголетия.

На рис. 2 представлена динамика самоорганизации/жизненный цикл клуба по интересам. Авторы опирались на три последовательные стадии «динамики самоорганизации»: зарождение коллектива, затем его функционирование и развитие и универсальная стадия – высокий уровень развития коллектива, обеспечивающего все условия для самореализации его членов [18, с. 254].

Индивид, который сознательно решил стать участником проекта, делает выбор, в каком социальном статусе будет протекать его дальнейшее взаимодействие с другими элементами внутри системы: лидер клуба, участник клуба, инициатор мероприятия, участник проекта.

На первой стадии зарождения клуба происходит косвенное взаимодействие участников проекта и лидера клуба через посредника в лице администрации Центра. Перед сотрудником стоит задача налаживания коммуникации не знакомых друг другу людей с набором общих интересов, при этом одна сторона готова передавать опыт, а другая готова этот опыт и знания перенимать. На данной стадии наблюдаем две действующие стороны, тем самым мы возвращаемся к ранее изложенной теории системного подхода Т. Парсонса, в основе которой лежит намерение субъекта к действию.

Вторая стадия сопровождается возникновением взаимных ожиданий субъекта и объекта действия: лидер и участники клуба начинают взаимодействовать, причем обе стороны

одновременно выступают в качестве субъекта и объекта действия. На данном этапе выстраивается устойчивый алгоритм взаимодействия, основанный на совместно принятых моральных и нравственных нормах элементов системы.

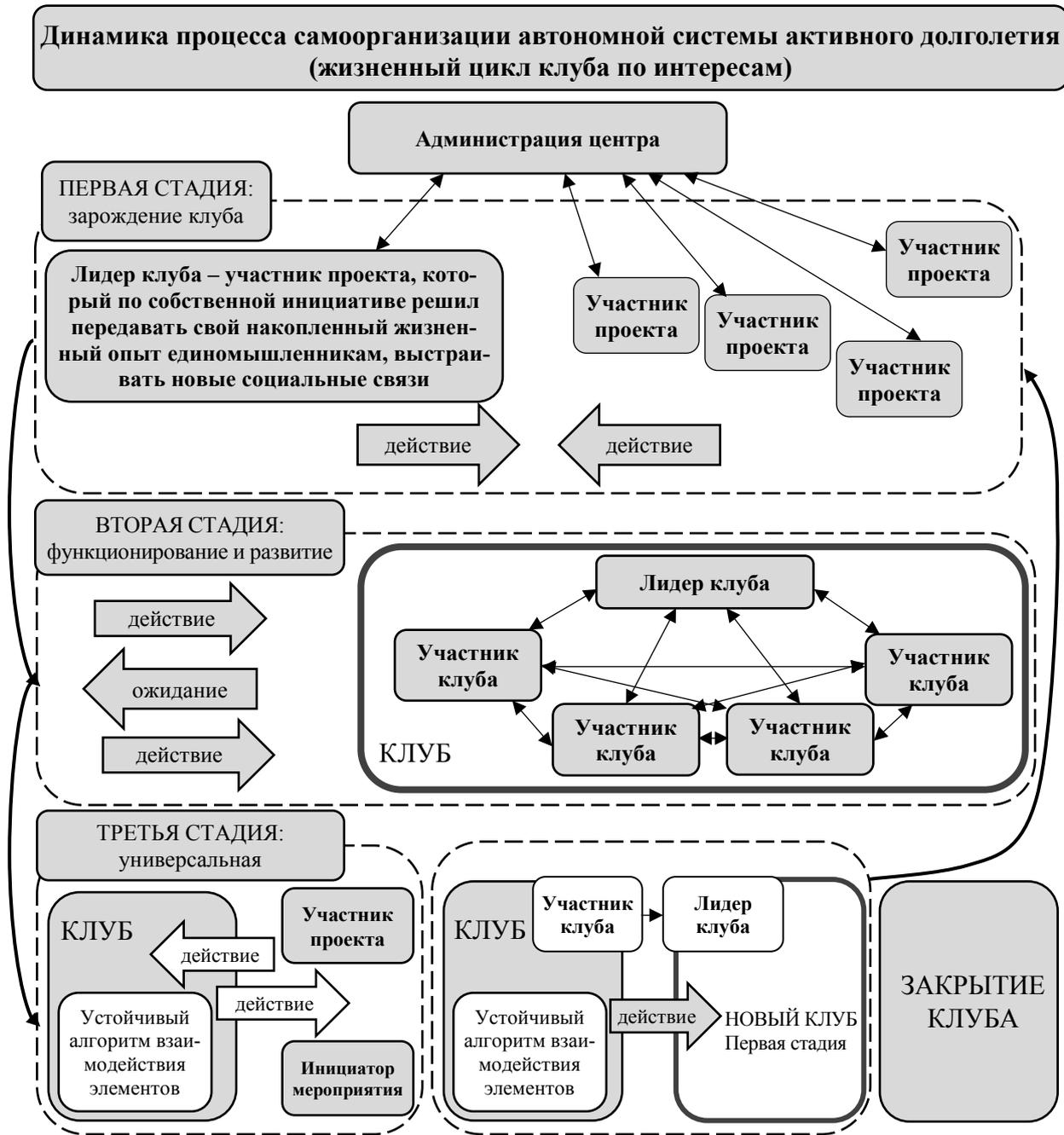

Рис. 2. Динамика самоорганизации клуба для старших в Центрах московского долголетия
Fig. 2. Dynamics of self-organization of the senior club in the Centers of Moscow longevity

Третья универсальная стадия динамики самоорганизации может сопровождаться тремя сценариями. Первый выражается в достижении высокого уровня согласования совместных действий лидера и участников клуба и формировании общей цели, которая выражается в дальнейшем экстенсивном (привлечение новых участников проекта в свой клуб)

или интенсивном (инициирование мероприятий районного, окружного или городского формата) развитии своего клуба. Ко второму сценарию авторы относят открытие нового клуба участником. Причин развития такого сценария может быть неограниченное множество, которое кроется в истинных мотивах индивида: рост собственных амбиций, перемена интереса, конфликты между участниками, расхождение во взглядах с большинством и т. д.

Третий сценарий динамики самоорганизации самый неблагоприятный – закрытие клуба. Данный процесс возникает при дисфункции элементов системы, которые описывал Роберт Мертон в теории структурно-функционального анализа. Дисфункции в системе ухудшают адаптацию или регулировку самой системы [19, с. 146].

Для проверки ранее выдвинутой гипотезы о самоорганизации активных представителей старшего возраста как системообразующем факторе «Московского долголетия» необходимо раскрыть содержание понятия «активное долголетие» и показать отношение старшего поколения к нему.

Западные коллеги придерживаются термина «active ageing», который дословно переводится как «активное старение» [20]. Чтобы показать, что в старшем возрасте можно вести активный образ жизни, зарубежные исследователи также используют понятие «успешное» [21, 22], «гармоничное» [23, 24], «продуктивное» [25, 26], «здоровое» [27, 28] старение.

В организационно-правовом поле на государственном уровне европейских стран используется термин «активное старение» [29, 30]. В 2002 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) интерпретировала активное старение как «процесс оптимизации возможностей в плане здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей» [31].

В работах, показывающих, что активное старение – это не то же самое, что активное долголетие в восприятии пожилых, конкретизируется, что такое разделение характерно для стран постсоветского пространства [32–34]. Представителями старшего поколения «старение воспринимается как нечто негативное, конечное, как вызов самому себе, с которым нужно бороться, чтобы выжить <...> Исправить ситуацию призвана популяризация “активного долголетия”, которое ассоциируется с сохранением (здоровья, красоты, возможностей организма) и даже обновлением (“вторая молодость”) и воспринимается как будущее, новый горизонт жизни» [35, с. 85].

Н. В. Реутов связывает активное долголетие с улучшением качества жизни, физическим, интеллектуальным и эмоциональным развитием, с расширением возможностей человека [36, с. 291]. Схожей точки зрения придерживается И. А. Григорьева, подчеркивая, что активная вовлеченность в жизнь общества, инициативность, самоорганизованность собственных действий расширяют возможности, в том числе и самообеспечения собственного существования пожилого человека [37].

Согласно Концепции политики активного долголетия, исследователи из НИУ ВШЭ определяют его как «состояние социального, экономического, физического и психологического благополучия граждан старшего поколения, которое обеспечивает им возможность для удовлетворения потребностей, включение в различные сферы жизни общества и достигается при их активном участии» [38].

Анализируя отечественные нормативно-правовые акты, в которых в ходу термин «активное долголетие», имеющий лишь косвенное определение, авторы делают вывод, что это

образ жизни человека, направленный на улучшение физического состояния организма и умственной активности с целью пролонгации трудоспособного возраста человека и удержание в социуме, как можно дольше [39, 40].

Методология и источники. Авторы провели инициативное исследование с лидерами клубов Центров московского долголетия. Напомним, что инициатива создания клуба исходит от самих москвичей старшего возраста. ЦМД выступают площадкой для реализации: предоставляют помещение и необходимое оборудование.

Москва состоит из 12 административных округов, в которые входят 125 районов. По данным на январь 2024 г. в столице уже функционирует 121 Центр московского долголетия.

Поскольку исследование проводилось в период реформирования – объединения проекта «Московское долголетие» и Центров Московского долголетия в единую экосистему «Московское долголетие», исследовательские возможности позволили охватить только два административных округа столицы: Центральный и Юго-Западный.

Опрос проводился в январе 2024 г. Все респонденты заполняли анкету онлайн в Yandex Forms. Инструментарий включал стандартные тематические блоки, позволяющие зафиксировать социально-демографические данные респондентов, оценить особенности проживания и материальное положение опрошенных. Плавный переход к вопросам о самоорганизации обеспечивался за счет общих вопросов о предпочитаемых формах досуга и отдыха. Принадлежности к системе активного долголетия и клубной деятельности был посвящен отдельный раздел анкеты. Респонденты оценивали свое отношение к активному долголетию в целом и Центрам московского долголетия в частности. Изучались причины визитов в ЦМД и тематика клубов, которые посещают.

Для анализа лидерства в старшем возрасте как социального феномена собирались общие данные о том, когда исследуемые впервые ощутили себя лидерами, занимали ли руководящие посты в период профессиональной деятельности, нравилось ли заниматься организационной деятельностью.

Аспекты самоорганизации анализировались в контексте соотнесения себя как лидера с системой «Московского долголетия», быстроты принятия решения стать лидером клуба и изменений в жизни после этого, принадлежности к совету ассоциации лидеров клубов, готовности помогать потенциальным лидерам, а также взаимоотношений с участниками клуба.

Всего в исследовании приняли участие 203 лидера самоорганизованных клубов, из них 76 % женщин и 24 % мужчин. Минимальный возраст респондентов 55 лет, максимальный – 88 лет.

Результаты и обсуждение

Социально-демографические характеристики респондентов. К наиболее представленному возрастному диапазону можно отнести лидеров в возрасте от 61 до 65 лет. Эта группа составляет 30 % от общего количества опрошенных. Возрастная группа лидеров 66–70 лет – 23 %, 55–60 – 18 %, 71–75 лет – 17 %, представители старше 76 лет занимают 13 % в общей структуре респондентов.

Анализ уровня образования респондентов показал, что большая часть лидеров (80 %), имеет высокий уровень (высшее образование или ученую степень – 75 % и 5 % соответственно).

Выход на пенсию у большинства опрошенных ознаменовался окончанием трудовой деятельности – 83 % опрошенных лидеров не работают. Доля работающих пенсионеров составила 11 %, не отказываются от дополнительного заработка и продолжают трудовую деятельность на нерегулярной основе 6 %.

При анализе профессиональной деятельности респондентов можно сделать вывод о разностороннем распределении участников по отраслевому признаку. Сфера образования является доминирующей по сравнению с остальными, в ней были задействованы 18 % лидеров, далее культура – 11 %, промышленность – 7 %, наука, здравоохранение и государственная служба – по 6 % соответственно, 5 % и меньше – строительство, торговля, связь, военная служба, транспорт и др. Данное структурное разнообразие в отраслевой профессиональной деятельности может свидетельствовать о разностороннем наборе увлечений и опыте участников проекта.

При анализе семейного положения опрошенных выяснилось, что 96 % имеют близких родственников (дети, супруг). В законных брачных отношениях состоят 43 % респондентов, вдовствуют 23 % опрошенных, в разводе – 21 %. Никогда не состояли в браке – 8 %, совместно проживают без статуса супругов – 5 % от общего количества опрошенных.

Условия проживания и оценка материального положения. Практически в равных долях распределились ответы респондентов об условиях проживания: проживает один (одна) – 34 %, с родственниками (детьми, внуками, правнуками) – 32 %, с супругом(ой) (сожителем) – 34 %.

В Юго-Западном и Центральном административных округах функционирует по 11 ЦМД. Согласно концепции проекта, любой участник может посещать любой из открытых центров в Москве одновременно по принципу экстерриториальности. Пространственное распределение опрошенных по округам столицы подтверждает работу принципа экстерриториальности проекта – 26 % респондентов проживают в других округах Москвы (Северный, Северо-Восточный, Восточный, Юго-Восточный, Южный, Северо-Западный и Зеленоградский), но при этом ведут клубную деятельность в Юго-Западном или Центральном административных округах. Согласно принципу доступности, каждый участник посещает ближайший Центр московского долголетия, расположенный в транспортной доступности от места проживания пенсионера. Принцип доступности подтверждается активной клубной деятельностью лидеров ЮЗАО в своем районе или соседних внутри округа, где расположен ближайший из 11 центров, такая же тенденция наблюдается в ЦАО, где живут лидеры, ведущие клубную деятельность в 11 ЦМД Центрального округа.

Большая часть опрошенных (98 %) проживают изолировано от соседей в однокомнатной (10 %), двухкомнатной (54 %), трехкомнатной (27 %), четырехкомнатной (и более) квартире (6 %), в частном доме (1 %). Лишь 2 % опрошенных делят бытовые удобства с соседями в коммунальной квартире.

Удовлетворены имеющимся доходом 42 % опрошенных (по совокупности ответов респондентов «полностью устраивает» и «скорее устраивает», разделившихся в равном соотношении). Ситуационно уровень получаемого дохода устраивает 31 % опрошенных, недовольны финансовой ситуацией 27 % от общего количества опрошенных.

Каждый 4-й опрошенный (25 %) отметил улучшение материального положения за предшествующий опросу год, при этом 33 % участников опроса считают, что их финансовые

возможности ухудшилось. Неизменным, по сравнению с предыдущим годом, свое материальное положение считают 42 % респондентов.

Субъективные оценки собственной значимости. На рис. 3 представлены данные по ответам респондентов на заранее заданные суждения о востребованности и нужности старшего поколения. Полученные ответы демонстрируют положительные результаты: большинство опрошенных (73 %) считает себя нужными государству, 80 % отметили бесценность и бесспорную значимость собственного накопленного жизненного опыта, который уважают. Выход на пенсию для 87 % респондентов – это не конец жизни, а напротив – новые возможности.

Рис. 3. Оценка суждений о жизни, опыте и уважении пожилых
Fig. 3. Assessment of judgments about the life, experience and respect of the elderly

Восприятие «активного долголетия». В табл. 2 представлены ответы респондентов относительно определения «активное долголетие». Варианты ответов на данный вопрос были озвучены информантами самостоятельно в ходе качественного исследования, проведенного одним из авторов статьи методом глубинного интервью в 2020 г. [41] и, соответственно, предложены для использования в рамках проведения данного количественного исследования в 2024 г. Участники опроса могли выбрать несколько вариантов.

Таблица 2. Восприятие респондентами понятия «активное долголетие»
Table 2. Respondents' perception of the concept of “Active longevity”

№ п/п	Вариант ответа	%, от общего количества опрошенных
1	Доступность того, что нравится делать	56
2	Получение удовольствия от жизни	56
3	Полезность для других	51
4	Развитие интеллектуальных способностей	50
5	Поддержание физических возможностей	48
6	Постоянное обучение	40
7	Жажда жизни	32
8	Уважение к возрасту и достижениям	27
9	Работоспособность	26
10	Стабильность и устойчивость жизни	24
11	Начало новой жизни	22

К наиболее распространенным ответам можно отнести: «доступность того, что нравится делать» (56 %), «получение удовольствия от жизни» (56 %), «полезность для других» (51 %). Полученные ответы подтверждают научную обоснованность и интерпретацию данного термина в трудах рассмотренных выше авторов Т. С. Киенко и Н. В. Реутова. Респонденты также считают, что активное долголетие заключается в поддержании интеллектуальных и физических возможностей. Такое распределение ответов относительно «активного долголетия» соотносится с нормативно-правовыми актами нашей страны, определения которых содержат в себе схожую смысловую интерпретацию, и с тематикой самоорганизованных клубов.

Отдых и досуг в ЦМД. При переходе к оценке отношения участников исследования к проекту «Центры московского долголетия» и лидерству респондентам задавался вопрос об их предпочтениях в организации досуговой деятельности. Наиболее популярными ответами стали: посещение мероприятий и клубных встреч Центров (75 %), хобби (54 %), общение с друзьями (51 %), чтение (44 %),

Ответы участников демонстрируют желание приходить в ЦМД, потребность в коммуникации, получении информации и готовность заниматься любимым делом.

Способность к самоорганизации в системе «Московское долголетие». На вопрос «В каком возрасте Вы ощутили себя лидером?» 30 % опрошенных отметили, что почувствовали себя лидером в период профессиональной деятельности. При этом 25 % опрошенных сказали, что ощутили в себе лидерские качества благодаря проекту, в момент принятия самостоятельного решения передавать опыт другим единомышленникам, а это каждый 4-й опрошенный. У 24 % респондентов лидерские качества начали проявляться в юношеском возрасте, прирожденными лидерами с детского возраста ощущают себя 21 % от общего количество опрошенных.

Профессиональные достижения в прошлом только в половине случаев определяют лидерские возможности и потенциал участников в данный момент жизни (по материалам исследования, 53 % опрошенных занимали руководящие посты в период трудовой деятельности). Однако наличие/отсутствие опыта работы на руководящих должностях может влиять на принятие решений в настоящем. Не все респонденты сразу согласились взять на себя роль лидера: 39 % понадобилось время, чтобы оценить свои способности, остальные (61 %) приняли предложение без дополнительных раздумий.

Намеренно организовывать и инициировать деятельность вокруг себя и получать от этого удовольствие способны 79 % опрошенных, оставшиеся лидеры (21 %) нейтрально относятся к организационной деятельности.

Все клубы условно поделены на три тематических блока. Наибольшей популярностью пользуются направления ЗОЖ и творчество – 42 и 41 % соответственно. Активности, связанные с интеллектуальной деятельностью, интересуют 17 % опрошенных.

Тематика клубов, которые ведут респонденты (один лидер может вести несколько клубов по разным направлениям), распределилась в похожем соотношении: фактически по направлениям здорового образа жизни и творчества клубную деятельность ведут 44 и 46 % лидеров соответственно, интеллектуальному развитию посвящены 22 %.

Системная принадлежность лидеров клубов ЦМД. Деятельность Центров московского долголетия заключается в предоставлении возможностей всем желающим категории 55+ не просто приходить и заниматься тем, что нравится, но и организовывать собственные мероприятия и клубы по интересам. Таким образом, лидер инициирует и поддерживает создание самой системы центров, является ее неотъемлемой частью, координирует взаимодействие элементов.

Респондентам задавался прямой вопрос, ответ на который определял субъективную оценку лидеров принадлежности к системе: 72 % от общего количества опрошенных подтвердили, что считают себя частью большой системы под названием «Московское долголетие», 25 % склонны так думать, ответив на вопрос «скорее “да”, чем “нет”», 1 % не уверены, что принадлежат к данной системе, и еще 1 % опрошенных отрицает свою принадлежность к системе.

По мнению участников опроса, лидер клуба – это самостоятельная единица, способная организовать вокруг себя собственную систему (40 % опрошенных), или важная часть системы активного долголетия (52 % респондентов). Индивидуализм и отрешенность от системной принадлежности идентифицированы только у 8 % участников опроса.

Положительным следствием и дополнительным доказательством самоорганизации системы можно считать факт коммуникации элементов между собой вне Центров московского долголетия. 70 % лидеров общаются с участниками как в Центре, так и за его пределами. С другой стороны, Центры московского долголетия выступают в качестве товарищеской среды для поддержания жизненного цикла существования системы (25 %). Формальный подход во взаимодействии элементов наблюдается у 5 % от общего количества опрошенных.

Выдвигать идеи и заниматься развитием экосистемы «Московское долголетие» в разрезе клубной деятельности пока не готовы 62 % опрошенных, при этом 27 % респондентов уже входят в районные советы лидеров, которые готовы принимать решения по организации районных мероприятий.

Взять на себя роль наставника и побуждать к действиям потенциальных руководителей без раздумий готовы 47 % лидеров клубов; примерить на себя данную роль и попробовать свои силы в наставничестве выразили желание 37 % опрошенных; не разделяющих идею наставничества – 14 %; наотрез отказавшихся – 1 % от общего количества опрошенных действующих лидеров.

Заключение. Досуговая деятельность и социальная активность пожилых все чаще становится объектом социологических исследований. Данный тренд обусловлен ростом численности представителей старшего поколения в связи с увеличением продолжительности жизни и, соответственно, необходимостью вовлекать данную социальную группу в общественную жизнь. Этому способствует развитие здравоохранения и городской инфраструктуры, социальной сферы и государственных программ.

Но государственная поддержка людей старшего возраста, особенно в Москве, часто критикуется за распространение иждивенческого подхода к социальным услугам. Программа «Московское долголетие» была выстроена на предоставлении бесплатных занятий пожилым за счет привлечения и оплаты работы поставщиков услуг. Процедура сбора документов для такой работы достаточно трудоемка. Центры московского долголетия работают

по иному принципу. Любой представитель старшего возраста может обратиться в ЦМД, чтобы организовать свой клуб и оказывать услуги таким же пенсионерам, только на безоплатной основе, но зато с минимальным количеством документов. Данный проект выступает в качестве инструмента для старшего поколения в процессе самоорганизации собственной деятельности для достижения определенных индивидуальных целей, сопряженных с личностными мотивами. Такая форма самоорганизации пожилых является достаточно новой и по масштабу (централизованно на уровне города), и по цели (создание сообщества пожилых людей за счет их собственных усилий и мотивации).

Экосистему «Московское долголетие» авторы определили как систему макроуровня, в которую включен элемент микроуровня – клубная деятельность. Это та самая автономная самоорганизованная система, состоящая из активных представителей возрастной категории старше 55 лет.

Жизненный цикл клуба как система проходит три стадии самоорганизации. На начальном этапе зарождения в систему приходит лидер клуба, а затем присоединяются участники. После этого на стадии формирования она начинает функционировать и развиваться путем соблюдения определенных правил, как выстроенных самостоятельно, так и полученных извне. Универсальная стадия выражается в качественном и/или количественном росте элементов данной системы. По данным на январь 2024 г. в ЦМД уже более 5 тыс. самоорганизованных клубов по интересам. Количество клубов и тематическое разнообразие с каждым годом увеличивается именно благодаря стараниям москвичей старшего возраста.

Отталкиваясь от системного подхода Т. Парсонса, в соответствии с полученными результатами, необходимо отметить, что в основании образования системы лежит именно самоорганизованное действие лидера клуба, подкрепленное индивидуальными мотивами для достижения статуса активного долголетия. Центральная фигура, в которой сосредоточено ядро самоорганизованной системы, – лидеры проекта. По результатам проведенного исследования прирожденными лидерами с детского возраста считают себя 21 % опрошенных, остальные раскрыли свой лидерский потенциал в течение жизни: в период юности – 24 %, на этапе профессиональной деятельности – 30 %, благодаря проекту «Московское долголетие», в момент принятия решения передавать знания и опыт другим – 25 %.

Абсолютное большинство респондентов выразили принадлежность к большой системе «Московское долголетие» (97 %). О том, что лидер клуба – это самодостаточная единица, способная организовать вокруг себя собственную систему, высказались 40 % опрошенных. Лидеры также ощущают себя значимой составляющей системы активного долголетия (52 %), способной аккумулировать вокруг себя подобные элементы (активных участников) и создавать собственную микросистему (клуб по интересам), которая будет функционировать и развиваться в соответствии с динамикой самоорганизационных процессов и жизненного цикла системы клуба, рассмотренной ранее.

Достижение цели, выраженной в поддержании активного долголетия, подтверждается собственными наблюдениями лидеров об их жизни после создания своего клуба: появились дополнительные коммуникации, уверенность в себе, возможность в реализации собственных идей и насыщенность жизни. Это составляет основу определения «активное долголетие» в понимании и интерпретации старших. «Доступность занятий» и «получение удоволь-

ствия от жизни» – одни из главных принципов функционирования ЦМД и индикаторов активного долголетия, озвученных респондентами (по 56 % соответственно). Намеренно организовывать и инициировать деятельность вокруг себя и при этом получать от этого удовольствие способны 79 % опрошенных.

Положительным следствием и дополнительным доказательством самоорганизации системы можно считать факт коммуникации элементов между собой вне Центров московского долголетия: 70 % лидеров общаются с участниками как в ЦМД, так и за его пределами.

Центры московского долголетия также выступают в качестве товарищеской среды для поддержания жизненного цикла существования системы. Взять на себя роль наставника и побуждать к действиям потенциальных лидеров готовы 84 % респондентов.

Жизнеспособность системы «Московское долголетие» подтверждается и ее развитием. В 2022 г. было принято решение о создании ассоциации лидеров клубов. По данным опроса, 27 % респондентов уже входят в районные советы лидеров, которые готовы принимать решения по организации районных мероприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ashby W. Principles of the self-organizing dynamic system // The J. of general psychology. 1947. Vol. 37, iss. 2. P. 125–128. DOI: 10.1080/00221309.1947.9918144.
2. Осинцева Л. М. Проблемы самоорганизации у обучающихся в Барнаульском юридическом институте МВД России // Полицейская деятельность. 2022. № 6. С. 62–70. DOI: 10.7256/2454-0692.2022.6.38862.
3. Бронникова Е. М. Самоорганизация менеджеров как инструмент повышения личной эффективности в индустрии гостеприимства // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 6 (44). С. 97–104.
4. Богомаз С. А. Типологические особенности самоорганизации деятельности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 344. С. 163–166.
5. Виноградский В. Г., Виноградская О. Я. Феномен самоорганизации сельского населения: принципы и перспективы исследования // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2023. Т. 23, № 2. С. 355–367. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367.
6. Ахромеева Т. С., Малинецкий Г. Г., Посашков С. А. Новый взгляд на самоорганизацию в некоторых социальных системах // Социол. исслед. 2014. № 5. С. 3–15.
7. Иванова Т. С. Социальная самоорганизация молодежи: к постановке проблемы исследования // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 4 (41). С. 215–219.
8. Леонов А. В., Пронин А. Ю. Принципы самоорганизации в разработке и реализации государственных программ // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12, № 7 (340). С. 36–53.
9. Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4–12. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688.
10. Маюрова А. А., Лавренова Т. И. Самоорганизация пожилых людей в современном обществе как способ адаптации // Вестн. Пенз. гос. ун-та. 2016. № 4 (16). С. 29–32.
11. Киенко Т. С., Певная М. В., Птицына Н. А. Практики самоорганизации и социальной активности россиян старшего возраста как расширяющие возможности (“empowerment”) технологии // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2022. № 1 (65). С. 89–98. DOI: 10.52452/18115942_2022_1_89.
12. Fuchs C. The self-organization of social movements // Systemic practice and action research. 2006. Vol. 19. P. 101–137.

13. Kelso J. Self-organizing dynamical systems // *International encyclopedia of the social & behavioral sciences* / N. Smelser and P. Baltes (eds.). Oxford: Elsevier, 2001. P. 13844–13850. DOI: 10.1016/B0-08-043076-7/00568-4.

14. Hejl P. Towards a theory of social systems: Self-organization and self-maintenance, self-reference and syn-reference // *Self-organization and management of social systems. Insights, promises, doubts, and questions* / H. Ulrich (ed.). Berlin, Heidelberg, NY: Springer, 1984. P. 60–78.

15. Парсонс Т. О социальных системах / пер. с англ. Е. Молодцовой и др.; под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002.

16. Постановление Правительства Москвы от 13.02.2018 г. «О проведении в городе Москве пилотного проекта по расширению возможностей участия граждан старшего поколения в культурных, образовательных, физкультурных, оздоровительных и иных досуговых мероприятиях» // Консультант Плюс. URL: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/63-PP\(4\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/63-PP(4).pdf) (дата обращения: 01.02.2024).

17. Постановление Правительства Москвы от 18.12.2018 г. «О реализации в городе Москве проекта «Московское долголетие» // Консультант Плюс. URL: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/d_663779044\(1\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/d_663779044(1).pdf) (дата обращения: 01.02.2024).

18. Швецова В. А. Динамика и взаимосвязь индивидуальной и коллективной самоорганизации студентов в процессе обучения // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Т. 9, № 2 (2), С. 254–258. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-254-258.

19. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е. Н. Егоровой, З. В. Кагановой, В. Г. Николаева, Е. Р. Черемиссиновой. М.: АСТ: Хранитель, 2006.

20. Kalache A., Gatti A. Active ageing: a policy framework // *Advances in gerontology*. 2003. № 11. P. 7–18. DOI: 10.1080/713604647.

21. Havighurst, R. Successful aging // *The Gerontologist*. 1961. № 1. P. 8–13. DOI: 10.1093/geront/1.1.8.

22. Franklin N., Tate C. Lifestyle and successful aging: an overview // *American J. of Lifestyle Medicine*. 2009. Vol. 3, iss. 1. P. 6–11. DOI: 10.1177/1559827608326125.

23. Bhusal D. The Honor of later life: active aging subjective concern and formal adaptive environment in Nepal // *J. of gerontology & geriatric research*. 2020. Vol. 9, iss. 3. P. 1–4. DOI: 10.35248/2167-7182.20.9.515.

24. Liang J., Luo B. Toward a discourse shift in social gerontology: from successful aging to harmonious aging // *J. of Aging Studies*. 2012. Vol. 26, iss. 3. P. 327–334. DOI: 10.1016/j.jaging.2012.03.001.

25. Bass S. A., Caro F. G., Chen Y.-P. Achieving a productive aging society. Westport, Conn.: Auburn House, 1993.

26. Dommaraju P., Wong S. The concept of productive aging / *Assessments, treatments and modeling in aging and neurological disease* / C. Martin, V. Preedy (eds.). P. 3–11. London: Academic Press, 2021. DOI: 10.1016/b978-0-12-818000-6.00001-9.

27. Kalache A., Kickbusch I. A global strategy for healthy ageing // *World Health*. 1997. Vol. 50, iss. 4. P. 4–5.

28. Marina L., Ionas L. Active ageing and successful ageing as explicative models of positive evolutions to elderly people // *Scientific Annals of Alexandru Ioan Cuza University of Iasi. Sociology and Social Work*. 2012. Vol. 5, no. 1. P. 79–91.

29. Tymowski Ja. European year for active ageing and solidarity between generations // *European Parliamentary Research Service*, 2012. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/536344/EPRS_IDA\(2015\)536344_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/536344/EPRS_IDA(2015)536344_EN.pdf) (дата обращения: 29.02.2024).

30. Live longer, work longer // OECD. Paris: OECD Publications, 2006. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/employment/live-longer-work-longer_9789264035881-en#page4 (дата обращения: 29.02.2024).

31. Active aging: a policy framework // WHO. Geneva, 2002. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/67215/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 29.02.2024).

32. Григорьева И. А., Богданова Е. А. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. Т. 12, № 2. С. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211.
33. Калачикова О. Н., Короленко А. В., Нацун Л. Н. Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 1. С. 20–45. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2209.
34. Sidorenko A., Zaidi A. Active ageing in Cis countries: semantics, challenges, and responses // *Current Gerontology and Geriatrics Research*. 2013. Vol. 2013, iss. 1. P. 1–17. DOI: 10.1155/2013/261819.
35. Корнилова М. В. «Активное долголетие»: поиск ответов на новые вызовы (на примере программы «Московское долголетие») // *Дискурс*. 2023. Т. 9, № 6. С. 74–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-74-89.
36. Реутов Н. В. Государственная политика и практика обеспечения активного долголетия // *Вестн. Университета*. 2015. № 13. С. 291–293.
37. Григорьева И. А. Расширение возможностей (empowerment) людей старшего возраста в практиках самоорганизации и активности / отв. ред. Т. С. Киенко. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2022. 302 с.: рецензия // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2023. Т. 26, № 3. С. 251–257. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.3.10.
38. Концепция политики активного долголетия: науч.-методолог. доклад к XXI апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020.
39. Распоряжение Правительства России от 05.02.2016 г. №164-р «Стратегия действий в интересах граждан пожилого возраста до 2025 года» // *Гарант.ру*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71222816/?ysclid=lswzu0ouey774884964> (дата обращения: 13.01.2024).
40. Паспорт федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения» // *Минтруд России*. 2019. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/> (дата обращения: 13.01.2024).
41. Корнилова М. В. Особенности восприятия активного долголетия старшим поколением // *Социальное время*. 2023. № 3 (35). С. 86–102. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.86.

Информация об авторах.

Козачок Дарья Павловна – руководитель структурного подразделения Центр московского долголетия «Академический», ул. Профсоюзная, д. 13/12, Москва, 117218, Россия. Сфера научных интересов: социология, «серебряное» волонтерство, организация досуговой деятельности пожилых людей.

Корнилова Марина Валерьевна – кандидат социологических наук (2012), старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия. Автор более 60 научных публикаций. Сфера научных интересов: активное долголетие, качество жизни, социальная защита и социальные риски пожилых.

Каменских Владимир Николаевич – старший преподаватель кафедры общественно-социальных институтов и социальной работы Российского государственного социального университета, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, Москва, 129226, Россия. Сфера научных интересов: психология, социальная работа и пожилые люди.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 23.04.2024; принята после рецензирования 29.05.2024; опубликована онлайн 23.12.2024.*

REFERENCES

1. Ashby, W. (1947), "Principles of the self-organizing dynamic system", *The J. of general psychology*, vol. 37, iss. 2, pp. 125–128. DOI: 10.1080/00221309.1947.9918144.
2. Osintseva, L.M. (2022), "Problems of self-organization among students at the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", *Police activity*, no. 6, pp. 62–70. DOI: 10.7256/2454-0692.2022.6.38862.
3. Bronnikova, E.M. (2013), "Self- organization as the tool for achieving goals for managers of the hospitality industry", *Service in Russia and Abroad*, no. 6 (44), pp. 97–104.
4. Bogomaz, S.A. (2011), "Typological features of self-organization of activity", *Tomsk State Univ. J.*, no. 344, pp. 163–166.
5. Vinogradsky, V.G. and Vinogradskaya, O.Ya. (2023), "The phenomenon of self-organization of the rural population: principles and prospects for research", *RUDN J. of Sociology*, vol. 23, no. 2, pp. 355–367. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367.
6. Akhromeeva, T.S., Malinetskiy, G.G. and Posashkov, S.A. (2014), "A new perspective on self-organization in social systems", *Sociological Research*, no. 5, pp. 3–15.
7. Ivanova, T.S. (2007), "Social self-organization of the youth: approach to research problem", *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (41), pp. 215–219.
8. Leonov, A.V. and Pronin, A.Yu. (2016), "Principles of self-organization in the development and implementation of government programs", *National Interests: priorities and security*, vol. 12, no. 7 (340), pp. 36–53.
9. Zubok, Yu.A. (2020), "Youth: life strategies in the new reality", *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 3, pp. 4–12. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688.
10. Mayurova, A.A. and Lavrenova, T.I. (2016), "Self-organization of older people in modern society as a way of adaptation", *Vestnik of Penza State Univ.*, no. 4 (16), pp. 29–32.
11. Kienko, T.S., Pevnaya, M.V. and Ptitsyna, N.A. (2022), "Practices of self-organization and social activity of older Russians as empowering technologies", *Vestnik of Lobachevsky State Univ. of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, no. 1 (65), pp. 89–98. DOI: 10.52452/18115942_2022_1_89.
12. Fuchs, C. (2006), "The self-organization of social movements", *Systemic practice and action research*, no. 19, pp. 101–137.
13. Kelso, J. (2001), "Self-organizing dynamical systems", *International encyclopedia of the social & behavioral sciences*, in Smelser, N. and Baltes, P. (eds.), Elsevier, Oxford, UK, pp. 13844–13850. DOI: 10.1016/B0-08-043076-7/00568-4.
14. Hejl, P. (1984), "Towards a theory of social systems: self-organization and self-maintenance, self-reference and syn-reference", *Self-organization and management of social systems. Insights, promises, doubts, and questions*, in Ulrich, H. (ed.), Springer, Berlin, Heidelberg, NY, GER, pp. 60–78.
15. Parsons, T. (2002), *On Social Systems*, Transl. by Molodskova, E. et al., in Chesnokova, V.F. and Belanovsky, S.A. (eds.), Akademicheskii Proekt, Moscow, RUS.
16. "Decree of the Government of Moscow dated February 13, 2018 "On holding a pilot project in Moscow to expand opportunities for the participation of older citizens in cultural, educational, physical culture, recreational and other leisure activities"", *Consultant Plus*, available at: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/63-PP\(4\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/63-PP(4).pdf) (accessed 01.02.2024).
17. "Decree of the Government of Moscow dated December 18, 2018 "On the Implementation of the Moscow Longevity Project in the City of Moscow"", *Consultant Plus*, available at: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/d_663779044\(1\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/d_663779044(1).pdf) (accessed 01.02.2024).
18. Shvetsova, V.A. (2017), "Dynamics and interrelation of individual and collective self-organization of students in the in the process of training", *Historical and Social Educational Idea*, vol. 9, no. 2 (2), pp. 254–258. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-254-258.
19. Merton, R. (2006), *Social Theory and Social Structure*, Transl. by Egorova, E.H., Kaganova, Z.V., Nikolaev, V.G. and Cheremissina, E.R., Moscow, AST: AST Moscow: Khranitel', RUS.

20. Kalache, A. and Gatti, A. (2003), "Active ageing: a policy framework", *Advances in gerontology*, no. 11, pp. 7–18. DOI: 10.1080/713604647.
21. Havighurst, R. (1961), "Successful aging", *The Gerontologist*, no. 1, pp. 8–13. DOI: 10.1093/geront/1.1.8.
22. Franklin, N. and Tate, C. (2009), "Lifestyle and successful aging: an overview", *American J. of Lifestyle Medicine*, vol. 3, iss. 1, pp. 6–11. DOI: 10.1177/1559827608326125.
23. Bhusal, D. (2020), "The honor of later life: Active aging subjective concern and formal adaptive environment in Nepal", *J. of gerontology & geriatric research*, vol. 9, iss. 3, pp. 1–4. DOI: 10.35248/2167-7182.20.9.515.
24. Liang, J. and Luo, B. (2012), "Toward a discourse shift in social gerontology: from successful aging to harmonious aging", *J. of Aging Studies*, vol. 26, iss. 3, pp. 327–334. DOI: 10.1016/j.jaging.2012.03.001.
25. Bass, S.A., Caro, F.G. and Chen, Y.-P. (1993), *Achieving a productive aging society*, Auburn House, Westport, Conn., USA.
26. Dommaraju, P. and Wong, S. (2021), "The concept of productive aging", *Assessments, treatments and modeling in aging and neurological disease*, in Martin, C. and Preedy, V. (eds.), pp. 3–11. Academic Press, London, UK. DOI: 10.1016/b978-0-12-818000-6.00001-9.
27. Kalache, A. and Kickbusch, I. (1997), "A global strategy for healthy ageing", *World Health*, vol. 50, iss. 4, pp. 4–5.
28. Marina, L. and Ionas, L. (2012), "Active ageing and successful ageing as explicative models of positive evolutions to elderly people", *Scientific Annals of Alexandru Ioan Cuza University of Iasi. Sociology and Social Work*, vol. 5, no. 1, pp. 79–91.
29. Tymowski, Ja. (2012), "European year for active ageing and solidarity between generations", *European Parliamentary Research Service*, available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/536344/EPRS_IDA\(2015\)536344_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/536344/EPRS_IDA(2015)536344_EN.pdf) (accessed 29.02.2024).
30. "Live Longer, Work Longer" (2006), *OECD*, Paris, OECD Publications, FRA, available at: https://read.oecd-ilibrary.org/employment/live-longer-work-longer_9789264035881-en#page4 (accessed 29.02.2024).
31. "Active aging: a policy framework" (2002), *WHO*, Geneva, SWZ, available at: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/67215/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 29.02.2024).
32. Grigoryeva, I.A. and Bogdanova, E.A. (2020), "The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the COVID-19 pandemic", *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol.12, no. 2, pp. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211.
33. Kalachikova, O.N., Korolenko, A.V., Natsun, L.N. (2023), "Theoretical and Methodological Foundations of Active Longevity Research", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1, pp. 20–45. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2209.
34. Sidorenko, A. and Zaidi, A. (2013), "Active ageing in Cis Countries: Semantics, Challenges, and Responses", *Current Gerontology and Geriatrics Research*, vol. 2013, iss. 1, pp. 1–17. DOI: 10.1155/2013/261819.
35. Kornilova, M.V. (2023), ""Active longevity": searching for answers to new challenges (using the example of the "Moscow Longevity" program), *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 74–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-74-89.
36. Reutov, N.V. (2015), "State policy and practice of ensuring active aging", *Vestnik universiteta*, no. 13, pp. 291–293.
37. Grigoryeva, I.A. (2023), "Book review: Empowerment of older people in self-organization and activity practices (2022); Kienko, T.S. (ed.), Rostov-on-Don: Foundation for Science and Education. 302 p.", *The J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 26, no. 3, pp. 251–257. DOI:10.31119/jssa.2023.26.3.10.
38. "The concept of active longevity policy: scientific and methodological report for April 21. Intern. Sci. conf. on problems of economic and social development" (2020), in Ovcharova, L.N.,

Morozova, M.A. and Sinyavskaya, O.V. (eds.), Publishing house of the Higher School of Economics, Moscow, RUS.

39. "Order of the Government of Russia dated February 5, 2016 "Strategy of action in the interests of older citizens until 2025"" (2016), *Garant.ru*, available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71222816/?ysclid=lswzu0ouey774884964> (accessed 13.01.2024).

40. "Passport of the federal project "Development and implementation of a program for systemic support and improving the quality of life of older citizens" (2019), *Ministry of Labor of Russia*, available at: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/> (accessed 13.01.2024).

41. Kornilova, M.V. (2023), "Active longevity features of perception by the older generation", *SocioTime*, no. 3 (35), pp. 86–102. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.86.

Information about the authors.

Daria P. Kozachok – Head of structural subdivision Center of Moscow Longevity "Academic", 13/12 Profsoyuznaya str., Moscow 117218, Russia. Area of expertise: sociology, "silver" volunteering, leisure activities for the elderly.

Marina V. Kornilova – Can. Sci. (Sociology, 2012), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, 24/35, bldg 5, Krzhizhanovsky str., Moscow 117218, Russia. The author of more than 60 scientific publications. Area of expertise: active longevity, quality of life, social protection and social risks of the elderly.

Vladimir N. Kamenskih – Senior Lecturer at the Department of Public and Social Institutions and Social Work, Russian State Social University, 4, bldg. 1 Wilhelm Peak str., Moscow 129226, Russia. Area of expertise: psychology, social work and the elderly.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 23.04.2024; adopted after review 29.05.2024; published online 23.12.2024.

Оригинальная статья
УДК 316.346.32-053.9
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-61-77>

Социально значимые функции пожилых жителей Российской Арктики

Антон Михайлович Максимов¹✉, Татьяна Анатольевна Блынская²

*^{1, 2}Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени академика Н. П. Лавёрова Уральского отделения РАН, Архангельск, Россия*

¹✉ amm15nov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0959-2949>

² t_blynskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9675-4688>

Введение. Целью настоящей статьи является выявление функций пожилых граждан России в трудовой, социально-бытовой и публичной сферах и оценка выраженности этих функций в Арктической зоне Российской Федерации (далее – АЗРФ) в сравнении с общероссийской ситуацией. Актуальность темы обусловлена устойчивым трендом на старение населения России и необходимостью пересмотра роли пожилых граждан в различных сферах жизнедеятельности. Новизна исследования состоит в систематизации данных о вовлеченности пожилых россиян в трудовую, социально-бытовую и общественную деятельность, а также в сравнении связанных с этим общероссийских трендов с соответствующими процессами в АЗРФ.

Методология и источники. Теоретические основы исследования составляют разработки зарубежных и отечественных авторов, специализирующихся на социальных аспектах старения, социальных практиках, в которые вовлекаются пожилые, их реинтеграции в экономику и публичную сферу. Эмпирическая часть статьи базируется на сравнительном анализе данных государственной статистики, опросных исследований и собственных данных авторов, полученных в результате проведения серии глубинных интервью с россиянами пожилого возраста, проживающими на территории АЗРФ.

Результаты и обсуждение. Занятость пожилых демонстрирует снижающуюся динамику вплоть до 2022 г. как в России в целом, так и в АЗРФ. При этом в АЗРФ доля работающих пожилых граждан на протяжении последнего десятилетия остается стабильно выше среднероссийских значений. В социально-бытовой сфере высока значимость пожилых в уходе за детьми: в России в последние годы около трети пожилых выполняют эту функцию. Однако в АЗРФ доля таковых, наоборот, снизилась и составляет менее 1/5. В деятельность общественных объединений вовлечено минимальное число пожилых граждан. Подавляющее большинство из них приходится на членов профсоюзов, причем в АЗРФ таких более половины от общего числа вовлеченных в общественную активность.

Заключение. На территориях АЗРФ степень реализации социально значимых функций пожилых россиян имеет определенную специфику, обусловленную, прежде всего, неблагоприятной демографической ситуацией, дефицитом трудовых ресурсов и высокой стоимостью жизни. Это объясняет большую занятость пожилого населения арктических регионов по сравнению с Россией в среднем. Другие показатели, отражающие социально значимые функции пожилых жителей АЗРФ, близки по своим значениям к общероссийским.

© Максимов А. М., Блынская Т. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: пожилые, социальные функции пожилых, Российская Арктика, трудовая занятость пожилых, общественная активность пожилых

Финансирование: статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России по НИР «Трансформация социокультурного пространства регионов Арктической зоны Российской Федерации в современных условиях» (номер гос. регистрации 122012100405-4).

Для цитирования: Максимов А. М., Блынская Т. А. Социально значимые функции пожилых жителей Российской Арктики // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 6. С. 62–79. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-61-77.

Original paper

Social Functions of the Russian Arctic Older Residents

Anton M. Maksimov¹✉, Tatiana A. Blynskaya²

^{1, 2}*N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russia*

¹✉*amm15nov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0959-2949>*

²*t_blynskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9675-4688>*

Introduction. The purpose of this article is the finding social functions of older Russian citizens in economic, domestic and public domains and also assessment of the expression level of these functions in the Russian Arctic in comparison with the all-Russian situation. The importance of the article's topic is due to the steady trend of aging of the Russian population and the need to rethink the role of older citizens in various spheres of life. The research novelty lies in the systematization of data on the involvement of older Russians in labor, social and domestic and public activities, as well as in the comparison of related all-Russian trends with the corresponding processes in the Russian Arctic.

Methodology and sources. The theoretical basis of the study is the papers of foreign and Russian authors specializing in the social aspects of aging, social practices in which the older people are involved, their reintegration into the economy and the public sphere. The empirical content of the article is based on a comparative analysis of state statistics, survey research and the authors' own data, obtained as a result of the in-depth interviews with older Russians, who living in the Russian Arctic territories.

Results and discussion. Employment of the older people shows declining dynamics until 2022 – both in Russia as a whole and in the Russian Arctic. At the same time, in the Arctic the proportion of working older citizens has remained consistently higher than the Russian average over the past decade. In the social and domestic sphere, the importance of the elderly in caring for children is high - in Russia in recent years about a 1/3 of the older people perform this function. However, in the Russian Arctic, the share of such people, conversely, has decreased and equal less than 1/5. The activities of public associations involve a minimal number of older citizens. The majority of them are members of trade unions, and in the Russian Arctic they constitute more than half of the total number of those involved in public activity.

Conclusion. The implementation degree of social functions of older people has the specific in the Russian Arctic territories, caused by the unfavorable demographic situation, shortage of labor resources and high cost of living. This explains the higher older people employment in the arctic regions compared to Russia on average. Other indicators reflecting the social functions of Russian Arctic' older residents are close in their values to the all-Russian ones.

Keywords: older people, social functions of older people, Russian Arctic, older people employment, older people public activity

Source of financing: the article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of Russia for research work “Transformation of the socio-cultural space of the regions of the Arctic zone of the Russian Federation in modern conditions” (state registration number 122012100405-4).

For citation: Maksimov, A.M. and Blynskaya, T.A. (2024), “Social Functions of the Russian Arctic Older Residents”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 6, pp. 61–77. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-61-77 (Russia).

Введение. Население мира неуклонно стареет: по оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), за период с 2015 по 2050 г. доля пожилых людей¹ в мире увеличится с 12 до 22 %. В абсолютном выражении ожидается увеличение числа людей старше 60 лет с 900 млн до 2 млрд чел. [1].

Россия не является исключением из общемирового тренда. По данным Росстата, ожидаемая продолжительность предстоящей жизни пожилых (при сохраняющейся разнице между мужчинами и женщинами) плавно увеличивалась на протяжении последних 15 лет – вплоть до 2019 г. В 2020–2021 гг. этот показатель снизился у женщин до 25 лет и 23,2 года соответственно, у мужчин – до 15,2 и 14,4 года (рис. 1). Такое снижение стало следствием экстраординарных событий – пандемии Covid-19 и ее последствий. Учитывая, что уже в 2022 г. уровни ожидаемой продолжительности жизни почти восстановились до пиковых значений периода, предшествовавшего пандемии, весьма вероятно, что многолетняя тенденция старения населения России сохранится и в будущем.

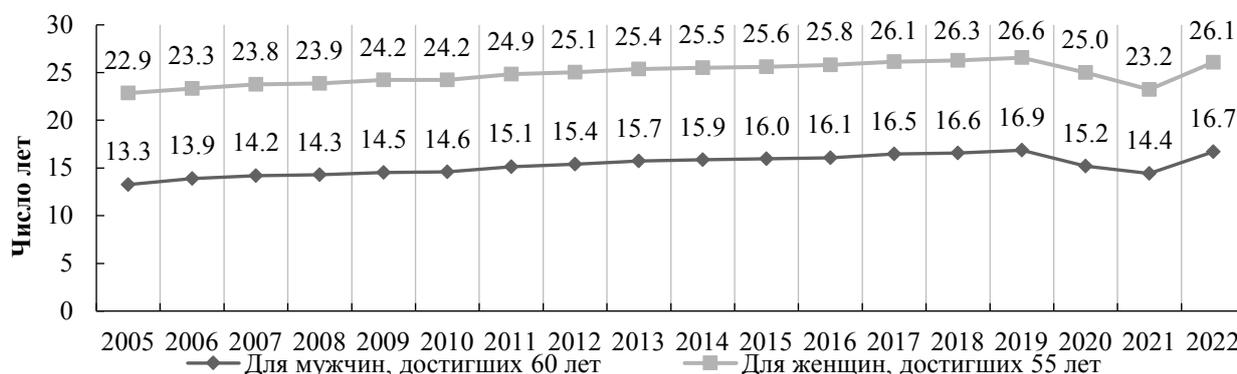

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни пожилых в России [2]

Fig. 1. Elderly' life expectancy in the Russia

Пожилые люди повсеместно сталкиваются с особыми проблемами, связанными как с их здоровьем, так и с изменениями их места и роли в жизни общества. Пожилые люди значительно чаще сталкиваются со снижением статуса и доходов (в связи с выходом на пенсию, замедлением карьеры и другими обстоятельствами), потерей близких, сокращением плотности социальных связей. Все это сопровождается социальной изоляцией, одиночеством, ухудшением ментального здоровья [3].

Ряд исследователей [4–6] указывает на то, что в российском обществе сформировался негативный образ старости, вследствие чего она вызывает чувство тревоги, неприятия. Во многом это связано с общественным дискурсом, который формирует соответствующее от-

¹ В соответствии с классификацией ВОЗ и Международной организации труда (МОТ), пожилыми считаются люди в возрасте от 60 до 74 лет, старыми – от 75 до 89 лет, а люди старше 90 лет признаются долгожителями. Социально значимые функции пожилых жителей Российской Арктики
Social Functions of the Russian Arctic Older Residents

ношение у пожилых людей к категории старости и нежелание «примерять» ее на себя даже в очень преклонном возрасте.

Все это делает актуальным уточнение изменяющейся роли пожилых граждан в различных системах отношений и процессах, имеющих в российском обществе на текущем этапе его развития. Конкретные цели настоящей статьи заключаются в выявлении функций пожилых россиян в экономической, социально-бытовой и публичной сферах и оценке выраженности этих функций в АЗРФ в сравнении с общероссийской ситуацией.

Методология и источники. Согласно стандартам ВОЗ, пожилыми людьми считаются лица старше 60 лет. Однако, поскольку нас интересуют в этом вопросе в первую очередь социальные, а не медицинские аспекты, в качестве ориентира для определения нижней границы пожилого возраста следует избрать тот, который знаменует существенное изменение статуса и социальной роли индивида. В качестве такой возрастной границы удобно использовать возраст перехода человека в категорию нетрудоспособных – тем более, что он же широко используется для целей статистического учета. При этом надо отметить, что в России возраст «нетрудоспособности» для мужчин и женщин дифференцирован, что и отражено на рис. 1. Как известно, в 2018 г. в российское пенсионное законодательство были внесены изменения, предполагающие поэтапное повышение возраста нетрудоспособности. Но поскольку нами анализируются данные на более долгом временном горизонте, в целях их сопоставимости мы условно принимаем за нижнюю границу пожилого возраста тот, который был установлен для мужчин и женщин до вышеуказанных законодательных изменений. Несмотря на то что все территории АЗРФ отнесены к районам Крайнего Севера или приравнены к ним и возраст нетрудоспособности там наступает раньше, для сохранения возможности сравнительного анализа региональных и среднероссийских данных это юридическое различие не будет нами учитываться.

Очевидно, что законодательная фиксация возраста нетрудоспособности не означает, что после его достижения пожилые граждане автоматически теряют свои рабочие места либо же раз и навсегда утрачивают возможность выступать агентами на рынке труда. Старение населения и кадровый «голод» в российской экономике создают предпосылки для масштабной занятости пожилых граждан. Как отмечают С. А. Барков с соавторами (МГУ), на это же работают институциональные условия, связанные с политикой государства, и установки самих пожилых россиян, обусловленные желанием поддерживать более высокий уровень материального благополучия и стремлением к активной социальной жизни [7, с. 98–99]. Т. В. Смирновой ранее было показано, что работающие пожилые люди демонстрируют более высокие уровни субъективного благополучия и ориентации на инклюзивность в сравнении со своими неработающими сверстниками [8, с. 130–131]. На связь между трудовой занятостью и маркерами качества жизни указывают и результаты, полученные Д. М. Рогозиным [9, с. 35–37].

Таким образом, трудовая деятельность пожилых людей вносит не только значимый вклад в положительную динамику национальной экономики, но и способствует купированию характерных для лиц пожилого возраста социальных и психологических проблем.

Вовлеченность пожилых в экономическую деятельность проявляется не только в их трудовой занятости, но и в предпринимательской активности. В зарубежных исследованиях было показано, что пожилые оказались способнее к созданию и ведению бизнеса, чем их

более молодые конкуренты [10]. Объяснение этого – в большем объеме накопленного ими в течение жизни финансового, человеческого и социального капитала [11]. Следовательно, в контексте проблематики настоящей статьи интерес представляет и то, в какой степени в российских условиях реализуется предпринимательский потенциал пожилых граждан.

Активное вовлечение пожилых в экономику особо значимо для арктических регионов, где демографические тренды задают вектор на более быстрое старение населения. Дефицит трудовых ресурсов, с которым сталкиваются местные предприятия и организации, особенно в тех сферах, где зарплаты ниже средних (жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, социальные услуги, образование, торговля), поддерживают определенные масштабы трудовой занятости (полной или частичной) пожилых северян [12, с. 103].

Другой социально значимой функцией пожилых является помощь родственникам социально-бытового характера (инструментальная помощь). А. А. Миронова, научный сотрудник Центра комплексных исследований социальной политики (НИУ ВШЭ), в своей недавней работе показывает, что около трети пожилых респондентов (в возрасте от 60 лет) заняты присмотром за внуками [13, с. 64], предоставляя таким образом своим детям дополнительные временные ресурсы для заработка, карьеры и досуга/рекреации. Кроме того, обобщение опыта зарубежных исследований указывает на важность такой помощи для интеграции пожилого человека в семью, укрепления родственных отношений и обеспечения его субъективного благополучия [13, с. 56].

Аналогично О. А. Парфенова (ФНИСЦ РАН) демонстрирует роль вовлечения в разные формы гражданской активности в обеспечении инклюзивности пожилых и их самореализации [14, с. 131–133]. Этот тезис следует дополнить тем соображением, что мобилизация гражданского участия пожилых, помимо содействия их реинтеграции в социальные отношения с согражданами, может стать важным фактором общественно-политической жизни. Освобожденные от полной трудовой занятости пенсионеры имеют ресурс для систематического участия в волонтерской, креативной, просветительской и иной деятельности в рамках существующих институтов гражданского общества.

Таким образом, имеющаяся научная литература по теме статьи подводит нас к выделению трех доменов, в которых реализуются социально значимые функции пожилых: сфера трудовой занятости, включая самозанятость и предпринимательство; социально-бытовая сфера, включая помощь в уходе и воспитании несовершеннолетних; публичная сфера, связанная с общественным активизмом и самоорганизацией пожилых граждан.

Источниками эмпирических данных для оценки уровня реализации этих функций послужили находящиеся в открытом доступе материалы государственной статистики и выборочных опросов, проводимых в рамках мониторинга «Комплексное наблюдение условий жизни населения: 2014–2022 годы». Основные показатели, к которым мы обращались, представлены в таблице.

Дополнительным источником данных (качественных) стали материалы глубинных интервью, собранные авторами статьи в июне-сентябре 2021 г. Интервью проводились в четырех арктических регионах². В общей сложности в исследовании принял участие 41 информант 1947–1967 годов рождения.

² Арктические муниципалитеты Архангельской обл., Мурманской обл., Ненецкого и Ямало-Ненецкого АО.

Показатели реализации социально значимых функций пожилых
The social functions of older people implementation indicators

Функция	Показатель
Экономическая	Доля занятых среди лиц старше трудоспособного возраста
	Продолжительность трудового стажа после назначения пенсии по возрасту
	Структура занятости лиц старше трудоспособного возраста
Социально-бытовая помощь	Доля пожилых, осуществляющих ежедневно уход за детьми
	Доля пожилых, осуществляющих ежедневно уход за нуждающимися в особой помощи из-за престарелого возраста, болезни, нетрудоспособности
Общественно-политическая	Участие лиц старше трудоспособного возраста в деятельности каких-либо объединений (по видам объединений)

Результаты и обсуждение. В настоящее время заметная доля россиян продолжает трудовую деятельность даже после официального выхода на пенсию. В период с 2011 по 2022 г. она составляла в среднем около 20 % (рис. 2). Несмотря на то, что в последние годы процент работающих граждан старше трудоспособного возраста снижается, среднее число лет, на протяжении которых длится трудовая деятельность (после назначения пенсии), увеличивается. Иными словами, если пожилые россияне по выходу на пенсию все-таки решают сохранить свою трудовую занятость, то год от года ее продолжительность становится все больше.

Рис. 2. Занятость граждан пожилого возраста в России [15]
Fig. 2. Employment of older people in Russia

С одной стороны, сокращение доли занятых среди пенсионеров вряд ли можно связать с тем, что трудовые пенсии в России стали достаточными, чтобы, частично заместив трудовой доход, обеспечивать пожилым гражданам приемлемый уровень жизни. Более того, данные Росстата свидетельствуют о снижении показателя, отражающего замещающий эффект пенсионных выплат по старости: в период с 2015 по 2023 г. отношение средней трудовой пенсии к средней номинальной заработной плате, выраженное в процентах, снизилось с 34 до 29,4 %³. Следовательно, уменьшение доли работающих пенсионеров (при росте их доли в составе населения) отчасти носит вынужденный характер и связано с сокращением в российской экономике рабочих мест, доступных для лиц нетрудоспособного возраста. Косвенно на это указывает и вторая из описанных тенденций: пенсионеры, которые смогли

³ Рассчитано на основе данных Росстата [16, 17].

трудоустроиться, держатся за свои рабочие места, так как это важный для них источник дополнительного дохода. Иными словами, занятость в экономике для многих пенсионеров – суровая необходимость, поскольку пенсионные выплаты не покрывают потребностей пожилых в объеме, соответствующем стандартам качества жизни в нашей стране.

Кроме дефицита рабочих мест на рынке труда, с которым сталкиваются пожилые россияне, «качество» доступных для них рабочих мест также снижено. Об этом свидетельствует структура занятости работников старше 55 лет: среди них преобладают неквалифицированные рабочие. Также среди пожилых значима доля занятых в обслуживании и розничной торговле, а в последние годы – в сельском и лесном хозяйстве, сферах, которые предполагают сниженные требования к квалификации и сравнительно низкие зарплаты (рис. 3).

Рис. 3. Структура занятости граждан РФ старше 55 лет по группам занятий [18]
Fig. 3. Employment structure of Russian citizens over 55 years old by occupation groups

Вместе с тем на диаграмме видно, что от 14 % работающих пожилых в 2011 г. до немногим более 10 % в 2021 г. замещали руководящие должности в организациях, в том числе будучи учредителями или руководителями бизнеса. Как отмечалось выше, пожилые граждане, сохраняющие здоровье и продуктивность, могут рассматриваться как потенциальные предприниматели, руководители малых и средних предприятий. Однако в России предпринимательский потенциал пожилых граждан остается не в полной мере реализованным. Так, в работе казанских исследователей 2018 г. показано, что в целом наиболее активно в предпринимательскую деятельность вовлечены три возрастные группы: 25–34 года, 35–44 года и 45–54 года. Молодые люди в возрасте 18–24 лет, а также представители возрастной группы 55–64 года менее остальных вовлечены в предпринимательство. При этом на последнюю возрастную когорту приходится 1/5 от общего числа устоявшихся предпринимателей [19, с. 35–36].

Помимо экономических пожилые россияне выполняют и другие социально значимые функции. В частности, они играют значимую роль в уходе и воспитании несовершеннолетних, прежде всего своих внуков. В последние годы удельный вес таких граждан среди пожилых растет (рис. 4). Доля женщин среди них предсказуемо выше. Учитывая, что эта важная функция по социализации и бытовому обеспечению несовершеннолетних осуществля-

ется на безвозмездной основе, она имеет не только выраженный социальный, но также и латентный экономический эффект, выражающийся в экономии домохозяйствами денежных средств, которые в противном случае пошли бы на оплату профессиональных услуг по уходу за детьми.

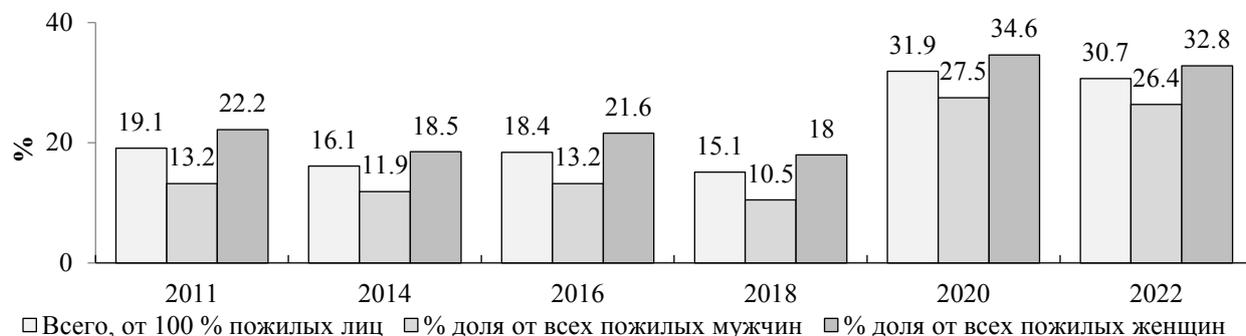

Рис. 4. Участие граждан России старше 55 лет в уходе за детьми [20]
Fig. 4. Participation of Russian citizens over 55 years old in childcare

Заметно меньшая доля пожилых граждан регулярно ухаживает за престарелыми, лицами с ограниченными возможностями и другими нуждающимися в посторонней помощи людьми. Однако и в этой сфере мы можем наблюдать тенденцию к некоторому росту их вклада (рис. 5).

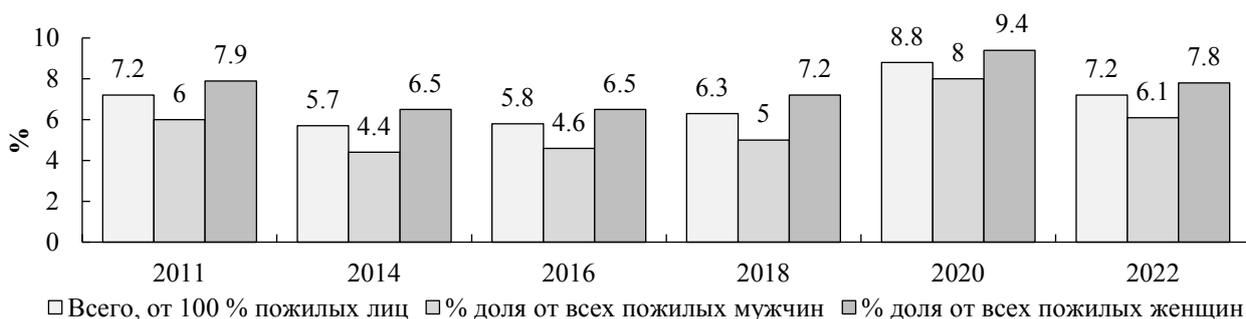

Рис. 5. Участие граждан России старше 55 лет в уходе за лицами, нуждающимися в особой помощи (из-за престарелого возраста, болезни, нетрудоспособности) [21]
Fig. 5. Participation of Russian citizens over 55 years old in caring for persons in need of special assistance (due to old age, illness, disability)

Обращает на себя внимание и гражданская активность пожилых лиц, проявляющаяся преимущественно в членстве в профсоюзах (очевидно, работающие пенсионеры), а также в участии в деятельности политических партий, общественных объединений (женских, ветеранских и т. п.), религиозных общин, общественных советов при органах власти и клубов по интересам (рис. 6). На протяжении последних пяти лет структура активистов пожилого возраста по основным формам общественной деятельности остается в целом стабильной.

Далее обратимся к данным, характеризующим по тем же параметрам социально значимые функции пожилых граждан, проживающих на территориях АЗРФ. Если сравнить общероссийский тренд с динамикой численности пожилых в АЗРФ (рис. 7), то следует отметить, что, во-первых, на протяжении последних десяти лет доля лиц старше 55 лет, проживающих на арктических территориях, была хоть и ненамного, но стабильно ниже, чем в России в целом; во-вторых, в период пандемии Covid-19 и последующие годы снижение доли пожилых в составе

Рис. 6. Формы общественного участия пожилых граждан РФ [22]
Fig. 6. Public participation forms of older Russian citizens

населения АЗРФ происходило быстрее по сравнению с общероссийским показателем. Меньшая доля пожилых в российской Арктике объясняется демографической структурой добывающих регионов, где в связи с широким распространением вахтового метода комплектования рабочей силы численность трудоспособных в составе населения больше, чем в среднем по России. В регионах, где в местной экономике не доминируют добывающие отрасли, заметная часть жителей, достигнув пенсионного возраста (или выйдя на пенсию по выслуге лет – в случае военных пенсионеров, которых особенно много в Мурманской области), мигрирует в регионы с более благоприятным климатом и меньшей стоимостью жизни⁴.

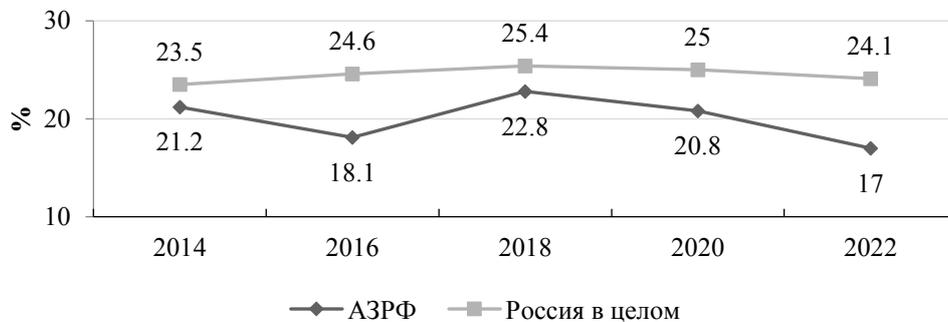

Рис. 7. Динамика численности пожилых граждан, проживающих на территориях Арктической зоны РФ [23]
Fig. 7. The older people number's change in the Russian Arctic territories

Данные по трудовой деятельности пожилых граждан в АЗРФ представлены на рис. 8. Среди лиц пожилого возраста, проживавших в АЗРФ в 2014–2016 гг., число работающих было значительно выше, чем в среднем по РФ. В 2018 г. произошло сокращение работающих пенсионеров (примерно на 10%), но все равно осталось выше, чем в целом по АЗРФ. В дальнейшем этот показатель стабилизировался. Средняя продолжительность трудовой деятельности после выхода на пенсию также заметно выше среднероссийского показателя.

⁴ Средние пенсии жителей АЗРФ выше среднероссийских, поэтому обеспечивают относительно более высокие потребительские возможности в субъектах РФ со сравнительно меньшим индексом потребительских цен. Социально значимые функции пожилых жителей Российской Арктики

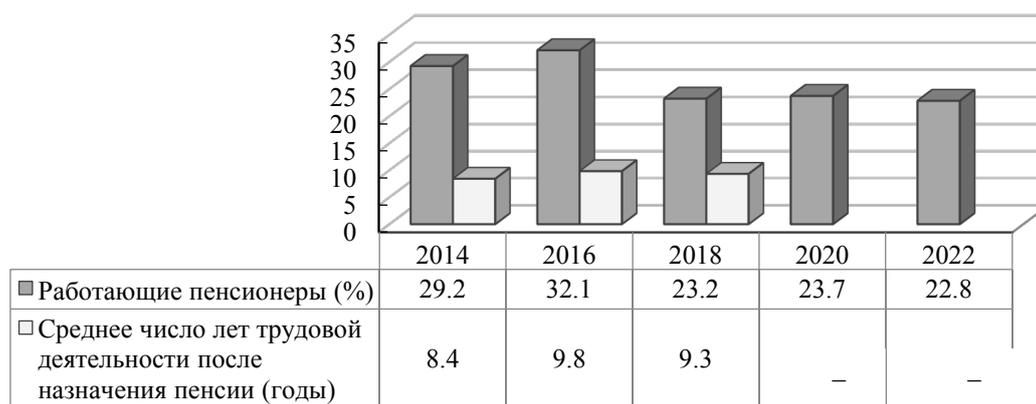

Рис. 8. Занятость граждан пожилого возраста, проживающих в АЗРФ
Fig. 8. Older citizens' employment in the Russian Arctic zone

Как могут складываться карьерные траектории работающих пенсионеров иллюстрируют материалы проведенных нами интервью. Так, один из наших информантов, имевший в советские времена опыт работы в МВД, затем юрисконсульт на предприятии, ушедший в бизнес в 1990-е, переживший банкротство и вышедший на пенсию по выслуге лет, отмечает, что его прервавшаяся раньше времени юридическая карьера стала обстоятельством, из-за которого он в настоящее время может позволить себе лишь сравнительно малооплачиваемую и не требующую высокой квалификации вакансию. *«Я пошел и курсы охранника закончил. Устроился... Бывает, работаю на двух работах, потому что там график такой посуточный. Бывает на одной, но чаще на двух. Ну, платят мало, конечно, но пока можно, как сказать, жить»* (мужчина, 59 лет, Мурманская обл.).

Другой, также юрист по образованию, сделал успешную карьеру в судебной системе и все еще остается профессионально активен: *«Еще в 26 лет я был назначен судьей Ломоносовского районного суда города Архангельска, где и стал работать. Работал там с марта 1992 г. десять лет до назначения судьей Архангельского областного суда. В 2002 г. я перешел в вышестоящий суд и работал там до 2007 г., после чего прекратил деятельность в суде и в августе 2007 г. снова стал работать адвокатом – и работаю по настоящее время»* (мужчина, 56 лет, Архангельская обл.).

Сохранению профессиональной активности пенсионеров может способствовать то, что они выбирают вместо работы по найму самозанятость или частный бизнес. Так, одна информантка, работавшая прежде по специальности мастером художественного оформления изделий, а затем дизайнером, после утраты работы по сокращению штатов решила двигаться по направлению к организации своего «дела»: *«После этого [сокращения] я поработала сама на себя, родила ребенка первого и после этого пошла работать мастером маникюра. И как-то успешно, потому что ездила на всякие выставки, конкурсы, занимала призовые места. Потом открыла собственное предприятие. Ну и по сей день там работаю. Вот такой у меня жизненный путь профессиональный»* (женщина, 56 лет, Архангельская обл.).

Многие из наших информантов указывали, что продолжают работать после выхода на пенсию скорее в силу привычки – в связи с тем, что большую часть трудовой биографии проработали в одной и той же сфере или даже на одном и том же предприятии. Внушительный профессиональный опыт, здоровые отношения с руководством и зарплата как неплохой дополнительный доход к пенсии благоприятствуют сохранению их занятости. *«Я училась в*

торговом училище. Мне всю жизнь хотелось быть продавцом почему-то, и вот мне уже пятьдесят девять лет, и я еще работаю продавцом... вот, более двадцати лет работаю на одном месте» (женщина, 59 лет, Ямало-Ненецкий АО). «В 1996 г., в августе я приехал на Север... И уже с зимы начал работать в бассейне в Муравленко, там спорткомплекс “Ямал” такой есть. Там работал старшим тренером по плаванию. Проработал там до, получается, сентября 2012 г. и в начале сентября переехал в Ноябрьск. Там открыли новый спортивный комплекс “Зенит” – меня тренером туда пригласили. И, вот, с 2012 г. я в Ноябрьске работаю» (мужчина, 56 лет, Ямало-Ненецкий АО).

В 2014 г. доля пожилых жителей АЗРФ, участвующих в уходе за детьми (рис. 9), была выше, чем в РФ в целом (24,1 % против 16,1 %). В настоящее время ситуация противоположная: пожилые жители АЗРФ почти в два раза меньше участвуют в уходе за детьми, чем в среднем по России. При этом доля пожилых, участвующих в уходе за лицами, нуждающимися в особой помощи (из-за престарелого возраста, болезни, нетрудоспособности), остается на уровне общероссийских показателей (рис. 10). В обоих случаях участие лиц женского пола выше, чем мужского.

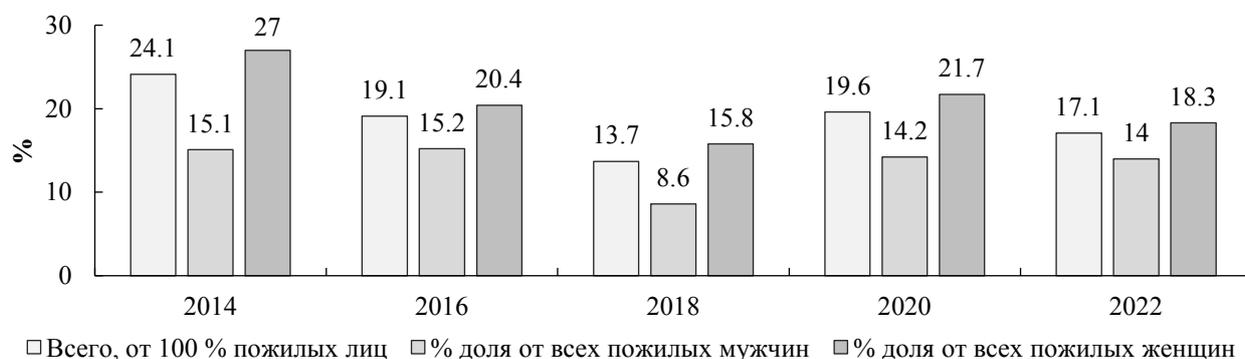

Рис. 9. Участие жителей АЗРФ старше 55 лет в уходе за детьми
Fig. 9. Participation of Russian Arctic zone residents over 55 years old in childcare

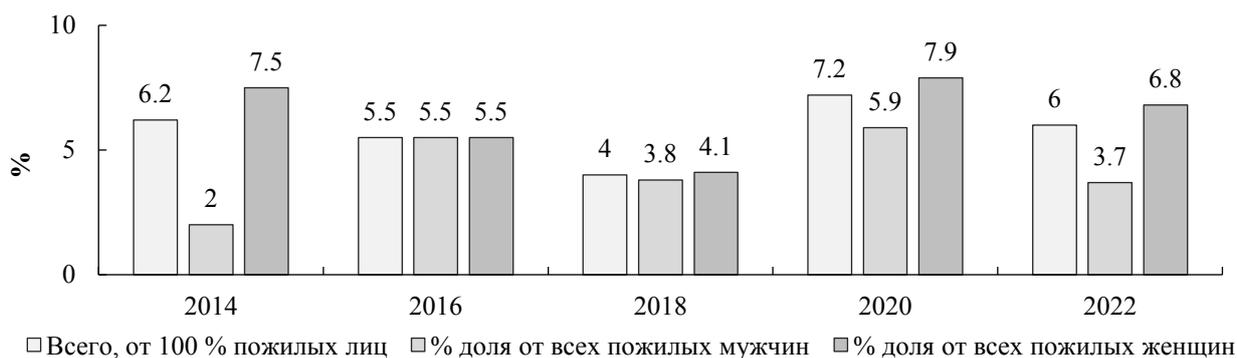

Рис. 10. Участие жителей АЗРФ старше 55 лет в уходе за лицами, нуждающимися в особой помощи (из-за престарелого возраста, болезни, нетрудоспособности)
Fig. 10. Participation of Russian Arctic zone residents over 55 years old in caring for persons in need of special assistance (due to old age, illness, disability)

Общественная активность пожилых граждан АЗРФ представлена на рис. 11. Отметим, что в целом доля пожилых, которые участвуют в деятельности каких-либо общественных объединений, крайне мала и колебалась в 2018–2020 гг. вокруг значения в 6 %, а в 2022 г. снизилась до 4,8 % [23].

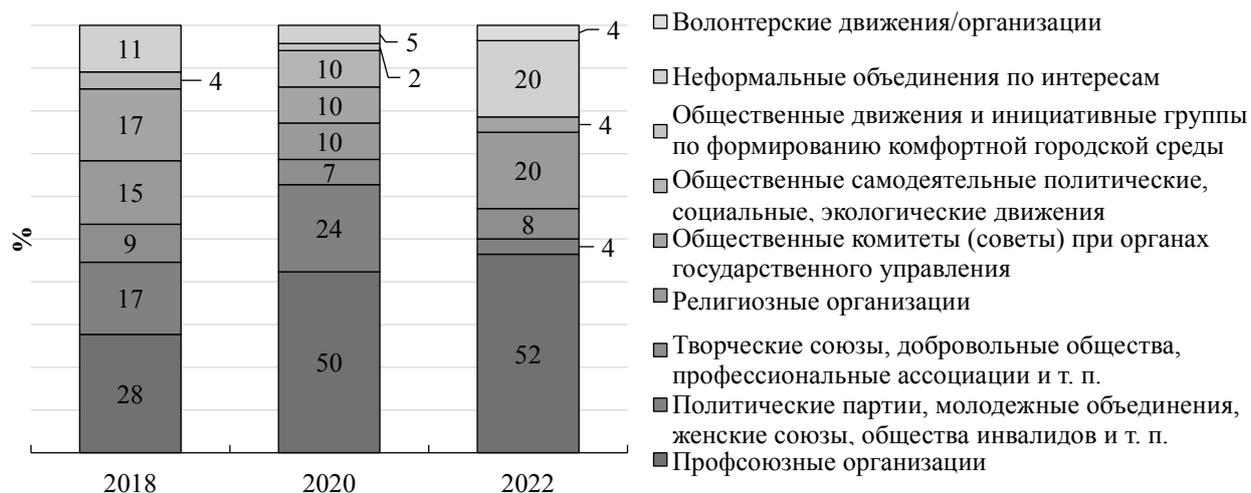

Рис. 11. Общественное участие пожилых граждан, проживающих в АЗРФ
Fig. 11. Public participation forms older Russian citizens in the Russian Arctic zone

Виды объединений, в которые вовлечено большинство общественно активных пожилых жителей арктических территорий, по своему составу совпадают с теми, которые мы наблюдаем на общероссийском уровне: 1) профсоюзы – начиная с 2020 г., участие в их деятельности пенсионеров существенно возросло и превысило среднероссийский уровень, что, очевидно, связано с более высокой занятостью пожилых в АЗРФ; 2) религиозные организации; 3) неформальные объединения по интересам. По отдельным видам объединений наблюдается неустойчивая динамика (например, те же клубы по интересам), что можно объяснить снижением активного участия граждан в слабоформализованных объединениях в период пандемии, которая сопровождалась самоизоляцией.

В то же время прослеживается явная тенденция к деполитизации общественной активности пожилых в АЗРФ: после всплеска 2020 г. к 2022-му произошел резкий спад членства в политических партиях, низовых общественно-политических движениях, общественных советах при органах власти и местного самоуправления. В последнем случае тренд прямо противоположен общероссийскому.

Об общей деполитизации пожилых граждан на арктических территориях России свидетельствуют и материалы наших интервью. Они показывают, что у пожилых интерес к общественно-политической сфере если и проявляется, то в формате пассивного потребления новостного контента (общий лейтмотив у половины информантов, которые заявили о наличии интереса к политической жизни в стране). Активные формы участия, будь то членство в партии или хотя бы голосование на выборах, встречается в единичных интервью.

«Ну, откровенно, скажем так: политические новости я смотрю, но в [политической] жизни не участвую... Не поддерживаю никакую партию. В коммунизме разочаровалась, а сейчас, короче, пока Путину еще верю. Хотя это не политика» (женщина, 63 года, Мурманская обл.).

«Прослушиваю “Вести”, в курсе всех событий, что где примерно происходит. А так, чтобы как-то что-то поменять – нет... В единственной партии был, когда коммунистическая партия была – в той партии был и больше никуда» (мужчина, 61 год, Архангельская обл.).

«Слушаю новости только... я был сторонником Владимира Владимировича вот из-за этой стабильной обстановки, чтобы никаких рывков... Не состою [в партии], но я обычно все равно голосую за “Единую Россию” всегда» (мужчина, 56 лет, Ямало-Ненецкий АО).

«Хотите честно? Я не хожу на выборы... Иногда новости просматриваю. Ну, а так, чтобы [интересоваться политикой] – нет» (женщина, 59 лет, Ямало-Ненецкий АО).

Заключение. Итак, как было показано в статье, пожилые россияне принимают заметное участие в экономической жизни страны – не только как специфическая категория потребителей, создающая внутренний спрос, но и как существенная часть трудовых ресурсов (несмотря на их формально-юридическую «нетрудоспособность»), а также важный сегмент предпринимательской страны.

Пожилые в России оказывают значительную помощь своим взрослым детям в уходе за своими внуками, попутно осуществляя социализирующую функцию. В начале 2020-х гг. доля тех, кто оказывает такую помощь в ежедневном режиме, выросла вдвое по сравнению с концом предыдущего десятилетия. При этом социально-бытовая помощь со стороны пожилых лицам с инвалидностью, другим пожилым гражданам оказывается в гораздо меньших масштабах. В обоих случаях мы наблюдаем устойчивый гендерный дисбаланс: доля пожилых женщин среди доноров социально-бытовой помощи стабильно выше доли мужчин.

Наконец, располагая определенным ресурсом свободного времени, небольшая доля пожилых россиян интегрируется в структуры гражданского общества. И если на завершающем этапе своей трудовой биографии большинство из них вовлечено в работу профсоюзов, то по окончательному выходу на пенсию пожилые принимают активное участие в деятельности ветеранских и женских организаций, работе общественных советов при органах власти, развитии неформальных объединений по интересам и жизни религиозных общин.

Арктический макрорегион, в целом следуя за общероссийскими трендами, в случае отдельных социальных функций пожилых граждан демонстрирует свою специфику. Прежде всего, пожилые жители регионов арктической периферии продолжают трудовую деятельность после выхода на пенсию заметно чаще, чем по стране в целом. Это связано и с потребностью пенсионеров в дополнительном источнике дохода из-за значительно более высокой стоимости жизни на территориях АЗРФ, и с наличием рабочих мест для пожилых в условиях устойчивого миграционного оттока трудоспособного населения.

Отличительной особенностью арктических территорий в том, что касается участия пожилых лиц в уходе за детьми, является противоположный общероссийскому тренд на снижение их доли. Объяснение причин этого, очевидно, кроется в специфике демографических процессов в российской Арктике, но прояснение деталей требует отдельного самостоятельного исследования. Доля пожилых, участвующих в уходе за лицами, нуждающимися в особой помощи (из-за престарелого возраста, болезни, нетрудоспособности), близка к средним значениям по России и демонстрирует схожую динамику. Гендерные различия в сферах ухода за детьми и социально-бытовой помощи особым категориям населения, фиксируемые для арктических территорий, в целом соответствуют общероссийской картине.

Спецификой общественной активности пожилых граждан, проживающих на арктических территориях России, является ее явная деполитизация в последние годы – гораздо более выраженная, чем в среднем по стране. Одновременно с этим в АЗРФ среди активных пожилых граждан заметно выше доля членов профсоюзов, что обусловлено большей долей продолжающих трудовую деятельность пенсионеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деменция // ВОЗ. 15.03.2023. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/dementia> (дата обращения: 09.09.2024).
2. Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни // Федеральная служба государственной статистики. Старшее поколение. Демографические показатели. 10.07.2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 09.09.2024).
3. Психическое здоровье и пожилые люди // ВОЗ. 20.10.2023. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-of-older-adults> (дата обращения: 09.09.2024).
4. Кузнецов А., Сергеева О. «Новые» технологии и «старые» люди: исследование опыта пользования компьютером у представителей третьего возраста // Социол. власти. 2014. № 3. С. 99–125.
5. Максимова О. Старость или «третий возраст»? Дискурсы субъективного восприятия индивидами собственных возрастных изменений // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 12 (2). С. 22–44. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44.
6. Чеметева Ю. В., Давыдова М. Л. Эфемизация юридических терминов в отношении «третьего возраста»: необходимость и пределы // *Logos et Praxis*. 2018. Т. 17, № 2. С. 83–92. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2018.2.8.
7. Барков С. А., Маркеева А. В., Колодезникова И. В. Трудоустройство людей в пожилом возрасте: социальные императивы и ограничения в современной России // *Вестн. РУДН. Сер. Социология*. 2022. Т. 22, № 1. С. 97–112. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-97-112.
8. Смирнова Т. В. Работа в пенсионном возрасте: мотивы, факторы влияния, результаты // *Вестн. СГСЭУ*. 2015. № 2 (56). С. 128–131.
9. Рогозин Д. М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // *Старикам тут место: социальное осмысление старения: сб. науч. статей*. М.: Ин-т социол. РАН, 2016. С. 8–41.
10. Singh G. and DeNoble A. Early retirees as the next generation of entrepreneurs // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2003. Vol. 27, no. 3. P. 207–226. DOI: DOI:10.1111/1540-8520.t01-1-00001.
11. Weber P., Schaper M. Understanding the grey entrepreneur // *J. of Enterprising Culture*. 2004. Vol. 12, no. 2. P. 147–164. DOI: <https://doi.org/10.1142/S0218495804000087>.
12. Лец О. В. Трансформация механизмов стимулирования занятости в малом и среднем бизнесе северных и арктических территорий России // *Арктические исследования: от экстенсивного освоения к комплексному развитию: материалы III Междунар. молодежной науч.-практ. конф., Архангельск, 26–28 апр. 2022 г.* Архангельск: САФУ им. М. В. Ломоносова, 2022. С. 102–106.
13. Миронова А. А. Родственная помощь как фактор субъективного благополучия пожилых людей // *Социологический журнал*. 2024. Т. 30, № 2. С. 53–81. DOI 10.19181/socjour.2024.30.2.3.
14. Парфенова О. А. Вовлечение пожилых в волонтерскую и гражданскую активность как инструмент преодоления социального исключения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 4 (158). С. 119–135. DOI 10.14515/monitoring.2020.4.1580.
15. Продолжительность трудового стажа после назначения пенсии по возрасту назначения и виду назначенной пенсии в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Население. Старшее поколение: занятость и безработица. 18.05.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 09.09.2024).

16. Численность пенсионеров и средний размер назначенных пенсий по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Население. Старшее поколение: пенсионное обеспечение граждан пожилого возраста. 26.04.2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 09.09.2024).

17. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике Российской Федерации в 1991–2023 гг. // Федеральная служба государственной статистики. Рынок труда, занятость и заработная плата. 18.09.2024. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 09.09.2024).

18. Структура численности работников // Федеральная служба государственной статистики. Население. Старшее поколение: средняя начисленная заработная плата и численность работников по группам занятий, возрастным группам и полу. 24.04.2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 09.09.2024).

19. Иванова М. А., Зарипова Н. И., Свадебя Я. С. Влияние людей старше 50 лет на экономические и социальные ценности в России. Исследование института системной медицины и архитектуры здоровья МКДЦ // Архитектура здоровья. 2020. № 2. С. 29–39.

20. Доля лиц в возрасте 55 лет и более, осуществляющих ежедневно уход за детьми (своими или чужими) // Федеральная служба государственной статистики. Население. Старшее поколение: социальная активность граждан пожилого возраста. 18.05.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 09.09.2024).

21. Доля лиц в возрасте 55 лет и более, осуществляющих ежедневно уход за другими лицами, нуждающимися в особой помощи из-за престарелого возраста, болезни или нетрудоспособности // Федеральная служба государственной статистики. Население. Старшее поколение: социальная активность граждан пожилого возраста. 18.05.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 09.09.2024).

22. Участие лиц старше трудоспособного возраста в деятельности каких-либо организаций (движений) в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Население. Старшее поколение: социальная активность граждан пожилого возраста. 18.05.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 09.09.2024).

23. Комплексное наблюдение условий жизни населения: 2014–2022 гг. // Федеральная служба государственной статистики. Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 09.09.2024).

Информация об авторах.

Максимов Антон Михайлович – кандидат политических наук (2011), доцент (2013), старший научный сотрудник лаборатории проблем развития территорий Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лавёрова Уральского отделения РАН, пр. Никольский, д. 20, Архангельск, 163020, Россия. Автор 70 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальные и политические процессы в Арктике, социальное благополучие и качество жизни, ценностные ориентации населения, социальный капитал, методы социологических исследований.

Блынская Татьяна Анатольевна – кандидат сельскохозяйственных наук (2009), магистр социологии (2017), старший научный сотрудник лаборатории проблем развития территорий Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук, пр. Никольский, д. 20, Архангельск, 163020, Россия. Автор 84 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальные процессы в Арктике, человеческий капитал, теория поколений, социология образования.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 18.09.2024; принята после рецензирования 29.10.2024; опубликована онлайн 23.12.2024.

REFERENCES

1. "Dementia" (2023), *WHO*, 15.03.2023, available at: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/dementia> (accessed 09.09.2024).
2. "Life expectancy" (2024), *Federal State Statistics Service. Older generation. Demographic indicators*, 10.07.2024, available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (accessed 09.09.2024).
3. "Mental health of older adults" (2023), *WHO*, 20.10.2023, available at: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-of-older-adults> (accessed 09.09.2024).
4. Kuznetsov, A. and Sergeeva, O. (2014), "New Technologies and Old People: Inquiry of Computer Use by Third Age Representatives", *Sociology of Power*, no. 3, pp. 99–125.
5. Maximova, O. (2020), "Old Age or "Third Age"? Discourses of Individuals' Subjective Perceptions of Their Own Age-Related Changes", *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, no. 12 (2), pp. 22–44. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44.
6. Chemeteva, Yu.V. and Davydova, M.L. (2018), "Euphemization of Legal Terms in Respect of the "Third Age": the Need and Limits", *Logos et Praxis*, vol. 17, no. 2, pp. 83–92. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2018.2.8.
7. Barkov, S.A., Markeeva, A.V. and Kolodeznikova, I.V. (2022), "Employment of the Elderly: Social Imperatives and Barriers in Contemporary Russia", *RUDN J. of Sociology*, vol. 22, no. 1, pp. 97–112. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-97-112.
8. Smirnova, T.V. (2015), "Employment after Retirement Age: Incentives, Impact Factors, Results", *Vestnik of Saratov State Socio-Economic Univ.*, no. 2 (56), pp. 128–131.
9. Rogozin, D.M. (2016), "Liberalization of ageing, or labor, knowledge and health in old age", *Starikam tut mesto: sotsial'noe osmyslenie stareniya* [There is Country for Old Men: Social Understanding of Aging], Moscow, Institute of Sociology of the RAS, pp. 8–41.
10. Singh, G. and DeNoble, A. (2003), "Early retirees as the next generation of entrepreneurs", *Entrepreneurship Theory and Practice*, vol. 27, no. 3, pp. 207–226. DOI: DOI:10.1111/1540-8520.t01-1-00001.
11. Weber, P. and Schaper, M. (2004), "Understanding the grey entrepreneur", *J. of Enterprising Culture*, vol. 12, no. 2, pp. 147–164. DOI: <https://doi.org/10.1142/S0218495804000087>.
12. Lets, O.V. (2022), "Transformation of Employment Promotion Mechanisms in Small and Medium-Sized Businesses in the Northern and Arctic Territories of Russia", *Arkticheskie issledovaniya: ot ehkstensivnogo osvoeniya k kompleksnomu razvitiyu* [Arctic research: from extensive exploration to integrated development], Arkhangelsk, RUS, 26–28 Apr. 2022, pp. 102–106.
13. Mironova A.A. (2024), "Family Assistance as a Factor in the Subjective Well-Being of the Elderly", *Sociological J.*, vol. 30, no. 2, pp. 53–81. DOI 10.19181/socjour.2024.30.2.3.
14. Parfenova, O.A. (2020), "Engaging Older People in Volunteering and Civic Activities as a Tool to Overcome Social Exclusion", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 4 (158), pp. 119–135. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1580.
15. "The length of work experience after the appointment of the pension according to the age of appointment and the type of pension in the Russian Federation" (2023), *Federal State Statistics Service. Population. The older generation: employment and unemployment*, 18.05.2023, available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (accessed 09.09.2024).
16. "The number of pensioners and the average amount of assigned pensions by type of pension provision and categories of pensioners in the Russian Federation" (2024), *Federal State Statistics Service. Population. The older generation: pension provision for elderly citizens*, 26.04.2024, available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (accessed 09.09.2024).
17. "The average monthly nominal accrued wages of employees in the economy of the Russian Federation as a whole in 1991–2023" (2024), *Federal State Statistics Service. The labor market, employment and wages*, 18.09.2024, available at: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (accessed 09.09.2024).

18. "The structure of the number of employees" (2024), *Federal State Statistics Service Population. Older generation: Average initial salary and number of employees by occupation groups, early groups and field*, 24.04.2024, available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (accessed 09.09.2024).

19. Ivanova, M.A., Zaripova, N.I. and Svadeba, Ya.S. (2020), "Influence of people older 50 on economic and social values in Russia. Research of the Institute of systems medicine and architecture of health of ICDC", *Arkhitektura zdorov'ya* [Architecture of Health], no. 2, pp. 29–39.

20. "The proportion of persons aged 55 years and over who take daily care of children (their own or others)" (2023), *Federal State Statistics Service. Population. The older generation: social activity of elderly citizens*, 18.05.2023, available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (accessed 09.09.2024).

21. "The proportion of people aged 55 and over who take daily care of other people in need of special assistance due to old age, illness or disability" (2023), *Federal State Statistics Service. Population. The older generation: social activity of elderly citizens*, 18.05.2023, available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (accessed 09.09.2024).

22. "Participation of persons over the working age in the activities of any organizations (movements) in the Russian Federation" (2023), *Federal State Statistics Service. Population. The older generation: social activity of elderly citizens*, 18.05.2023, available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (accessed 09.09.2024).

23. "Comprehensive monitoring of living conditions of the population: 2014–2022", *Federal State Statistics Service. Federal statistical observations on socio-demographic problems*, available at: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (accessed 09.09.2024).

Information about the authors.

Anton M. Maksimov – Can. Sci. (Political, 2011), Docent (2013), Senior Researcher, Laboratory of Territorial Development Problems, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 20 Nikolsky ave., Arkhangelsk 163020, Russia. The author of 70 scientific publications. Area of expertise: social and political processes in the Arctic, social well-being and quality of life, social values, social capital, methods of sociology.

Tatiana A. Blynskaya – Can. Sci. (Agricultural, 2009), Master Sci. (Sociological, 2017), Senior Researcher, Laboratory of territorial development problems, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 20 Nikolsky ave., Arkhangelsk 163020, Russia. The author of 84 scientific publications. Area of expertise: social processes in the Arctic, human capital, generations theory, sociology of education.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 18.09.2024; adopted after review 29.10.2024; published online 23.12.2024.*

Оригинальная статья

УДК 316.4; 32.019.5

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-78-93>

Репутация и имидж с точки зрения социологии управления

Марина Вадимовна Шутова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
marbelru@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0095-773X>*

Введение. Цифровой мир меняет привычную нам реальность: объекты социального получают в сети свое воплощение. В новых условиях репутация становится все менее зависимой от субъекта метрической оценкой, как следствие, репутация влияет и на взаимодействие, и на возникающие в процессе взаимодействия нормы. В то же время виртуальный имидж индивида становится не менее значим, чем его реальный образ. В контексте активного интереса исследователей к имиджу и репутации обращает на себя внимание практически синонимичное употребление этих понятий. В связи с этим встает проблема разграничения значений исследуемых абстракций.

Методология и источники. Применяется методология социологического, социально-психологического, лингвистического и междисциплинарного подходов. В качестве источников используется специальная литература, научные исследования и интернет-источники (НКРЯ), позволяющие изучать специфику понятий имиджа и репутации в цифровом обществе с точки зрения социологии управления.

Результаты и обсуждение. Анализ понятия «имидж» показывает, что это неразрывно связанное с визуальным восприятием, целенаправленно создаваемое довольно устойчивое явление, базирующееся на стереотипах массового сознания и адресованное определенной аудитории; искусственно созданное высказывание символического характера. В отличие от имиджа репутация не может быть целенаправленно создана, так как рождается в процессе обмена мнениями как результат публичного дискурса и является оценкой – сравнением ожиданий и результатов конкретного взаимодействия.

Заключение. Изучение понятий имиджа и репутации с социологической точки зрения позволило найти точки соприкосновения результатов исследований специалистов разных наук и выявить социологическую специфику каждого из понятий. Имидж – по сути своей симулякр, порожаемый субъектом, он призван сделать объект имиджа предметом желаний и интереса со стороны публики. Репутация – это вербализованная оценка (мнение), возникающая в результате социального взаимодействия в прагматическом контексте. Репутация в цифровом обществе выступает инструментом модуляции контроля. Имидж может быть «точкой входа», способом привлечь внимание незнакомой с агентом имиджа аудитории. Актуализируясь в культурно-прагматическом контексте взаимодействия, имидж и репутация могут синергетически работать на благо своего агента. Конфликт между знаками, которые несет имидж, ожиданиями, которые он конструирует, и опытом, результирующимся в репутации, негативно влияет на последнюю.

Ключевые слова: имидж, репутация, цифровой мир, социальный капитал

Для цитирования: Шутова М. В. Репутация и имидж с точки зрения социологии управления // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 6. С. 78–93. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-78-93.

© Шутова М. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Reputation and Image from the Perspective of Management Sociology

Marina V. Shutova

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
marbelru@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0095-773X>*

Introduction. The digital world is reshaping established realities by enabling social entities to manifest in the online world. Within this evolving framework, reputation increasingly detaches from the individual being assessed, influencing both the dynamics of social interactions and the norms that develop through these exchanges. Concurrently, an individual's virtual identity has gained prominence, often rivaling the importance of their real-world image. As research interest in concepts of image and reputation grows, the tendency to use these terms interchangeably becomes notable. This convergence highlights the need to clarify and differentiate the meanings of these abstractions under examination.

Methodology and sources. This study employs sociological, socio-psychological, linguistic, and interdisciplinary methodologies, drawing on specialized literature, scientific research, and online resources. These sources facilitate an examination of the concepts of image and reputation within the digital society, analyzed through the lens of management sociology.

Results and discussion. The analysis of the concept of "image" reveals its intrinsic connection to visual perception and its role as a purposefully constructed and relatively stable phenomenon, based on stereotypes of mass consciousness. Image, as an artificially created symbolic construct, is directed at a specific audience, aiming to guide the perception of that audience in a predetermined manner. Its function is to distinctly define and differentiate an object, while simultaneously shaping audience expectations. In contrast, reputation is not entirely within the subject's control and cannot be deliberately crafted. It emerges organically from the exchange of opinions and public discourse, serving primarily as an evaluation based on comparing expectations and the outcomes of interactions with individuals or organizations.

Conclusion. A sociological examination of the concepts of image and reputation has uncovered intersections across multidisciplinary research and highlighted the distinct sociological dimensions of each. An image, in essence, functions as a simulacrum crafted by the subject to position its object as desirable and engaging for the public. In contrast, reputation emerges as a verbalized evaluation shaped through social interaction within a pragmatic context, acting in the digital society as a tool for modulating control. The image functions as an "entry point", drawing attention from audiences unfamiliar with its subject. Within a culturally and pragmatically relevant context, image and reputation can synergize effectively to advance the agent's interests. However, conflicts between symbols that image conveys, the expectations it constructs, and the experiences informing reputation may undermine the latter.

Keywords: image, reputation, digital world, social capital

For citation: Shutova, M.V. (2024), "Reputation and Image from the Perspective of Management Sociology", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 6, pp. 78–93. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-78-93 (Russia).

Введение. Цифровой мир и большие данные меняют привычную нам реальность: объекты социального получают в сети свое метрическое воплощение (через подсчет бесконечных рейтингов, лайков, подписчиков и репостов), их влияние на жизнь конкретных индивидов и институций растет. В условиях развитости слабых сетей онлайн растет и зависимость со-

циального порядка от символических санкций, и поэтому репутация становится одним из важнейших институтов, поддерживающих цифровое информационное общество. Как показывают исследования, возможности влияния одних членов социальной сети на других ее членов существенно зависят от репутации первых [1]. Более того, в условиях цифрового мира репутация становится все менее зависимой от субъекта метрической оценкой. Ярким примером подобного превращения выступают системы электронной торговли: интернет-магазины Ozon, WB или международный аукцион eBay – все они используют механизмы репутации, рассматривая последнюю в виде свойства социальной сети, которое можно отнести к атрибутам одного из акторов взаимодействия. Другими примерами эксплуатации механизмов репутации являются сайты и личные страницы экспертов, сайты обзоров продуктов (Otzovik.ru, Irecommend.ru и др.), дискуссионные тематические онлайн-площадки (Habr.ru VC.ru, Forum.littleone.ru и др.). В условиях начала интернет-торговли или бирж услуг у цифровой репутации было только одно ведущее значение, не зависящее от контекста – метрическое. Однако современная репутация как свойство сети выражается не только в количественной (отношение), но и в качественной (характеристики образа) форме – через отзывы и обсуждения, и, как следствие, репутация влияет как на само взаимодействие, так и на возникающие в процессе взаимодействия нормы. Так, одной из новых норм становится перекрестная (иногда взаимная) оценка: пассажир ставит оценку водителю такси, водитель такси оценивает пассажира; посетитель оставляет оценку и отзыв в картах на организацию, где он получил услугу, другие участники сети оценивают качество и «полезность» этого отзыва. Мы являемся постоянными источниками информации для вычисления чьей-либо репутации и далеко не всегда можем отследить, что происходит с нашей собственной. Исследователи отмечают, что в эпоху Web 3.0 целостный и узнаваемый виртуальный образ индивидуума стал не менее значим, чем реальный. Некоторые исследователи утверждают, что «цифровой имидж составляет основу социального капитала современного человека» [2, 3]. В социологии репутация признана неотъемлемой частью социального капитала, исследования Р. Патнэма, Дж. Коулмана и Ф. Фукуямы и других ученых проявляют взаимосвязь репутации и социального капитала, ее влияние на доверие и установление эффективных для достижения целей социальных организаций взаимоотношений [4–10]. Сложнее обстоит дело с имиджем: при всем многообразии исследований удалось найти только одну теоретическую статью, посвященную взаимосвязи имиджа и социального капитала [11], большинство исследований посвящены взаимовлиянию социального капитала и имиджа [12], во многих отечественных исследованиях репутация и имидж употребляются как взаимозаменяемые.

По данным Гугл Скола, с 2000 по 2024 г. вышло 5310 публикаций, содержащих в заголовке слова «репутация/репутации», и более 13 тыс. публикаций, у которых заголовок отдан имиджу. Большая часть публикаций, посвященных репутации, относится к юридическим наукам, следующие по популярности тематики, где рассматриваются понятия имиджа и репутации относятся к экономическим наукам, маркетингу и рекламе. В фокусе внимания исследователей – репутация и репутационный менеджмент коммерческих организаций, репутация вузов и репутация территорий. В контексте такого активного интереса обращает на себя внимание практически синонимичное употребление учеными и носителями языка понятий «имидж» и «репутация». В связи с этим возникает проблема разграничения значений исследуемых абстракций.

Методология и источники. Применяется методология социологического, социально-психологического, лингвистического и междисциплинарного подходов. В качестве источников используется специальная литература отечественных и зарубежных авторов: Г. Г. Почепцова, О. А. Феофанова, Л. В. Стрельниковой, М. Йенсена, Г. Ориги, Р. Патнэма, Ф. Фукуямы и других, научные исследования, публикации и интернет-источники (НКРЯ), позволяющие изучать специфику понятий «имидж» и «репутация» в цифровом обществе с точки зрения социологии управления.

Результаты и обсуждение. «Большой энциклопедический словарь» определяет имидж как «целенаправленно формируемый образ (какого-либо лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т. п.» [13]. «Словарь основных социологических терминов» трактует имидж как «совокупность представлений, сложившихся в общественном мнении о том, как должен вести себя человек в соответствии со своим статусом, как должны соотноситься между собой права и обязанности в данном статусе» [14]. «Энциклопедия социологии» подчеркивает, что имидж имеет двойную трактовку: «1. Внешний образ, создаваемый субъектом, с целью вызвать определенное впечатление, мнение, отношение у других. 2. Совокупность свойств, приписываемых рекламой, пропагандой, модой, предрассудками, традицией и т. д. объекту с целью вызвать определенные реакции по отношению к нему», а синонимами имиджа выступают «образ, репутация, фигура» [15]. Имидж может быть индивидуальным (присущим конкретному человеку), корпоративным (обладателями имиджа могут выступать как организация, так и неинституционализованный группа или политическое движение, партия), кроме того, имиджем могут обладать неодушевленные объекты (территория, страна, товар или идея), такой имидж называют предметным.

Понятие имиджа пришло к нам из англо-американской культуры и потому логично проследить его трансформацию по мере усвоения понятия культурой российской. В «Словаре современного английского языка» П. Лонгмана понятие «имидж» соотносят с понятием «общественное мнение» (public opinion) и «образ», «представление» (idea in mind). В первом случае имидж трактуют как «мнение, сложившееся у людей о лице, организации, продукте и т. д. или тот способ, которым человека, организацию и др. воспринимает общественность» (The opinion people have of a person, organization, product etc., or the way a person, organization etc. seems to be to the public) [16, p. 875]. В таком понимании имидж тесно связан с понятием репутации (reputation). В другой трактовке имидж – это «картинка, которая возникает в сознании, особенно в том смысле, как кто-то или что-то выглядят» (A picture that you have in your mind, especially about what someone or something is like or the way they look) [16, p. 875]. «Краткий Оксфордский тезаурус» (Concise Oxford Thesaurus) предлагает к категории «имидж» следующий синонимический ряд: «концепция, впечатление, представление, восприятие, понятие, ментальная картинка, видение» и др. (conception, impression, idea, perception, notion, mental picture, vision) [17, p. 414]. Таким образом в англоязычной культуре имидж – это некое впечатление, тесно связанное с особенностями визуального восприятия обладателя имиджа. Это визуальное впечатление, которое возникает у реципиента, часто носит оценочный характер.

Согласно работе О. Северской и Л. Сааякяна, слово «имидж» в созвучном современному англоязычному пониманию появляется в русском употреблении в конце 1980-х гг., и

на тот момент его коннотации носят скорее отрицательный характер: это «представление о самовольном, своенравном, действующем исключительно по своей прихоти человеке с репутацией самодура, которое становится основой имиджа». Но уже в начале 90-х гг. появляется устойчивая ассоциация имиджа с положительной или отрицательной самопрезентацией, которая совпадает со значением этого понятия в исходном языке [18]. Согласно portalу «Карта слов», в русском языке синонимами слова *имидж* являются такие понятия, как отображение, изображение, образ, вид, фигура, бренд, обличие, стаффаж, описывание, запечатление. Интересно, что в официальных словарях синонимов понятия «имидж» нет.

Современные исследователи сходятся на том, что одной из главных специфических черт имиджа является целенаправленность действий по его созданию. Так, Л. В. Матвеева с соавторами под имиджем подразумевают «целенаправленно создаваемый особого рода образ-представление, которое с помощью ассоциаций наделяет объект (явление, личность, товар и т. д.) дополнительными ценностями (социальными, политическими, социально-психологическими, эстетическими) и, благодаря этому, способствует более эмоциональному восприятию объекта» [19, с. 10–12]. Е. Богданов и В. Зызыкин декларируют: «...имидж – это не что иное, как специально сконструированный психический образ, создаваемый со вполне определенными целями...» [20, с. 36]. В издании по имиджологии имидж определяется как «индивидуальный облик или ореол, создаваемый средствами массовой информации, социальной группой или собственными усилиями личности в целях привлечения к себе внимания» [21]. Именно в целенаправленности, продуманности создания заключается отличие имиджа от образа, который возникает непосредственно как специфическая форма эстетического освоения действительности и включает в себя понимание [22]. Психологи подчеркивают, что имидж – это своеобразная надстройка над образом, мнение, возникшее на основе образа и являющееся результатом целенаправленных действий обладателя определенного имиджа [23, с. 25]. Эта целенаправленность действий по созданию «правильной, благородной картинки» находит отражение и в этимологии слова *имидж*¹, и в его словоупотреблении. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) из 15 глагольных коллокаций, связанных со словом «имидж», семь словосочетаний отдает тем, которые несут коннотации целенаправленной работы с имиджем: создать (5), создавать (2), отработать (2), заработать (2), наработать (2), придумать (2), выбрать (2). Коллокация «выбрать имидж» также говорит о том, что имидж может быть осознанным предпочтением из ряда альтернатив. Кроме того, имидж можно осознанно менять при необходимости: «улучшить имидж», «отбелить» и пр.

Другой специфической чертой имиджа является его стереотипность и тесная связь с массовым сознанием. На это обращает внимание М. В. Катинская, определяя имидж как разновидность «когнитивного образа любого социального объекта, имеющего определенную эмоциональную окраску и степень стереотипности», которая формируется субъектами общественной жизни в индивидуальном и массовом сознании для достижения желаемых политических, экономических и социальных результатов» [24, с. 175]. Тесную связь имиджа со стереотипами подчеркивают и авторы статьи, посвященной имиджу, в социологической энциклопедии П. Матюшевская, Н. Ефимова, Е. Маевская, определяя его как «целостный,

¹ Предполагается, что так назывались посмертные восковые маски в Древнем Риме, представлявшие благоуханный облик покойного и снабженные его краткой хвалебной характеристикой.

качественно определенный образ данного объекта, устойчиво живущий и воспроизводящийся в массовом и/или индивидуальном сознании. Имидж возникает и корректируется в результате восприятия и сопутствующего профильтровывания поступающей из внешней среды информации о данном объекте сквозь сеть действующих стереотипов» [25]. А. В. Ульяновский также определяет имидж как устойчивый образ субъекта в общественном сознании [26]. Однако важно отметить, что, хотя для построения имиджа его обладатели используют стереотипы для упрощения взаимодействия с аудиторией, сам имидж стереотипам не равен. О. А. Феофанов, известный советский и российский американист, теоретик социологии рекламы, выделяет следующие функциональные различия между имиджем и стереотипом: «Стереотип дает сжатое обобщенное представление о целой категории однородных явлений или объектов. Имидж, наоборот, служит для того, чтобы подчеркнуть отличие одного конкретного объекта от других, стоящих с ним в одном ряду, а то и противопоставить его им. Во-вторых, хотя стереотип и искажает реальный объект, тем не менее, он базируется на реальных присущих ему характеристиках. Имидж же наделяет явление выгодными пропагандистскими свойствами, выходящими за пределы функциональных возможностей самого объекта» [27, с. 89]. Одна из функций имиджа, согласно Феофанову, – задать человеку направление для правильного домысливания, «довоображения» необходимой картинкой [27, с. 89].

Интересна трактовка понятия имиджа классика русскоязычного PR Г. Г. Почепцова: он называет имидж «знаковым заменителем, отражающим основные черты портрета человека» [28, с. 174]. В условиях современного общества, когда информационный поток, с одной стороны, оглушает, а с другой – дефицит требуемой информации сохраняется, имидж заменяет собой составление глубокого портрета человека. Ввиду того, что человек живет в мире социальном, полном символов, имидж становится единицей этого символического мира. Представление об имидже как о символическом явлении поддерживает и Е. Б. Перельгина. Она пишет об имидже как о символическом представлении о субъекте имиджа у составляющей его аудиторию социальной группы, формируемое посредством целенаправленных усилий (в частности профессиональных) с целью повышения успешности действий субъекта-прообраза-имиджа (человека или организации) или достижения субъективного психологического эффекта [29, с. 12–21]. В этих определениях важны два аспекта. Первый – это символический характер имиджа, а второй – то, что у имиджа всегда есть целевая аудитория, ради представления которой и совершаются усилия по созданию имиджа, подбирается специальный набор символов, который должен быть этой аудиторией правильно прочитан и интерпретирован. Важность интерпретации и оценки в восприятии имиджа также отражает НКРЯ, где обнаруживается значительное количество сочетаний слова *имидж* с высокой совместной частотой со словами с оценочным компонентом в значении: позитивный (21), положительный (30), негативный (9), высокий (6).

Проведенный анализ понятия «имидж» позволяет прийти к выводу, что имидж – это неразрывно связанное с визуальным восприятием, целенаправленно создаваемое, довольно устойчивое явление, базирующееся на стереотипах массового сознания – впечатлении оценочного характера об обладателе имиджа. Будучи искусственно созданным целенаправленным высказыванием символического характера, имидж адресован определенной аудитории, его предназначение – задать направление для «правильного» домысливания картинкой.

Имидж весь состоит из знаков и символов – информация об объекте доносится широким аудиториям на основе легкоусвояемых символических конструкций и стереотипов, и задача имиджа – сделать объект имиджа предметом желаний и интереса со стороны публики, предметом массового потребления, если обратиться к философии Ж. Бодрийяра: «...потребление... является систематическим актом манипуляции знаками... чтобы стать предметом потребления, предмет изначально должен стать знаком» [30, с. 156]. Задача имиджа – однозначно определить объект, выделить его из общего ряда и сформировать ожидания целевых аудиторий.

Понятие репутации получило в современной социологической и социопсихологической литературе меньше внимания, чем имидж. В фундаментальной двухтомной «Социологической энциклопедии» [31] в принципе отсутствует определение понятия «репутация», однако имеются определения для таких понятий, как «имидж», «авторитет», «достоинство», «престиж», «честь». Интернет-энциклопедия социологии определяет репутацию как «сформировавшееся общественное мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-либо» [32]. Исследователи отмечают, что основой формирования репутации субъекта или объекта являются субъективные высказывания, содержащие субъективные мнения или оценки [33]. Большинство российских исследователей сходятся во мнении о том, что репутация – итог массового или группового осмысления репрезентаций индивида и рождается в групповом дискурсе. Для формирования репутации желателен опыт личного взаимодействия, однако репутация может сложиться и на основе косвенного наблюдения – информации (о поведении, репрезентациях или склонности индивида принимать те или иные решения), полученной от третьих лиц или из открытых источников (Интернет, СМИ).

НКРЯ дает 18 глагольных коллокаций со словом *репутация*. Коннотации этих словосочетаний говорят о том, что репутация воспринимается как самостоятельный объект, способный установиться (32), сложиться (22), быть (9), устояться (10), пошатнуться (9), утвердиться (6) или даже погибнуть (6), репутацию можно иметь (5), приобрести (5), запятнать (7), испортить (8), ей можно пользоваться (13). Словарь С. А. Кузнецова также трактует репутацию как нечто абстрагированное от желаний ее носителя [34]. Таким образом, язык показывает нам, что репутация не столько целенаправленно создается, сколько является результатом оценки агента репутации. О. А. Михайлова и Е. Л. Шашмурина отмечают, что «репутация ... обладает дополнительным ценностным содержанием, включает имплицитный прагматический компонент, “базирующийся на некоторых всеобщих знаниях о мире и непреложных истинах”» [35, с. 93]. Зарубежные исследователи из области социобиологии трактуют вышеупомянутый прагматический компонент как способность индивида инвестировать в других или в благо сообщества [36]. Исследования показали, что прямая помощь, пожертвования на благотворительность и прочее повышают репутацию человека; даже предпочтение поведенческой стратегии поощрения наказанию положительно влияет на репутацию индивида [37]. Об этом же свидетельствуют и российские экономисты, упоминая обязательства по социальной ответственности организации [38]. Однако прагматический компонент зарождения репутации альтруистическим аспектом не ограничивается, он непосредственно связан с причиной взаимодействия и ожиданиями, которые складываются у социального организма, вступившего во взаимодействие с субъектом репутации. М. Йенсен и М. Ким, Х. Ким, предлагая ролевую теорию репутации, рассматривают роль как реализацию

набора ожиданий, направленных на действующих лиц, которые занимают определенное положение (имеют определенный статус в социальной системе), и говорят о встроенности репутации в ролевые ожидания, утверждая, что «ожидания в отношении будущего поведения формируются не только оценками поведения в прошлом, но и социальными системами, в которых заложены как прошлые, так и будущие модели поведения» [39, р. 146]. Российские исследователи указывают на значимую роль, которую играет не просто система ценностей группы или сообщества, а та, которой придерживается каждый конкретный оценивающий индивид. В любом случае репутация возникает как результат социальных взаимодействий и существует во взаимозависимости с доверием: она порождает доверие, необходимое для вступления в социальное взаимодействие и закрепляет его, если ожидания от взаимодействия совпадут с его результатом [40].

Таким образом, при построении репутации значимым оказывается внешний аспект – ценностные установки, культурный и прагматический контексты, в которых происходит взаимодействие, результирующееся в конечном итоге в репутации. Этот вывод подтверждает и исследование С. С. Комоликовой, которая, опираясь на концепцию репутации как одной из разновидностей социальных представлений, разработанную А. Трубецким, утверждает идентичность природы репутации и культуры и говорит о наличии у репутации ядра и периферии, где ядро репутации выступает ее категориальной, ценностной основой, а периферия отвечает за рациональное, критическое восприятие действительности и взаимодействует с культурой в реальном времени [41].

Г. Ориги – профессор философии, западноевропейский эксперт в области социальной и политической эпистемологии, определяет репутацию как «публичное представление того, что мы считаем мнением других» и подчеркивает тот факт, что «репутация представляет собой трехосное отношение, которое можно определить следующим образом: репутация – это отношение между X (человеком), Y (целевой аудиторией, целевым объектом) и авторитетом Z (здравый смысл, группа, другой человек, институциональный рейтинг, то, что, по моему мнению, мне следует думать о других...). То, как авторитет Z оценивает Y, влияет на оценку Y со стороны X» [42, р. 9]. Так репутация становится социальным свойством субъекта, которое взаимно создается воспринимающим, воспринимаемым и социальным контекстом, где всегда есть третья «сторона» – коллеги, родные, учителя – те, кому мы доверяем, так репутация становится социальным взглядом собирательного значимого Другого.

И отечественные [4–6], и зарубежные [7–9] исследователи в области социологии управления и социологии организаций рассматривают репутацию как часть социального капитала. На микроуровне – уровне личности, репутация как выражение социального капитала строится на основе связей (межличностных отношений), ценностных ориентаций и норм, а также прагматического контекста взаимодействия. Так репутация становится неотчуждаемым ресурсом личности и представляет собой признание, полученное индивидом в рамках социальной сети прагматических взаимодействий, формирующее доверие к индивиду и определенные ожидания к его поведению в будущем. А. Херн показала в своем знаменитом исследовании 2010 г., что с точки зрения социологии репутация в цифровом мире «конституируется институтами экономики и культуры, обладающими властью санкционировать и

направлять внимание, затем преобразовывать это внимание в стоимость» [43, р. 423]. В цифровом мире репутация стала более сложным, объективированным и отслеживаемым явлением, включающим в себя метрические параметры (рейтинги, подписчики и пр.) и «вечные» качественные оценки в виде отзывов и комментариев, – у репутации появились цифровые репутационные индикаторы, на основании которых незнакомые друг с другом пользователи строят отношения, основанные на доверии. Сетевая (онлайн) репутация материализует «индивидуальность» субъектов в утрированной, распределенной и неустойчивой форме. Цифровое пространство реифицирует процесс становления репутации, репутация в сети существует как бы в двух ипостасях: как постоянный процесс становления в реальности социальных отношений и как некий результат, ресурс, которым обладает индивид.

В отличие от имиджа репутация не контролируется полностью субъектом и не может быть целенаправленно создана, так как рождается в процессе обмена мнениями, как результат публичного дискурса и является, в первую очередь, оценкой, сравнением ожиданий и результатов взаимодействия с конкретным индивидом или организацией. Имидж может послужить источником формирования ожиданий, точкой «входа» для реального прагматического взаимодействия, а репутация – всегда результат оценки, сравнения ожиданий и реального опыта. Этот вывод находит подтверждение и в рамках экономики: Д. Л. Курбангалиева обобщила определения репутации, данные отечественными и зарубежными исследователями в области экономики и маркетинга, и дала свое собственное определение деловой репутации предприятия с точки зрения экономики: репутация – «оценка, основанная путем сопоставления имиджа бренда и опыта взаимодействия всеми внешними субъектами или группами субъектов, объединенных в сообщества и разделяющих ценности, транслируемые предприятием из различных коммуникационных каналов» [44, с. 51]. Доктор экономических наук А. Н. Король также разделяет понятия имиджа и репутации. Имидж, по его мнению, привлекает внимание, в то время как репутация, будучи совокупностью мнений о личных и профессиональных качествах руководителя, формирующейся на основе длительного наблюдения за его поведением в различных ситуациях, выступает инструментом воздействия на бизнес-среду и партнеров [45]. Так репутация становится инструментом модуляции контроля и управления в цифровом обществе [46, 47].

Современная социальная наука перестала рассматривать репутацию как статичный атрибут, жестко кодифицированный в следах социальной иерархии. Напротив, считается, что репутация обладает динамическими свойствами, поскольку атрибуция репутации представляет собой социально-когнитивный механизм, укореняющийся в коммуникативных процессах. Р. Конте и М. Паолуччи строят социокогнитивную модель репутации, в которой репутация понимается как результат социального процесса передачи информации, работающего на входе, который называется «имиджем (образом) агента». Таким образом, авторы подчеркивают аналитическое различие между имиджем, понимаемым как совокупность оценочных представлений о заданной цели, и репутацией, понимаемой как процесс и эффект передачи образа. Оба являются «социальными механизмами», поскольку они касаются свойств другого агента («предполагаемого отношения к желательному социальному поведению») и могут быть общими для множества агентов. Модели Р. Конте и М. Паолуччи по-

казали, что «имидж» представляет собой недостаточную социальную инфраструктуру для поддержания нормативного поведения. Поскольку моделирование показывает глубокую потерю информации об утилитарных агентах для нормативных агентов, авторы отмечают, что нормативным агентам необходимо использовать нечто большее, чем их личный опыт в прямых взаимодействиях. Это тот момент, когда репутация имеет значение [48 р. 67–81]. Отечественные социологи также отмечают, что «коммуникационными технологиями невозможно создать позитивную деловую репутацию, поскольку она должна базироваться не на симулякрах, а на реальных качествах и достоинствах личности или организации. Если рекламные технологии нацелены на то, чтобы продать удачный имидж продукта, с которым покупатель часто связывает свое собственное социальное положение и престиж, то репутацию и доверие к компании нельзя купить, их можно только заработать» [49, с. 77]. Таким образом, можно сказать, что имидж – это яркая упаковка, созданная формировать, направлять и предвосхищать желания целевой аудитории, а репутация – сущностное выражение своего объекта. Имидж и репутация – это два тесно связанных между собой понятия, функционально дополняющие друг друга. Имидж визуализирует репутацию, емко и эмоционально выражает ценностную и (или) профессиональную позицию объекта репутации на понятном публике языке. Если имидж становится органичным выражением репутации, то создается кумулятивный коммуникационный эффект: легче налаживается взаимодействие, возрастает доверие.

Заключение. Изучение понятий имиджа и репутации с социологической точки зрения позволило найти точки соприкосновения результатов исследований специалистов разных наук и выявить социологическую специфику каждого из понятий. Если взять всю совокупность проанализированных в рамках работы исследований имиджа и репутации, то становится очевидно, что для большинства исследователей имидж – это неразрывно связанное с визуальным восприятием, целенаправленно создаваемое довольно устойчивое явление, базирующееся на стереотипах массового сознания. Будучи искусственно созданным целенаправленным высказыванием символического характера, имидж адресован конкретной аудитории, его предназначение – задать направление для «правильного» домысливания картинки и сформировать у аудитории определенные ожидания. Имидж – по сути своей симулякр, порождаемый субъектом, он состоит из знаков и символов легкоусвояемых символических конструкций и стереотипов и призван сделать объект имиджа предметом желаний и интереса со стороны публики, предметом массового потребления. Задача имиджа – однозначно определить объект, выделить его из общего ряда и сформировать ожидания целевых аудиторий. Репутация, в отличие от имиджа, – это, в первую очередь, вербализованная оценка (мнение), возникающее в результате социального взаимодействия в прагматическом контексте. Источником этой оценки становится общественное мнение, складывающееся в результате группового дискурса на основе существующих в данном сообществе культурных ценностей и норм. Репутация базируется на личном опыте и косвенной информации, полученной от третьих лиц или из открытых источников (интернет, СМИ), сила репутации зависит от значимости социальной деятельности объекта репутации. Хотя репутация и поддается управлению, она абстрагирована от своего объекта, не контролируется им полностью, является его нематериальным активом. В цифровом обществе репутация выступает инструментом модуляции кон-

троля. Имидж может быть «точкой входа», способом привлечь внимание незнакомой с агентом имиджа аудиторией, репутация – всегда результат дискурсивной оценки опыта взаимодействия. Актуализируясь в культурно-прагматическом контексте взаимодействия, имидж и репутация могут синергетически работать на благо своего агента. Конфликт между знаками, которые несет имидж, ожиданиями, которые он конструирует, и опытом, результирующимся в репутации, негативно влияет на последнюю. Имидж полностью контролируется, репутация подконтрольна своему агенту лишь частично, и сама является средством модуляции контроля. Взаимодействие имиджа и репутации – тема, требующая дополнительных исследований, как и всякий факт обыденного мира, очевидный на первый взгляд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Губанов Д. А. Обзор онлайн-систем репутации/доверия. М: ИПУ РАН, 2009. URL: http://ubs.mtas.ru/bitrix/components/bitrix/forum.interface/show_file.php?fid=1671 (дата обращения: 10.07.2024).
2. Свиридова Д. Ю. Специфика формирования цифрового имиджа музыкальной группы // Вестн. ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 26. С. 85–87.
3. Мамина Р. И., Якупова С. В. Самопрезентационная коммуникация в контексте цифровых реалий современного социума // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 4. С. 27–42. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-4-27-42>.
4. Стрельникова Л. В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 31–41.
5. Князев Д. В. Социальный капитал как фактор управления // Социология власти. 2008. № 5. С. 151–157.
6. Социальный капитал личности / Л. Г. Почебут, А. Л. Свенцицкий, Л. В. Марарица и др. М.: ИНФРА-М, 2014.
7. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / пер. с англ. А. Захарова. М.: Ad Marginem, 1996.
8. Stone W. Measuring Social Capital: Toward a theoretically informed measurement framework for researching social capital in family and community life. Melbourne: Australian Institute of Family Studies, 2001.
9. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и пути к их процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М.: АСТ: Ермак, 2004.
10. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
11. Тишкевич М. Я. Имиджевая составляющая социального капитала: социокультурный подход // Многомерность и полифункциональность культуры: сб. науч. ст. Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Франциска Скорины, 2020. С. 103–108.
12. Maolidah M. K., Al Amin N. K., Imanuel V. The Relationship Between Intellectual Capital, Human Capital, Public Relation Strategy, AI Integration, Corporate Social Responsibility, And Company Image // Sammajiva: J. Penelitian Bisnis dan Manajemen. 2023. Vol. 1, №. 1. P. 94–105. DOI: <https://doi.org/10.47861/sammajiva.v1i1.926>.
13. Имидж // Большой энциклопедический словарь. URL <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/search?s=имидж> (дата обращения: 10.07.2024).
14. Имидж // Основные социологические термины. URL: <https://rus-main-soc-terms.slovaronline.com/94-имидж> (дата обращения: 10.07.2024).

15. Имидж // Энциклопедия социологии. URL: <https://rus-sociologia.slovaronline.com/1186-имидж> (дата обращения: 10.07.2024).
16. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Pearson Education Limited, 2015.
17. Concise Oxford Thesaurus. 3rd ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.
18. Северская О., Саакян Л. Образ, имидж, репутация политика в языке и актуальном политическом дискурсе (опыт корпусного исследования) // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2020. Vol. XI, no. 2, pp. 357–571.
19. Матвеева Л. В., Аникеева Т. Я., Мочалова Ю. В. Психология телевизионной коммуникации. М.: РИП-Холдинг, 2002.
20. Политическая имиджелогия / под ред. А. А. Деркача, Е. Б. Перелыгиной и др. М.: Аспект-Пресс, 2006.
21. Шепель В. М. Имиджелогия. Как нравиться людям. М.: Народное образование, 2002.
22. Леонтьев Д. А. От образа к имиджу. Психосемантический брендинг // *Реклама и жизнь*. 2000. № 1. С. 19–22.
23. Панасюк А. Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники. М.: Омега-Л, 2009.
24. Катинская М. В. Имидж как прототипическая категория // *Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова*. 2016. Т. 22, № 3. С. 173–178.
25. Имидж // Социологическая энциклопедия. URL: <https://rus-social-enc.slovaronline.com/382-имидж> (дата обращения: 10.07.2024).
26. Ульяновский А. В. Корпоративный имидж: технологии формирования для максимального роста бизнеса. М.: Эксмо, 2008.
27. Феофанов О. А. Стереотип и «имидж» в буржуазной пропаганде // *Вопросы философии*. 1980. № 6. С. 89–100.
28. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. М.: Рефл-бук, 2000.
29. Перелыгина Е. Б. Психология имиджа. М.: Аспект-пресс, 2002.
30. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура / пер. с фр. Е. Самарской. М.: Республика: Культурная революция, 2006.
31. Социологическая энциклопедия: в 2 т. М.: Мысль, 2003.
32. Репутация // Энциклопедия социологии. URL: <https://rus-sociologia.slovaronline.com/search?s=репутация> (дата обращения: 10.07.2024).
33. Зубова И. И. Репутация личности и ее автоматическая идентификация // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2020. № 197. С. 189–200. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-197-189-200.
34. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.
35. Михайлова О. А., Шашмурина Е. Л. Имидж vs репутация: аксиологический потенциал заимствованных слов // *Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. междунар. науч. конф., Екатеринбург, 15–17 окт. 2019 г.* Екатеринбург: УрФУ, 2019. С. 92–94.
36. Milinski M. Reputation, a universal currency for human social interactions // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2016. Vol. 371, iss. 1687: 20150100. DOI: <https://doi.org/10.1098/rstb.2015.0100>.
37. Raihani N. J., Bshary R. The reputation of punishers // *Trends in Ecology & Evolution*. 2015. Vol. 30, iss. 2. P. 98–103. DOI: 10.1016/j.tree.2014.12.003.
38. Селиванюк А. Р. Факторы формирования деловой репутации компании // *Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–15 мая 2021 г.* Минск: Белорусский гос. ун-т, 2021. С. 164–170.

39. Jensen M., Kim H., Kim B. K. Meeting Expectations: A Role-Theoretic Perspective on Reputation // *The Oxford Handbook of Corporate Reputation* / M. L. Barnett, T. Pollock eds. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. P. 140–159.

40. Дорохова М. С. Социально-психологический механизм формирования репутации в условиях рыночных отношений: дис. ... канд. психол. наук / ГУУ. М., 2009.

41. Комоликова С. С. Понятие репутации в культурологическом аспекте // *Вестн. ЧелГУ*. 2013. № 33 (324). С. 63–67.

42. Origgi G. Trust and Reputation. *The Routledge Handbook of the Philosophy of Trust*, 2020. URL: https://hal.science/ijn_03046522/document (дата обращения: 09.07.2024).

43. Hearn A. Structuring Feeling: Web 2.0, Online Ranking and Rating, and the Digital 'Reputation' // *Ephemera: theory & politics in organization*. 2010. Vol. 10, no. 3/4. P. 421–438.

44. Курбангалиева Д. Л. Сравнительная характеристика терминов «имидж», «бренд» и «деловая репутация» в теории репутационной экономики // *Электронный экономический вестник Татарстана*. 2019. № 4. С. 44–51.

45. Король А. Н. Имидж и деловая репутация руководителя как инструменты маркетинговых коммуникаций // *Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 1. Хабаровск, 27 апр. 2017 г. Хабаровск: ТОГУ, 2017. С. 378–381.*

46. Янковская В. И., Хайдаров Р. Р. Влияние рейтинговых характеристик руководителя на качество трудовой жизни работников // *Власть*. 2015. № 4. С. 145–151.

47. Ragouet P. Notoriété professionnelle et organisation scientifique // *Cahiers Internationaux De Sociologie*. 2000. Vol. 109. P. 317–341.

48. Conte R., Paolucci M. Reputation in artificial societies: Social beliefs for social order. NY: Springer, 2002. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4615-1159-5>.

49. Сальникова Л. С. Имидж или репутация? Подмена понятий // *Стратегические коммуникации в бизнесе и политике*. 2017. № 3. С. 76–79.

Информация об авторе.

Шутова Марина Вадимовна – старший преподаватель кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 16 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология медицины, социология управления, управление онлайн-коммуникациями, управление репутацией, цифровизация медицины.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 18.09.2024; принята после рецензирования 16.10.2024; опубликована онлайн 23.12.2024.*

REFERENCES

1. Gubanov, D.A. (2009), *Obzor onlainovykh sistem reputatsii/doveriya* [Review of online reputation/trust systems], IPU RAN, Moscow, RUS, available at: http://ubs.mtas.ru/bitrix/components/bitrix/forum.interface/show_file.php?fid=1671 (accessed 10.07.2024).

2. Sviridova, D.Yu. (2018), "On the Specifics of Developing a Digital Image of a Musical Group", *Bulletin of Katanov Khakass State Univ.*, no. 26, pp. 85–87.

2. Mamina, R.I. and Yakupova, S.V. (2024), "Self-Presentational Communication in Context Digital Realities of Modern Society", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 4, pp. 27–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-4-27-42.

4. Strel'nikova, L.V. (2003), "Social capital: typology of foreign approaches", *Social Sciences and Contemporary World*, no. 2, pp. 31–41.
5. Knyazev, D.V. (2008), "Social Assets as Force of Control", *Sociology of Power*, no. 5, pp. 151–157.
6. Pochebut, L.G., Svetsitskii, A.L., Mararitsa, L.V. et al. (2014), *Sotsial'nyi kapital lichnosti* [Social capital of the individual], INFRA-M, Moscow, RUS.
7. Patnem, R. (1996), *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, Transl. by Zakharov, A., Ad Marginem, Moscow, RUS.
8. Stone, W. (2001), *Measuring Social Capital: Toward a theoretically informed measurement framework for researching social capital in family and community life*, Australian Institute of Family Studies, Melbourne, AUS.
9. Fukuyama, F. (2004), *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*, Transl. by Pavlov, D., Kiryushchenko, V. and Kolopotin, M., AST: Ermak, Moscow, RUS.
10. Coleman, Jo. (2001), "Social and Human Capital", *Social Sciences and Contemporary World*, no. 3, pp. 122–139.
11. Tishkevich, M.Ya. (2020), "Image component of social capital: socio-cultural approach", *Mnogomernost' i polifunktsional'nost' kultury* [Multidimensionality and polyfunctionality of culture], Gomel'skii gos. un-t im. Frantsiska Skoriny, Gomel', BLR, pp. 103–108.
12. Maolidah, M.K., Al Amin, N.K. and Imanuel, V. (2023), "The Relationship Between Intellectual Capital, Human Capital, Public Relation Strategy, AI Integration, Corporate Social Responsibility, And Company Image", *Sammajiva: Jurnal Penelitian Bisnis dan Manajemen*, vol. 1, no. 1, pp. 94–105. DOI: <https://doi.org/10.47861/sammajiva.v1i1.926>.
13. "Image", *Bol'shoi Entsiklopedicheskii slovar'* [The Great Encyclopedic Dictionary], available at: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/search?s=имидж> (accessed 10.07.2024).
14. "Image", *Osnovnye sotsiologicheskie terminy* [Basic Sociological Terms], available at: <https://rus-main-soc-terms.slovaronline.com/94-имидж> (accessed 10.07.2024).
15. "Image", *Entsiklopediya sotsiologii* [Encyclopedia of Sociology], available at: <https://rus-main-soc-terms.slovaronline.com/94-имидж> (accessed 10.07.2024).
16. *Longman Dictionary of Contemporary English* (2015), Pearson Education Ltd., Harlow, UK.
17. *Concise Oxford Thesaurus* (2007), 3rd ed., Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
18. Severskaya, O. and Saakyan, L. (2020), "The image, reputation of a politician in language and current political discourse (an experience of corpus research)", *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. XI, no. 2, pp. 357–571.
19. Matveeva, L.V., Anikeeva, T.Ya. and Mochalova, Yu.V. (2002), *Psikhologiya televizionnoi kommunikatsii* [Psychology of television communication], RIP-Kholding, Moscow, RUS.
20. *Politicheskaya imidzhologiya* [Political imageology] (2006), in Derkach, A.A., Perelygina, E.B. et al. (eds.), Aspekt-Press, Moscow, RUS.
21. Shepel', V.M. (2002), *Imidzhologiya. Kak nraivit'sya lyudyam* [Imageology. How to please people], Narodnoe obrazovanie, Moscow, RUS.
22. Leontiev, D.A. (2000), "From Image to Image. Psychosemantic Branding", *Reklama i zhizn'* [Advertising and life], no. 1, pp. 19–22.
23. Panasyuk, A.Yu. (2009), *Formirovanie imidzha: strategiya, psikhotehnologii, psikhotehniki* [Formation of the image: strategy, psychology, psychology], Omega-L, Moscow, RUS.
24. Katynskaya, M.V. (2016), "Image as a Prototype Category", *Vestnik of Kostroma State Univ.*, vol. 22, no. 3, pp. 173–178.
25. "Image", *Sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Sociological Encyclopedia], available at: <https://rus-social-enc.slovaronline.com/382-имидж> (accessed 10.07.2024).

26. Ul'yanovskii, A.V. (2008), *Korporativnyi imidzh: tekhnologii formirovaniya dlya maksimal'nogo rosta biznesa* [Corporate image: technologies of formation for maximum business growth], Eksmo, Moscow, RUS.
27. Feofanov, O.A. (1980), "Stereotype and "image" in bourgeois propaganda", *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 89–100.
28. Pocheptsov, G.G. (2000), *Imidzhelogiya* [Imageology], Refl-buk, Moscow, RUS.
29. Perelygina, E.B. (2002), *Psikhologiya imidzha: uch. Posobie* [Psychology of image: teaching aid], Aspekt-press, Moscow, RUS.
30. Baudrillard, J. (2006), *La Societe de Consommation. Ses mythes, ses structures*, Transl. by Samarskaya, E., Respublika: Kul'turnaya revolyutsiya, Moscow, RUS.
31. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Sociological encyclopedia] (2003), in 2 vol., Mysl', Moscow, RUS.
32. "Reputation", *Entsiklopediya sotsiologii* [Encyclopedia of Sociology], available at: <https://rus-sociologia.slovaronline.com/search?s=репутация> (accessed 10.07.2024).
33. Zubova, I.I. (2020), "Personal Reputation and its Automatic Identification", *Izvestia: Herzen Univ. J. of Humanities & Sciences*, no. 197, pp. 189–200. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-197-189-200.
34. Kuznetsov, S.A. (1998), *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language], Norint, SPb., RUS.
35. Mikhailova, O.A. and Shashmurina, E.L. (2019), "Image vs. reputation: axiological potential of borrowed words", *Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy* [Axiological aspects of modern philological studies], Ekaterinburg, RUS, 15–17 Oct. 2019, pp. 92–94.
36. Milinski, M. (2016), "Reputation, a universal currency for human social interactions", *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, vol. 371, iss. 1687: 20150100. DOI: <https://doi.org/10.1098/rstb.2015.0100>.
37. Raihani, N.J. and Bshary, R. (2015), "The reputation of punishers", *Trends in Ecology & Evolution*, vol. 30, iss. 2, pp. 98–103. DOI: 10.1016/j.tree.2014.12.003.
38. Selivanyuk, A.R. (2021), "Factors in the formation of a company's business reputation", *Communication in social and humanitarian knowledge, economics, education – 2021, Materials of the V Intern. scient.-practical. conf.*, Minsk, BLR, 13–15 May 2021, pp. 164–170.
39. Jensen, M., Kim, H. and Kim, B.K. (2012), "Meeting Expectations: A Role-Theoretic Perspective on Reputation", *The Oxford Handbook of Corporate Reputation*, Barnett, M.L. and Pollock, T. (eds.), Oxford Univ. Press, Oxford, UK, pp. 140–159.
40. Dorokhova, M.S. (2009), "Social and psychological mechanism of reputation formation in conditions of market relations", Can. Sci. (Psychological) Thesis, GUU, Moscow, RUS.
41. Komolikova, S.S. (2013), "Concept of Reputation Ousing in Culturological Aspect", *Bulletin of Chelyabinsk State Univ.*, no. 33 (324), pp. 63–67.
42. Origgi, G. (2020), *Trust and Reputation. The Routledge Handbook of the Philosophy of Trust*, available at: https://hal.science/ijn_03046522/document (accessed 09.07.2024).
43. Hearn, A. (2010), "Structuring Feeling: Web 2.0, Online Ranking and Rating, and the Digital 'Reputation'", *Ephemera: theory & politics in organization*, vol. 10, no. 3/4, pp. 421–438.
44. Kurbangaliev, D.L. (2019), "Comparative Characteristics of the Terms "Image", "Brand" and "Corporate Reputation" in the Theory of Reputation Economy", *Electronic Economic Newsletter of the Republic of Tatarstan*, no. 4, p. 44–51.
45. Korol, A.N. (2017), "Image and business reputation of the manager as tools of marketing communications", *Modern problems of economic development of enterprises, industries, complexes, territories, Materials of the International Scientific and Practical conf.*, in 2 vols., vol. 1, Khabarovsk, RUS, 27 April 2017, pp. 378–381.

46. Yankovskaya, V.I. and Khaydarov, R.R. (2015), "The Influence of Rating Characteristics of the Organization Leader on the Quality of the Working Life of the Employees", *Vlast'*, no. 4, pp. 145–151.

47. Ragouet, P. (2000), "Notoriété professionnelle et organisation scientifique", *Cahiers Internationaux De Sociologie*, vol. 109, pp. 317–341.

48. Conte, R. and Paolucci, M. (2002), *Reputation in artificial societies: Social beliefs for social order*, Springer, NY, USA. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4615-1159-5>.

49. Salnikova, L.S. (2017), "image or Reputation? Substitution of Concepts", *Strategicheskie kommunikatsii v biznese i politike* [Strategic Communications in Business and Politics], no. 3, pp. 76–79.

Information about the author.

Marina V. Shutova – Senior Lecturer at the Department of Public Relations, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 16 scientific publications. Area of expertise: sociology of medicine, sociology of management, online communication management, reputation management, digitalization of medicine.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 18.09.2024; adopted after review 16.10.2024; published online 23.12.2024.*

Оригинальная статья
УДК 316
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-94-107>

Цифровое неравенство: современные тренды формирования и исследования

**Любовь Александровна Лебединцева¹✉, Павел Петрович Дерюгин²,
Чжан Хайлунь³, Абдурашид Маджидович Кадыров⁴,
Владислав Вадимович Фасахудинов⁵**

^{1, 2, 3}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
^{1, 2}Социологический институт РАН – филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
^{2, 5}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия
³Школа марксизма, Колледж Наньфан, Гуанчжоу, Китай
⁴Ташкентский государственный экономический университет, Ташкент, Узбекистан
¹✉llebedintseva879@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9458-4689>
²ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>
³zhanghailunno1@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-6339-6124>
⁴a.kadirov@tsue.uz, <https://orcid.org/0009-0009-7186-3309>
⁵fas.vlad.spb@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1740-6765>

Введение. В начале XXI в. появляются информационно-коммуникационные ресурсы, под влиянием которых начинается интенсивная цифровизация общества и, как следствие, трансформация большинства социальных феноменов: процессов, институтов, общностей и т. д. Целью статьи является анализ цифрового неравенства как вида социального неравенства на основе существующих социологических подходов в отечественной и зарубежной науке. Основная проблема заключается в отсутствии систематизации научных публикаций, анализирующих подходы к определению понятия, механизма возникновения и социальных последствий цифрового неравенства.

Методология и источники. Методология исследования базируется на социологическом и междисциплинарном подходе. В качестве источников использованы доклады ООН, Окинавской хартии глобального информационного общества, Всемирного банка. В отечественном поле разработка методологии исследований цифрового неравенства предпринималась О. М. Слеповой, Т. С. Мартыненко, О. Н. Вершинской, О. В. Волченко и др. Западный дискурс представлен прежде всего идеями Я. ван Дейка, П. Димаджо, М. Кастельса, Е. Харгитей, Д. Гарип. Проанализированы работы китайских исследователей Хуан Ронгуи, Гуй Юн, Чень Юнсун, Янь Хуэй и др.

Результаты и обсуждение. Выявлена прямая зависимость между ростом уровня экономического развития и уровня цифрового неравенства. Раскрыта роль цифровизации, которая вносит кардинальные коррективы в классические критерии анализа социальной структуры общества. Показано, что в противовес росту цифрового неравенства формируются социальные связи поддержки, предполагающие выравнивание отношений к потенциалам информационного пространства.

Заключение. Цифровое неравенство как явление, появившееся на стыке веков, продолжает усиливаться и оказывает непосредственное влияние на развитие новых

© Лебединцева Л. А., Дерюгин П. П., Чжан Хайлунь, Кадыров А. М., Фасахудинов В. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

форм социального неравенства. К традиционным критериям неравенства добавляются новые, формируется новый профиль социальной стратификации.

Ключевые слова: цифровое неравенство, социальное неравенство, социальный эффект распространения ИКТ

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 24-28-01448 «Национальная специфика и соответствие государственным запросам отраслевой социологии в Китае»).

Для цитирования: Цифровое неравенство: современные тренды формирования и исследования / Л. А. Лебединцева, П. П. Дерюгин, Чжан Хайлунь и др. // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 6. С. 94–107. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-94-107.

Original paper

Digital Inequality: Current Trends in Formation and Research

**Liubov A. Lebedintseva¹✉, Pavel P. Deriugin², Zhang Hailun³,
Abdurashid M. Kadyrov⁴, Vladislav V. Fasakhudinov⁵**

^{1, 2, 3}*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

^{1, 2}*Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, St Petersburg, Russia*

^{2, 5}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

³*School of Marxism, Nanfang College, Guangzhou, China*

⁴*Tashkent State University of Economics, Tashkent, Uzbekistan*

¹✉*llebedintseva879@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9458-4689>*

²*ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>*

³*zhanghailunno1@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-6339-6124>*

⁴*a.kadirov@tsue.uz, <https://orcid.org/0009-0009-7186-3309>*

⁵*fas.vlad.spb@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1740-6765>*

Introduction. At the beginning of the XXI century, information and communication resources appear, under the influence of which the intensive digitalization of society begins and, as a result, the transformation of most social phenomena: processes, institutions, communities, etc. The purpose of the article is to analyze digital inequality as a type of social inequality based on existing sociological approaches in domestic and foreign science. The main problem lies in the lack of systematization of scientific publications analyzing approaches to defining the concept, mechanism of occurrence and social consequences of digital inequality.

Methodology and sources. The research methodology is based on a sociological and interdisciplinary approaches. The reports of the United Nations, the Okinawa Charter of the Global Information Society, and the World Bank are used as a source base. In the domestic field, the development of a methodology for research on digital inequality was undertaken by O.M. Slepova, T.S. Martynenko, O.N. Vershinskaya, O.V. Volchenko and others. Western discourse is primarily represented by the ideas of the J. Van Dijk, P. DiMaggio, M. Castells, E. Hargitay, D. Garip. The works of Chinese researchers Huang Rongui, Gui Yun, Chen Yongson, Yan Hui, etc. are analyzed.

Results and discussion. There had been revealed a direct dependence between the growth of the level of economic development and the growth of the level of digital inequality. The role of digitalization, which makes cardinal adjustments to the classical criteria for analyzing the social structure of society, was also revealed. It is shown that, in contrast to the growth of digital inequality, social support connections are formed, which involve equalizing relationships to the potentials of the information space.

Conclusion. Digital inequality, as a phenomenon that appeared at the turn of the century, continues to intensify and has a direct impact on the development of new forms of social inequality. New criteria of inequality are being added to the traditional ones, and a new profile of social stratification is being formed.

Keywords: digital inequality, social inequality, social effect of the spread of ICT

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 24-28-01448 “National Specifics and Compliance with State Requirements of Branch Sociology in China”).

For citation: Lebedintseva, L.A., Deryugin, P.P., Zhang Hailun, Kadyrov, A.M. and Fasakhudinov, V.V. (2024), “Digital Inequality: Current Trends in Formation and Research”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 6, pp. 94–107. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-94-107 (Russia).

Введение. С 2011 г. доступ к сети Интернет отнесен ООН к базовым правам человека. Наряду с этим, по данным доклада Всемирного банка «Цифровые дивиденды» (2016 г.), технологические изменения, вызванные использованием сети Интернет, не только не улучшили доступ к государственным услугам, но и вовсе не способствовали усилению равенства экономических возможностей [1]. К настоящему времени в ряде исследований сделан вывод о том, что распространение современных информационных технологий не снижает, а лишь способствует усилению неравенства [2, р. 791]. Более того, уже в середине 1990-х гг. исследователи начали фиксировать новые виды социального неравенства, в основе которых лежали различия в доступе к современным ИКТ [3, р. 279]. Сегодня в работах социологов фиксируется прогрессирующий разрыв, складывающийся между различными социальными группами и локациями, возникающий на основе усиления цифрового неравенства и нового содержания традиционных форм информационного неравенства [4]. Основным проблемным вопросом исследования выступает анализ последствий обратного социального эффекта от широкого распространения ИКТ. Объектом исследования стали современные отечественные и зарубежные публикации о цифровом неравенстве. Предмет исследования – тренды формирования цифрового неравенства. Цель исследования заключается в выявлении и характеристике трендов цифрового неравенства в современных условиях.

Методология и источники. Термин «digital divide» в настоящий момент воспринимается как устоявшееся понятие. В переводе на русский язык оно трактуется как информационное неравенство, цифровое неравенство, цифровой разрыв, цифровой барьер, информационно-цифровое неравенство. В любом случае это понятие обозначает различия в доступе к современным ИКТ на основе простого разделения людей на тех, кто имеет доступ к этим технологиям, и тех, кто не имеет такого доступа [4, с. 121].

Первые публикации с обсуждением проблем цифрового неравенства появились в европейских источниках во второй половине XX в. В научных исследованиях эту проблематику начинают рассматривать несколько позже, после публикации трех отчетов Национального управления по телекоммуникациям и информации Министерства торговли США [5–7], в последнем из которых была предпринята попытка дать определение «digital divide» – «цифрового неравенства» или «цифрового разрыва» [8]. На международном уровне о цифровом неравенстве активно заговорили в 1997 г. в ходе обсуждения в ООН программы развития стран «третьего мира». В Хартии глобального информационного общества, принятой на

саммите Большой восьмерки в 2000 г., зафиксировано, что «информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества» [9, с. 51]. В Окинавской хартии о глобальной проблеме информационного неравенства и преодолении его последствий было выдвинуто в качестве одной из целей мирового сообщества «развитие людских ресурсов, способных отвечать требованиям века информации» [10]. Современное видение цифрового неравенства оценивается как приобретшее тотальный масштаб, о чем было заявлено на Всемирном саммите по вопросам информационного общества в Женеве в 2003 г.

Что касается интенсивности исследований по проблематике цифрового неравенства российскими исследователями, частотные характеристики такого изучения представлены на рисунке.

Частота использования тегов «Цифровое неравенство» в публикациях научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU за последние 30 лет (единиц цитирования)

The frequency of using the “Digital inequality” tags in the publications of the scientific electronic library eLibrary.RU for the last 30 years (citation units)

Как можно видеть, первые публикации по тематике составили материалы конференции «Проблемы и перспективы развития информационного пространства Приволжского федерального округа», проведенной в 2001 г. [11]. Затем в 2004 г. вышла в свет статья С. Н. Гриняева «Цифровое неравенство наций» в «Независимом военном обозрении» [12, с. 20]. В 2007 г. Д. В. Пименовой была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук «Информационное неравенство в современном российском обществе (социально-территориальный аспект)» [13]. И все же это были только единичные попытки привлечь внимание общественности к назревающей проблеме. Сколько-нибудь значимая активность российских исследований начинается только с 2017–2018 гг., когда публикаций по теме цифрового неравенства становится довольно много. При этом следует отметить, что, начиная с этого периода, за 5–6 последних лет такие исследования становятся все более активными, и к 2023 г. появляется в год около 500 статей, тезисов и прочих публикаций в российских научных изданиях, посвященных этому виду неравенства.

Если сравнивать количество публикаций о сетевизации и цифровом неравенстве, то проблематике исследований сетевых потоков российские ученые уделяют внимание примерно в

пять раз меньше, чем проблемам цифрового неравенства. Например, в 2023 г. публикаций о сетевизации была посвящено 161 статья, в то время как цифровому неравенству – 534. При этом коннотация обращения к публикациям о цифровом неравенстве отчетливо негативная. Анализ сочетания понятия «цифровое неравенство» в системе «Букварикс» соседствует с такими словами, как «устранение цифрового неравенства», «программа устранения цифрового неравенства», «проект устранения цифрового неравенства», «ликвидация устранения цифрового неравенства», «пути преодоления устранения цифрового неравенства» и др. Но, несмотря на это, круг новых проблем, связанных с цифровым неравенством, постоянно нарастает, о чем свидетельствует проведенный анализ. Обобщим итоги исследования.

Результаты и обсуждение.

Результат 1. Выявлена прямая зависимость между ростом уровня экономического развития и уровня цифрового неравенства. Такая зависимость фиксируется на уровне личностей, социальных групп, развитых стран, а также на уровне межстранового цифрового пространства [3, p. 289].

Уже в конце первого десятилетия XXI в. исследователи обнаружили, что люди с более высоким социально-экономическим статусом и большими когнитивными ресурсами, главным образом благодаря качеству образования, пользуются Интернетом чаще, чем те, у кого более низкий социально-экономический статус и меньше когнитивных ресурсов [8]. В онлайн-активности молодые люди больше склонны к «приумножению капитала», в то время как люди с более низким уровнем образования и меньшими семейными ресурсами больше склонны к «развлечениям и досугу», что является механизмом цифрового неравенства [14]. Эти же эффекты были обнаружены в исследованиях цифровой среды. На раннем этапе ее исследования П. Димаджио и Е. Харгитэй проанализировали данные американского общенационального социального опроса 2000 г. и обнаружили, что факторы социального и экономического статуса, такие как образование и доход, положительно повлияли на использование Интернета для поиска информации. Групповые экономические различия в реальности приводят к тому, что только некоторые пользователи могут расширять свои социальные возможности благодаря Интернету [15]. На основе этого вывода впервые в социологическом дискурсе был предложен термин «цифровое неравенство».

Еще более существенным цифровое неравенство оказывается в различных регионах и периферийных территориях. Например, в сельской местности не только стоимость доступа в Интернет высока, но большинство людей вообще им не пользуются. Двойное неблагоприятное положение сельских жителей с точки зрения доступа к Интернету затрудняет им получение экономических или иных выгод [16, p. 19]. С. Парк и Дж. Ким сформулировали концепцию «цифровой изоляции сельских жителей», в которой показано, что существующие факторы социальной изоляции и цифрового неравенства взаимодействуют, создавая дилемму «двойного цифрового неравенства» [16].

В целом, для большинства исследователей становится очевидным и доказанным фактом, что доходность работников информационного сектора растет быстрее [17–20]. Настоящий вывод позволил П. Димаджио и Ф. Гарип сделать важное предположение о возникновении нового типа капитала – «цифрового капитала», который впоследствии позволил отличать современных «белых воротничков» от «синих» [17, 21, 22].

Результат 2. Цифровизация вносит кардинальные коррективы в классические критерии анализа социальной структуры общества.

Это связано с распространенностью двух технологий: digitization («оцифровка» – перевод/преобразование информации из аналогового формата в цифровой) и digitalization («цифровизация» – использование цифровых технологий и цифровых данных) [23]. Анализ публикаций позволяет утверждать, что к настоящему времени сложилось два основных направления влияния цифрового неравенства на социальную структуру. Во-первых, как минимум это влияние цифровизации на изменение традиционных критериев стратификации, наполнение новыми смыслами критерии – дохода, власти и престижа профессии. Так, доход может оцениваться не только как оценка денежных средств, но предполагает учет таких явлений, как криптовалюта (цифровые децентрализованные деньги). Во властном критерии увеличивается компонента информационной власти. При этом информационные основания власти становятся все более доступными и в то же время неустойчивыми [24, с. 75]. И, наконец, профессиональный критерий также приобретает менее устойчивые черты. Soft skills и междисциплинарные профессиональные компетенции начинают доминировать над узкоспециализированными и над hard skills. Многие авторы пишут, что профессии как таковые перестают существовать, и исследователи все больше ориентируются на полученный набор компетенций [25, с. 23; 26, с. 590]. Во-вторых, как максимум возникают новые формы социальной стратификации, генерируемые процессами цифровизации [27]. Отношения, лежащие в основе цифрового и сетевого сообщества, порождают все более фрагментированные и неравные социальные группы, генерируя новые формы бедности, отчуждения, социальной изоляции и разделения [27–29]. Это характерно в том числе и для восточных регионов. Например, в Китае практически сформировалась новая «цифровая социальная стратификация»: впервые исследователи выявили существование промежуточного слоя между традиционными владельцами информации и несобственниками, т. е. локации респондентов, «не обладающих информацией» (information have-less) [30, 31].

Эти и другие аргументы позволяют говорить о том, что цифровой ресурс начинает выполнять роль базового стратификационного критерия в обществе [32, с. 177]. В частности, огромные масштабы применения этих технологий по представлениям китайских исследователей [33] позволяют предложить радикальный подход к новому стандарту классификации социальной стратификации, основанный на степени развития информационного общества. С их точки зрения, трансформация социальной стратификации на основе цифровой информационной грамотности позволяет разделить все социальные группы на пять слоев: цифровая элита, цифровые богатые, цифровой средний класс, цифровая бедность и цифровое обнищание.

Результат 3. В противовес росту цифрового неравенства в интернет-пространстве формируются социальные связи поддержки, предполагающие выравнивание отношения к потенциалам информационного пространства.

Во-первых, Интернет стал важным способом увеличения индивидуального социального капитала, и эта особенность более очевидна среди молодых групп. Было обнаружено, что использование популярных социальных сетей может расширять круг общения, увеличивать социальный капитал и снижать уровень социального неравенства [34]. В исследова-

нии С. Рейнс и Э. Цеци были проверены противоречивые прогнозы о последствиях использования Интернета для традиционного неравенства в доступе к социальной поддержке. Полученные результаты свидетельствовали в пользу концепции социальной компенсации [31]. Традиционное неравенство в доступности поддержки, связанное с возрастом, расой и общим размером Сети, сохранялось среди респондентов, которые не пользовались Интернетом. Использование Всемирной паутины для связи с другими людьми, по-видимому, было важным механизмом, с помощью которого уменьшалось неравенство в доступе к поддержке [31]. Таким образом, в эпоху Интернета его использование для взаимодействия с другими людьми станет важным механизмом устранения неравенства.

Во-вторых, реальное неравенство постоянно воспроизводится в цифровом пространстве. Наряду с этим исследователи обнаружили, что внешняя поддержка эффективна по крайней мере в формировании социального капитала. Чем выше социальная поддержка человека, особенно на ранних стадиях получения доступа в Интернет, тем больше вероятность того, что он выйдет в Интернет в качестве активного пользователя и сформирует множество виртуальных связей. Янь Хуэй и соавторы также обнаружили, что социальная поддержка помогает сельским жителям выбраться из бедности благодаря цифровизации [33]. Кроме того, Ши Юньцин провел исследование феномена цифрового неравенства в использовании Интернета студентами колледжей и обнаружил, что группы, имеющие преимущества в классе и внешних ресурсах, могут использовать более разнообразные цифровые ресурсы [35].

В-третьих, Интернет выполняет «стимулирующую» функцию, способствуя неинституциональному участию в политической жизни. В Китае [36, 37] обнаружили, что ежедневное его использование городскими жителями этой страны расширяет их неинституционализированное участие в политической жизни.

В-четвертых, Д. Джадж и соавторы выявили, что доступ к домашней сети и частота использования Интернета влияет на успеваемость учащихся [38].

Заключение. Обобщенный анализ показывает, что по мере цифровизации цифровые различия, как правило, усиливаются, а не исчезают. Позитивный результат цифровизации как возможность выравнивания социального неравенства в настоящее время оказывается менее значимым. С появлением информационного общества цифровое неравенство становится все более важной новой формой социального неравенства. Исследования цифрового неравенства являются прямым наследием исследований цифрового разрыва, они проводятся уже более двадцати лет. Если рассматривать дальнейшую перспективу исследований, можно отметить, что на углубление процессов цифрового неравенства влияет множество факторов, в том числе социально-экономический статус отдельных лиц и семей; различия в навыках работы с цифровыми технологиями. Сократить различия в цифровых навыках между отдельными людьми может эффективная внешняя социальная поддержка. В любом случае цифровой капитал, которым обладают отдельные лица, может формировать и изменять жизненные возможности человека различными способами, такими как накопление капитала, участие в общественных делах и улучшение образовательных перспектив. Цифровое неравенство усиливает традиционное неравенство и, таким образом, происходит расширение изначальных характеристик социального неравенства. Исследования в области цифрового неравенства сталкиваются с некоторыми очевидными проблемами и вызовами, которые еще только предстоит осмысливать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. World Development Report 2016: Digital Dividends // The World Bank Group. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/896971468194972881/pdf/102725-PUB-Replacement-PUBLIC.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).
2. Van Deursen A., Van Dijk J. New Media and the Digital Divide // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2nd ed. / J. D. Wright (ed.). NY: Elsevier, 2015. P. 787–792. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.95086-4>.
3. Cruz-Jesus F., Oliveira T., Bacao F. Digital divide across the European Union // Information & Management. 2012. Vol. 49, iss. 6. P. 278–291. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.im.2012.09.003>.
4. Положихина М. А. Информационно-цифровое неравенство как новый вид социально-экономической дифференциации общества // Экономические и социальные проблемы России. 2017. № 2. С. 119–142.
5. Racial divide continues to grow: Falling through the Net. Defining the digital divide. Washington: National Telecommunications and Information Administration, 1999. URL: <https://www.ntia.gov/sites/default/files/data/fttn99/FTTN.pdf> (дата обращения: 16.07.2024).
6. Falling through the Net: A survey of the «Have nots» in rural and urban America. Washington: National Telecommunications and Information Administration, 1995. URL: <https://www.ntia.gov/page/falling-through-net-survey-have-nots-rural-and-urban-america> (дата обращения: 25.07.2024).
7. Falling through the Net II: New data on the digital divide. Washington: National Telecommunications and Information Administration, 1998. URL: <https://www.ntia.gov/page/falling-through-net-ii-new-data-digital-divide> (дата обращения: 02.08.2024).
8. Костина Н. Б., Чижов А. А. Цифровое неравенство при цифровизации образовательного процесса: социологический аспект // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2023. № 1 (82). С. 48–59. DOI: 10.26105/SSPU.2023.82.1.005.
9. Окинавская хартия глобального информационного общества // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51–56.
10. Окинавская хартия глобального информационного общества // Развитие информационного общества в России. Т. 2: Концепции и программы: сб. документов и материалов / под ред. Н. В. Борисова, Ю. Е. Хохлова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 63–71.
11. Проблемы и перспективы развития информационного пространства Приволжского федерального округа: материалы науч. конф., Пермь, 11–12 апр. 2001 г. Пермь: Пермский центр науч.-технич. информации, 2001.
12. Гриняев С. Н. Цифровое неравенство наций // Независимое военное обозрение. 30.01.2004. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2004-01-30/4_information.html (дата обращения: 18.08.2024).
13. Пименова Д. В. Информационное неравенство в современном российском обществе (социально-территориальный аспект): дис. ... канд. социол. наук / ПензГТА. Пенза, 2007.
14. Бурнаева Е. М., Саломатова С. Н. Цифровая профориентация как необходимая реальность // Управление образованием: теория и практика. 2022. № 1 (47). С. 34–44. DOI: 10.25726/j5344-2121-8154-v.
15. DiMaggio P., Hargittai E. From the «digital divide» to «digital inequality»: Studying Internet use as penetration increases, 2001. URL: https://digitalinclusion.typepad.com/digital_inclusion/documentos/digitalequality.pdf (дата обращения: 05.05.2024).
16. Park S., Kim G. Same Access, Different Uses, and the Persistent Digital Divide between Urban and Rural Users // The 43rd Research Conference on Communication, Information and Internet Policy. (TPRC), Arlington, VA, 25–27 Sep. 2015 / George Mason Univ. Arlington, 2015. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2582046 (дата обращения: 23.07.2024).

17. DiMaggio P., Garip F. Network effect and social inequality // *Annual Review of Sociology*. 2012. Vol. 38. P. 93–118. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102545>.
18. Peacock S. E. The Historical Influence of Computer Use at Work on Income in the Late Twentieth Century // *Social Science Computer Review*. 2008. Vol. 26, iss. 3. P. 334–349. DOI: [10.1177/0894439307309285](https://doi.org/10.1177/0894439307309285).
19. Дубинина М. Г. Влияние информационных технологий на динамику занятости в России и за рубежом // *Управление наукой и наукометрия*. 2017. Т. 12, № 2. С. 109–133.
20. Аранжин В. В. Взаимосвязь заработной платы и производительности труда: тенденции в условиях цифровизации экономики // *Экономика труда*. 2019. Т. 6, № 1. С. 523–534. DOI: [10.18334/et.6.1.39938](https://doi.org/10.18334/et.6.1.39938).
21. Park S. *Digital Capital*. London: Palgrave Macmillan, 2017. DOI: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-59332-0>.
22. Вартанова Е. Л., Гладкова А. А., Дунас Д. В. Цифровой капитал как гибридный нематериальный капитал: теоретические подходы и практические решения в российском контексте // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2022. Т. 11, № 1. С. 6–26. DOI: [10.17150/2308-6203.2022.11\(1\).6-26](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(1).6-26).
23. Кудрявцева Т. Ю., Кожина К. С. Основные понятия цифровизации // *Вестн. академии знаний*. 2021. № 44 (3). С. 149–151. DOI: [10.24412/2304-6139-2022-11228](https://doi.org/10.24412/2304-6139-2022-11228).
24. Гришаева С. А. Социальные трансформации в условиях цифровой среды // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология*. 2020. Т. 26, № 1. С. 70–81. DOI: [10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81).
25. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // *Социол. исслед.* 2019. № 1. С. 18–28. DOI: [10.31857/S013216250003744-1](https://doi.org/10.31857/S013216250003744-1).
26. Забелина О. В., Майорова А. В., Матвеева Е. А. Трансформация востребованности навыков и профессий в условиях цифровизации российской экономики // *Экономика труда*. 2020. Т. 7, № 7. С. 589–608. DOI: [10.18334/et.7.7.110666](https://doi.org/10.18334/et.7.7.110666).
27. Курганская В. Д., Дунаев В. Ю. Цифровизация как моделирующая система социальной стратификации // *Социальные новации и социальные науки*. 2021. № 1 (3). С. 46–64. DOI: [10.31249/snsn/2021.01.05](https://doi.org/10.31249/snsn/2021.01.05).
28. Осипова Н. Г., Вершинина И. А., Мартыненко Т. С. Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // *Социол. исслед.* 2019. № 1. С. 153–155. DOI: [10.31857/S013216250003758-6](https://doi.org/10.31857/S013216250003758-6).
29. Иванов Д. В. Новый подход к оценке социального развития // *Социол. исслед.* 2021. № 1. С. 50–62. DOI: [10.31857/S013216250010462-1](https://doi.org/10.31857/S013216250010462-1).
30. Cartier C., Castells M., Qiu J. L. The Information Have-Less: Inequality, Mobility and Translocal Networks in Chinese Cities // *Studies in Comparative International Development*. 2005. Vol. 40, no. 2. P. 9–34. DOI: [10.1007/BF02686292](https://doi.org/10.1007/BF02686292).
31. Rains S., Tsetsi E. Social support and digital inequality: Does Internet use magnify or mitigate traditional inequities in support availability? // *Communication Monographs*. 2017. Vol. 84, iss. 1. P. 54–74. DOI: [10.1080/03637751.2016.1228252](https://doi.org/10.1080/03637751.2016.1228252).
32. Вершинская О. Н. Новый фактор социальной стратификации // *Социально-политические науки*. 2016. № 2. С. 176–180.
33. Yan Hui, Zhou Wenjie, Han Shenglong. Social Capital, Digital Inequality, and a “Glocal” Community Informatics Project in Tianzhu Tibetan Autonomous County, Gansu Province // *Library Trends*. 2013. Vol. 62, no. 1. P. 234–260. DOI: [10.1353/lib.2013.0031](https://doi.org/10.1353/lib.2013.0031).
34. Климовицкий С. В., Осипов Г. В. Цифровое неравенство и его социальные последствия // *Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве*. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 47–53.

35. Shi Yun-qing. Reproduction of digital inequality – A case study of college students' internet use // J. of Lanzhou University (Social Science). 2014. Iss. 6. P. 69–75.

36. Huang R., Gui Y. The internet and homeowners' collective resistance: A qualitative comparative analysis // Sociological Studies. 2009. № 5. P. 29–56.

37. Chen Yunsong. Segregation of ideas: The intra-group polarization in the cyberspace of contemporary China // Sociological Studies. 2022. № 37 (4). P. 117–135.

38. Judge S., Puckett K., Bell S. M. Closing the Digital Divide: Update from the Early Childhood Longitudinal Study // The J. of Educational Research. 2006. № 100 (1). P. 52–60. DOI: <https://doi.org/10.3200/JOER.100.1.52-60>.

Информация об авторах.

Лебединцева Любовь Александровна – доктор социологических наук (2012), доцент (2016), ассоциированный член Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, 190005, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: экономическая социология, интеллектуальный труд, современная китайская социология.

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук (2002), ассоциированный член, руководитель Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, 190005, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии.

Чжан Хайлунь – преподаватель, Школа марксизма, Колледж Наньфан, № 882, пр. Вэньцюань, р-н Цунхуа, Гуанчжоу, 510970, Китай; соискатель кафедры социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 13 научных публикаций. Сфера научных интересов: урбанизация, социальная структура, городское пространство, социальное неравенство.

Кадыров Абдурашид Маджидович – доктор экономических наук (1991), профессор (1992), заведующий сектором «Рациональное размещение производительных сил и комплексное развитие регионов» научно-исследовательского центра научных основ и проблем развития экономики Узбекистана Ташкентского государственного экономического университета, ул. Ислама Каримова, д. 49, Ташкент, 100066, Узбекистан. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: региональные социально-экономические исследования, современная китайская социология.

Фасахудинов Владислав Вадимович – аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: сетевые методы исследования ценностей.

Авторский вклад.

Лебединцева Любовь Александровна – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Дерюгин Павел Петрович – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Чжан Хайлунь – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Кадыров Абдурашид Маджидович – сбор эмпирического материала, обработка, анализ и интерпретация данных.

Фасахудинов Владислав Вадимович – сбор эмпирического материала, обработка, анализ и интерпретация данных.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 21.06.2024; принята после рецензирования 02.07.2024; опубликована онлайн 23.12.2024.

REFERENCES

1. "World Development Report 2016: Digital Dividends" (2016), *The World Bank Group*, available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/896971468194972881/pdf/102725-PUB-Replacement-PUBLIC.pdf> (accessed 01.06.2024).

2. Van Deursen, A. and Van Dijk, J. (2015), "New Media and the Digital Divide", *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 2nd ed., Wright, J.D. (ed.), Elsevier, NY, USA, pp. 787–792. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.95086-4>.

3. Cruz-Jesus, F., Oliveira, T. and Bacao, F. (2012), "Digital Divide across the European Union", *Information & Management*, vol. 49, iss. 6, pp. 278–291. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.im.2012.09.003>.

4. Polozhikhina, M.A. (2017), "Information and Digital Inequality as a New Type of Socio-economic Differentiation of Society", *Economic and Social Problems of Russia*, no. 2, pp. 119–142.

5. "Racial divide continues to grow: Falling through the Net. Defining the digital divide" (1999), *National Telecommunications and Information Administration*, Washington, USA, available at: <https://www.ntia.gov/sites/default/files/data/fttn99/FTTN.pdf> (accessed 16.07.2024).

6. "Falling through the Net: A survey of the «Have nots» in rural and urban America" (1995), *National Telecommunications and Information Administration*, Washington, USA, available at: <https://www.ntia.gov/page/falling-through-net-survey-have-nots-rural-and-urban-america> (accessed 25.07.2024).

7. "Falling through the Net II: New data on the digital divide" (1998), *National Telecommunications and Information Administration*, Washington, USA, available at: <https://www.ntia.gov/page/falling-through-net-ii-new-data-digital-divide> (accessed 02.08.2024).

8. Kostina, N.B. and Chizhov, A.A. (2023). "Digital Divide During the Digitalization of the Educational Process: a Sociological Aspect", *Surgut State Pedagogical Univ. Bulletin*, no. 1 (82), pp. 48–59. DOI: 10.26105/SSPU.2023.82.1.005.

9. "Okinawan Charter of the Global Information Society" (2000), *Diplomatic J.*, no. 8, pp. 51–56.

10. "Okinawan Charter of the Global Information Society" (2001), *Razvitie informatsionnogo obshchestva v Rossii. T. 2: Kontseptsii i programmy* [Development of the Information Society in Russia. Vol. 2: Concepts and Programs], in Borisov, N.V. and Khokhlov, Yu.E. (eds.), SPbSU, SPb., RUS, pp. 63–71.

11. *Problemy i perspektivy razvitiya informatsionnogo prostranstva Privolzhskogo federal'nogo okruga* [Problems and prospects for the development of the information space of the Volga Federal District] (2001), Materials of a Scientific Conf., 11–12 April 2001, Perm, RUS.

12. Grinyaev, S.N. (2004), "Digital inequality of nations", *Nezavisimoe voennoe obozrenie* [Independent Military Review], 30.01.2004, available at: https://nvo.ng.ru/concepts/2004-01-30/4_information.html (accessed 18.08.2024).

13. Pimenova, D.V. (2007), "Information Inequality in Modern Russian Society (Socio-Territorial Aspect)", Can. Sci. (Sociology) Thesis, PenzGTA, Penza, RUS.

14. Burnaeva, E.M. and Solomatova, S.N. (2022), "Digital Career Guidance as a Necessary Reality", *Education Management Review*, no. 1 (47), pp. 34–44. DOI: 10.25726/j5344-2121-8154-v.

15. DiMaggio, P. and Hargittai, E. (2001), *From the «digital divide» to «digital inequality»: Studying Internet use as penetration increases*, available at: https://digitalinclusion.typepad.com/digital_inclusion/documentos/digitalequality.pdf (accessed 05.05.2024).

16. Park, S. and Kim, G. (2015), "Same Access, Different Uses, and the Persistent Digital Divide between Urban and Rural Users", *The 43rd Research Conference on Communication, Information and Inter-net Policy (TPRC)*, Arlington, VA, USA, 25–27 Sep. 2015, available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2582046 (accessed 23.07.2024).

17. DiMaggio, P. and Garip, F. (2012), "Network effect and social inequality", *Annual Review of Sociology*, vol. 38, pp. 93–118. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102545>.

18. Peacock, S.E. (2008), "The Historical Influence of Computer Use at Work on Income in the Late Twentieth Century", *Social Science Computer Review*, vol. 26, iss. 3, pp. 334–349. DOI: 10.1177/0894439307309285.

19. Dubinina, M.G. (2017), "Impact of information technology on the dynamics of employment in Russia and abroad", *Science Governance and Scientometrics*, vol. 12, no. 2, pp. 109–133.

20. Aranzhin, V.V. (2019), "The Relationship of Wages and Productivity: Trends in the Conditions of Economy", *Russian J. of Labor Economics*, vol. 6, no. 1, pp. 523–534. DOI: 10.18334/et.6.1.39938.

21. Park, S. (2017), *Digital Capital*, Palgrave Macmillan, London, UK. DOI: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-59332-0>.

22. Vartanova, E.L., Gladkova, A.A., Dunas, D.V. (2022), "Social Digital Capital as Hybrid Non-Material Capital: Theoretical Approaches and Practical Solutions in the Russian Context", *Questions of Theoretical and Practical Issues of Journalism*, vol. 11, no. 1, pp. 6–26. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(1).6-26.

23. Kudryavtseva, T.Yu. and Kozina, K.S. (2021), "Basic Concepts of Digitalization", *Vestnik akademii znanii* [Bulletin of the Knowledge Academy], no. 44 (3), pp. 149–151. DOI: 10.24412/2304-6139-2022-11228.

24. Grishaeva, S.A. (2020), "Social transformations within the conditions of digital environment", *Moscow State Univ. Bulletin. Ser. 18. Sociology and Political Science*, vol. 26, no. 1, pp. 70–81. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81.

25. Buzgalin, A.V. and Kolganov, A.I. (2019), "Social Structure Transformation of Late Capitalism: From Proletariat and Bourgeoisie Towards Precariat and Creative Class?", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 1, pp. 18–28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1.

26. Zabelina, O.V., Mayorova, A.V. and Matveeva, E.A. (2020), "The Transformation of Demand for Skills and Professions in Terms of Digitalization of the Russian Economy", *Russian J. of Labor Economics*, vol. 7, no. 7, pp. 589–608. DOI: 10.18334/et.7.7.110666.

27. Kurganskaya, V.D. and Dunaev, V.Yu. (2021), "Digitalization as a Modeling System of Social Stratification", *Social Novelties and Social Sciences*, no. 1 (3), pp. 46–64. DOI: 10.31249/snsn/2021.01.05.

28. Osipova, N.G., Vershinina, I.A. and Martynenko, T.S. (2019), "Inequality and Uncertainty: Current Challenges for Cities", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 1, pp. 153–155. DOI: 10.31857/S013216250003758-6.

29. Ivanov, D.V. (2021), "New Approach to Assessment of Social Development", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 1, pp. 50–62. DOI: 10.31857/S013216250010462-1.

30. Cartier, C., Castells, M. and Qiu, J.L. (2005), "The Information Have-Less: Inequality, Mobility and Translocal Networks in Chinese Cities", *Studies in Comparative International Development*, vol. 40, no. 2, pp. 9–34. DOI: 10.1007/BF02686292.

31. Rains, S. and Tsetsi, E. (2017), "Social Support and Digital Inequality: Does Internet Use Magnify or Mitigate Traditional Inequities in Support Availability?", *Communication Monographs*, vol. 84, iss. 1, pp. 54–74. DOI: 10.1080/03637751.2016.1228252.

32. Vershinskaya, O.N. (2016), "New Factor of Social Stratification", *Sociopolitical Sciences*, no. 2, pp. 176–180.

33. Yan, Hui, Zhou, Wenjie and Han, Shenglong (2013), "Social Capital, Digital Inequality, and a "Glocal" Community Informatics Project in Tianzhu Tibetan Autonomous County, Gansu Province", *Library Trends*, no. 62, iss. 1, pp. 234–260. DOI: 10.1353/lib.2013.0031.

34. Klimovitskii, S.V. and Osipov, G.V. (2020), "Digital Inequality and its Social Consequences", *Novaya sotsial'naya real'nost': sistemoobrazuyushchie faktory, bezopasnost' i perspektivy razvi-tiya. Rossiya v tekhnosotsial'nom prostranstve* [New Social Reality: System-forming Factors, Security and Prospects of Development. Russia in the Techno-social Space], Nestor-Istoriya, Moscow, SPb., pp. 47–53.

35. Shi, Yun-qing (2014), "Reproduction of digital inequality – A case study of college students' internet use", *J. of Lanzhou University (Social Science)*, iss. 6, pp. 69–75.

36. Huang, R. and Gui, Y. (2009), "The internet and homeowners' collective resistance: A qualitative comparative analysis", *Sociological Studies*, no. 5, pp. 29–56.

37. Chen, Yunsong (2022), "Segregation of ideas: The intra-group polarization in the cyberspace of con-temporary China", *Sociological Studies*, no. 37 (4), pp. 117–135.

38. Judge, S., Puckett, K. and Bell, S.M. (2006), "Closing the Digital Divide: Update from the Early Childhood Longitudinal Study", *The J. of Educational Research*, no. 100 (1), pp. 52–60. DOI: <https://doi.org/10.3200/JOER.100.1.52-60>.

Information about the authors.

Liubov A. Lebedintseva – Dr. Sci. (Sociology, 2012), Docent (2016), Associate Member, Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia; Professor at the Department of Economic Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of more than 150 scientific publications. Area of expertise: economic sociology, intellectual labor, modern Chinese sociology.

Pavel P. Deriugin – Dr. Sci. (Sociology, 2002), Associate Member, Head of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia; Professor at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 200 scientific publications. Area of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology.

Zhang Hailun – Lecturer, School of Marxism, Nanfang College, No. 882, Wenquan Avenue, Conghua District, Guangzhou 510970, China; Applicant at the Department of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 13 scientific publications. Area of expertise: urbanization, social structure, urban space, social inequality.

Abdurashid M. Kadirov – Dr. Sci. (Economics, 1991), Professor (1992), Head of the Sector "Rational Distribution of Productive Forces and Comprehensive Development of Regions" of the Research Center for Scientific Foundations and Problems of Economic Development of Uzbekistan, Tashkent State University of Economics, 49 Islama Karimova str., Tashkent 100066, Uzbekistan. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: regional socio-economic studies, modern Chinese sociology.

Vladislav V. Fasakhudinov – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg

197022, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: network methods of values research in Russia.

Author's contribution.

Liubov A. Lebedintseva – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparation of the text.

Pavel P. Deriugin – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparation of the text.

Zhang Hailun – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparation of the text.

Abdurashid M. Kadirov – collection of empirical material, processing, analysis and interpretation of data.

Vladislav V. Fasakhudinov – collection of empirical material, processing, analysis and interpretation of data.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 21.06.2024; adopted after review 02.07.2024; published online 23.12.2024.*

Original paper

УДК 81

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-108-123>

Conditional Constructions in Yemsa

Mitike Asrat¹✉, Girma Mengistu², Endalew Assefa³

^{1, 2, 3}Addis Ababa University, Addis Ababa, Ethiopia

¹✉mitikeasrat2727@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-4856-7514>

²girma.mengistu@aau.edu.et

³endexye2006@gmail.com

Introduction. The main objective of this study is to produce a comprehensive description of Yemsa conditional constructions. The existing studies do not describe conditional clauses in Yemsa. This study aims to fill the gap in the description of the internal structure conditional clause of Yemsa.

Methodology and sources. The data were collected through the elicitation technique through informant interviews about the conditional clause in Yemsa. The data were analyzed using a descriptive approach without considering any particular theoretical framework. The data was described and analyzed in light of general definitions and typological classifications of conditional constructions in the linguistic literature.

Results and discussion. Antecedent and consequent clauses are attested. The morphemes occur in different types of conditional clauses. Canonical and non-canonical forms of conditional have been identified. The semantic-based classification of Yemsa conditionals is dealt with in light of Thompson et al.'s typological view. Real, unreal, counterfactual, hypothetical, concessive, and exceptive conditional are discussed. In Yemsa, the protasis of the real conditional clause type differs from the unreal protasis conditional clause type. A subordinate clause (the protasis) states some condition, the truth of which is not asserted, under which another main clause (the apodosis) holds.

Conclusion. The study will provide some syntactic data to researchers in the comparative syntactic description of the Omoto languages about conditional clauses. It will serve as a good resource material for further theoretical studies concerning conditional constructions in general.

Keywords: Yemsa, conditional clause, antecedent clause, consequent clause, canonical forms, non-canonical forms

For citation: Mitike Asrat, Girma Mengistu, Endalew Assefa (2024), "Conditional Constructions in Yemsa", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 6, pp. 108–123. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-108-123.

Acknowledgments: I thank the informants who participated in the interview. This paper is dedicated to my mother, Fentaye Ahmed (Eteweyiwa), and to my father, Asrat Demeke.

© Mitike Asrat, Girma Mengistu, Endalew Assefa, 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Оригинальная статья

Условные конструкции в языке йемса

Митике Асрат¹✉, Гирма Менгисту², Эндейлу Ассефа³

^{1, 2, 3}Университет Аддис-Абебы, Аддис-Абеба, Эфиопия

¹✉mitikeasrat2727@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-4856-7514>

²girma.mengistu@aau.edu.et

³endexye2006@gmail.com

Введение. Основной целью настоящего исследования является комплексное описание условных конструкций в языке йемса. Существующие исследования не раскрывают структуру условных предложений в языке народа йем. Данное исследование призвано восполнить этот пробел.

Методология и источники. Сбор данных осуществлялся методом элективного интервью с информантами на предмет условных предложений в языке йемса. Данные были проанализированы с использованием описательного подхода без учета какой-либо конкретной теоретической базы. Описание и анализ данных выполнены на базе общих определений и типологических классификаций условных конструкций в лингвистической литературе.

Результаты и обсуждение. В рамках исследования были установлены антецедент и консеквент условных предложений. Показано использование морфем в различных типах условных предложений. Выделены канонические и неканонические формы условных конструкций. Семантическая классификация условных предложений языка йемса рассматривается на базе типологического взгляда, предложенного Томпсоном и др. Рассмотрены реальные, нереальные, контрфактические, гипотетические, уступительные и исключительные условные конструкции. В языке йемса протазис реального условного предложения отличается от протазиса нереального условного предложения. Подчиненное предложение (протазис) вводит некоторое условие, истинность которого не утверждается, при котором выполняется другое главное предложение (аподозис).

Заключение. Исследование содержит синтаксические данные для сопоставительного синтаксического описания условных предложений в омотских языках и может быть использовано для дальнейших теоретических исследований, касающихся условных конструкций в целом.

Ключевые слова: язык йемса, условное предложение, антецедент, консеквент, канонические формы, неканонические формы

Благодарность: авторы благодарят всех лиц, согласившихся принять участие в интервью для проведения данного исследования. Статья посвящается Фентайе Ахмед (Этевейива) и Асрату Демеке.

Для цитирования: Митике Асрат, Гирма Менгисту, Эндейлу Ассефа. Условные конструкции в языке йемса // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 6. С. 108–123. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-108-123.

Introduction. Yemsa is an Omotic language that belongs to the Yem-Kefoid sub-group of the TN group languages [1–3]. The total population of Yem is 159,923 [4].

The number and depth of studies are limited and untouchable in the conditional clause of Yemsa. Thus, this study aims to fill the gap by the description of the internal structure conditional clause of Yemsa. This gap exposes a crucial area of linguistic inquiry, considering the potential of

such studies to illuminate the interconnection between morphology, syntax, and semantics in lesser-documented languages.

The study will address the following research questions:

1. What kind of conditional clause types occur in Yemsa, and what morphological markers are involved in the conditional construction?
2. What are strategies used to form a conditional clause, and what are morpho-syntactic features of Yemsa protases and apodoses?
3. What are typological classification and syntactic forms of Yemsa conditional constructions?

Methodology and sources. The description of conditional clause uses the typology of Thompson et al. [5]. The typologies corresponding to the objectives apply to the analyses. This consideration shows that a descriptive approach applies to the analyses.

The informants were selected based on their language competence. All informants are native speakers of Yemsa. The data for this study has been collected from the Saja and Fofa areas, where the native speakers of the language live. Four informants, Demeke Jenbere, Tekalegn Ayalew, Almaz Tesfaye, and Adanche Kebede, were used as key informants. According to age, Demeke is 42, Tekalegn is 60, Almaz is 40, and Adanche is 54. In terms of gender, two male and two female informants were consulted. All of them worked on supplying linguistic data and conducting discussion sessions.

The data were collected mainly through informant interviews using the elicitation technique about the internal structure of relative clauses in Yemsa based on the clauses and sentences. The elicited clauses and sentences were uttered for the informants in Amharic. Then, the informants were requested to offer Yemsa counterparts for the clauses and sentences. The data were supplemented by texts. After this event, there are discussion sessions with the informants to clarify the data and minimize confusion.

The data will be described and analyzed in light of general definitions and typological classifications of conditional constructions in the linguistic literature. The data were analyzed qualitatively. The data have been carefully transcribed, annotated, segmented, analyzed, translated, and interpreted based on the collected linguistic data from elicitation. According to the data, the grammatical facts and regular patterns that occurred in the structures are described. Some shortcomings are unavoidable due to time limitations. The data were transcribed phonetically and phonemically through IPA symbols. When there is a difference between phonetic and phonemic forms, four-line glossing is used: (i) phonetic form; (ii) morphological form with morpheme-by-morpheme segmentation; (iii) morphological glossing; (iv) free translation.

Theoretical background. Conditionals consist of protasis and apodosis, in which the conditional clause can be antecedent or protasis, and the main clause can be consequent or apodosis [6–8]. As Häcker [9] contends prototypical use of conditional clauses, as implied by their name, is to state a condition on the fulfillment of which the truth-value of the matrix phrase depends. The antecedent clause precedes the consequent clause, which represents the morpho-syntactically marked part of a conditional construction, taken as a cross-linguistic feature [7]. A conditional construction is a complex sentence made up of a subordinate clause called a protasis, or if-clause, and a main clause called an apodosis; protasis is denoted by p and apodosis by q; the protasis

expresses a condition for the completion of the apodosis proposition [10, 11, 5]. As Podlesskaya [11] argues, protasis is an adverbial sentence that specifies possibilities and the degree of probability. Cross-linguistically, protasis is the morphosyntactically indicated part of a conditional utterance that comes before apodosis [11].

As Comrie [12] argues, conditional clauses in the world's languages indicate varying degrees of hypotheticality; that is, varying degrees of likelihood of truth-values through (i) explicit morphosyntactic features or (ii) deductions from other knowledge sources.

Most languages manifest a semantic-based distinction between real and unreal conditionals [5]. They summarized their semantic-based typology as follows:

Semantic-based distinction between real and unreal conditionals

Conditional clause	
Real	Unreal
1. Present	1. Imaginative
2. Habitual/generic	a. Hypothetical
3. Past	b. Counterfactual
	2. Predictive

Conditional clauses are real and unreal [12]. Again, there are two kinds of unreal conditional clauses: imaginative and hypothetical conditional clauses. The matrix clause is apodosis and an adverbial phrase by a specific conjunction called the protasis or the conditional's if-clause.

Real conditional states that if another proposition (represented by the antecedent sentence) holds, a proposition (expressed by the consequent clause) follows [13] and is unmarked for modality in many languages [14]. Thompson et al. [5] state future conditionals as imaginary and predictive, whereas unreal conditionals describe circumstances that are not real. As Podlesskaya [11] notes, conditionality is shown by segmental devices (affixes or function words) or (less frequently) particular word order patterns. In the related literature, the conditional constructions are relevance, speech act, and biscuit conditionals [15, 7, 8].

Comrie [12] and Givón [16] state cross-linguistically, counterfactual conditionals are distinguished in two ways: (i) by combining two semantically conflicting verbal inflections, such as the prototypically realis past, perfective, or perfect and the prototypically irrealis future, subjunctive, conditional, or modal; and (ii) by dedicated morphology.

Conditional clauses can be interpreted as propositions. As Häcker [9] says, the fundamental pattern of such a clause relationship is "If p, then q". This is known as the "condition proper" relationship. Aside from "condition proper," there are two related categories: "rhetorical condition," in which the form of a conditional clause is used to make an emphatic assertion, and "alternative condition," in which the subordinate clause contains a conditional element modifying the matrix clause content but whose fulfillment is not required for the matrix clause proposition to be true. As Bhatt and Pancheva [7] state, conditional structures are interpreted with the antecedent clause's proposition specifying the (modal) circumstances under which the main clause's proposition is true. As Häcker [9] contends, the prototypical use of conditional clauses, as implied by their name, is to state a condition on the fulfillment of which the truth value of the matrix phrase depends.

Conditional clauses can be expressed in different syntactic forms, as long as the referential dependency between the antecedent and the consequent clause is continuous [17]. The antecedent

clause precedes the consequent clause, which represents the morpho-syntactically marked part of a conditional construction, taken as a cross-linguistic feature [7].

A conditional construction is a complex sentence with a subordinate clause called a protasis, or if-clause, and a main clause called an apodosis. In logic, protasis is denoted by p and apodosis by q . The protasis expresses a condition for the apodosis proposition [10, 11, 5]. Conditionals are a subclass of sentences that contain adverbial clauses of circumstance. The inventory of circumstantial relations is shown by complex sentences [11]. It is a complex structure, which includes an adverbial clause with an antecedent (protasis) and the main clause, called a consequent (apodosis).

Diessel [18] argues that conditional clauses are hypothetical constructions to predict a future event. Conditional expressions are composed of two clauses: protasis ('if') and apodosis ('then') [11]. A protasis is an adverbial sentence that specifies possibilities and the degree of probability. Cross-linguistically, protasis is the morphosyntactically indicated part of a conditional utterance that appears before apodosis [11].

Most languages distinguish between protasis, apodosis, or both. Overt marking of the protasis appears to be the most typical case cross-linguistically, but there are several exceptions, such as Mandarin and Ngiyambaa. Conjunctions, verb form, and subject-verb (or subject-auxiliary) inversion mark the protasis [12]. The most common conditional pattern across languages has the two properties listed below: First, the protasis comes before the apodosis, which means, "In conditional statements, the conditional clause comes before the conclusion, as is the order in all languages. Second, conditionality is expressed in protasis [11]. Conditionality can be indicated through segmental devices (affixes or function words) or, less frequently, particular word order patterns [11]. A conditional marker is a suffix to the subordinate verb or free morphemes within the subordinate phrase. Suffixes are favored as conditional clause markers in languages with non-finite subordinate verbs, although prefixes are frequently employed with subordinate verbs to indicate agreement with the subject. In many languages, the usage of tense or aspect forms of a verb in protasis is limited to a small set of verb forms [11].

The following pieces of information are required to create an accurate representation of a conditional in a given language: the temporal status of combined clauses (do the introduced states of affairs refer to the past, present, or future?), the epistemic status (how does the speaker assess the reality of the introduced states of affairs?), the evaluative status (the speaker's attitude toward the introduced states of affairs in terms of (un)desirability or (dis)approval), and the polarity status (is the reality of the state of affairs introduced in the apodosis) [11]. This information is distributed among three groups of devices: conditional markers proper, grammatical markers on the protasis or (and) on the apodosis (tense, aspect, mood, and polarity markers), and "supporting" lexical devices (adverbial sentence modifiers, quantifiers, and particles). Depending on the grammaticalization approach of a specific language, different parts of this information may be brought together in different ways [11].

Results and discussion. Conditional clause in Yemsa

1. The morpho-syntax of conditional clause. The conditional clause forms from the antecedent and the consequent. The antecedent clause is an adverbial clause that contains the conditional marker; the consequent clause is the main clause. The conditional marker is *-nē* 'COND'. As shown in 1 (a and b):

- (1) a. [wònàwònà ʔisà sàatī dòstòzàqìfáatānē mùzik'ànì ʔàrùnī]
wònàwònà ʔisà sàatī dòstòzàq-fáa-tā-nē mùzk'à-nì ʔàrù
daily one hour practice-SEQ-2S-COND music-ACC lesson
[fòtā ʔimàtā]
fò-tā ʔimà-tā
be.there-2S able to-2S
'You may have music lessons if you practice for an hour a day.'
- b. [bár ʔàkàmànòn ʔimà fèròʃifàanānē jùnìvèrsìtì]
bár ʔàkàmànòn ʔimà fèròʃ-fàa-nā-nē jùnìvèrsìtì
he very hard study-SEQ-3MS-COND university
[ʔáafà gìrùnà]
ʔáafà gìrù-nā
NEG enter-3MS
'He won't go to university unless he studies very hard.'

In 1 (a and b), the conditional clause is constructed from two clauses, which are the antecedent or protasis 'if-clause' and the consequent clause or apodosis 'then-clause.' The antecedent clauses are *wònàwònà ʔisà sàatī dòstòzàqì-fáa-nī-nē* 'if you practice an hour a day' and *bár ʔàkàmànòn zàqìrè fèròʃi-fàa-nā-nē* 'unless he studies very hard' are adverbial clause, which attaches the conditional marker *-nē* in the verb. Whereas the consequent clauses are *mùzìq'ànì ʔàrù fòtā ʔimà-tā* 'you may have music lessons' and *jùnìvèrsìtì ʔáafà gìrù-nā* 'he won't go to university' are the main clauses. Hence, the conditional clause has antecedent and consequent clauses, as in 1 (a and b). As a result, 1 (a and b) are conditional clauses in Yemsa.

Diessel [18] states conditional clauses precede the main clause. In Yemsa, the same happens: the conditional clause precedes the main clause as in 1 (a and b).

Languages employ both grammatical and lexical strategies to express the degree of possibility [11]. As in 2, the degree of possibility is expressed through grammatical means.

- (2) [tàpèfáanīnē ʔàʃnú tèsùnì wòstòsòn hòp'inī ʔimànī]
tàpè-fáa-nī-nē ʔàʃnú tèsùnì wòstòsòn hòp'-nī ʔimà-nī
hurry-SEQ-1P-COND still first act catch-1P able to-1P
'If we hurry, we can still catch the first act.'

On the one hand, morphologically, the conditional clause has a conditional marker in the verb. On the other hand, syntactically, the conditional clause precedes the main clause. Consider the following example:

- (3) [ʔünfánāas tìrtì bèsitèfáanānē kòibàwà tèlevizhìni bījnā]
ʔünfánāa-s tìrtì bèstè-fáa-nā-nē kòibàwà tèlevizhìni
favorite.POSS.1S-DEF show live-SEQ-1S-COND only television
[bījnā]
bīj-nā
watch-1S
'I only watch TV if my favorite show is on.'

Languages employ a variety of techniques to signal whether a given syntactic structure is a conditional or another type of bi-clausal construction; the most prevalent crosslinguistic method

appears to be the explicit marking of the antecedent clause [7]. As shown in 4, Yemsa uses a morphological marking of the antecedent clause. The conditional marker appears in the verb of the antecedent clause.

- (4) [káfànìisik fòjèfáatānē ʔàsùus gīrā sinà-nā]
káfànìisi-k fòjè-fáa-tā-nē ʔàsùu-s gīrā sinà-nā
team-for choose-SEQ-2S-COND man-DEF happy become-3MS
‘The man will be happy if you choose him for your team.’

Conditional markers can be suffixed to the stem [11]. As in 5, the conditional marker is a suffix in the verb of the antecedent clause. Therefore, the conditional marker is a suffix in the stem.

- (5) [dʒàkètiis nèek ʔàkàmànòn ʔinjà sìn-fáa-nā-nē tà sòolénā]
dʒàkèts nèe-k ʔàkàmànòn ʔinjà sìn-fáa-nā-nē tà sòolé-nā
jacket you-for very big become-SEQ-1S-COND i change-1S
[ʃimà-nà]
ʃimà-nà
able to-1S

‘If the jacket is too big for you, I can alter it.’

Many languages that mark the protasis do not usually mark the apodosis [12]. In 5, the conditional marker is *-nē*, attached in the verb form of the antecedent clauses *sìn-fáa-nā-nē*. As a result, it marks the protasis, not the apodosis.

Conditional clauses are formed through suffixation in Yemsa. Hence, the conditional marker attaches to the verb form of the antecedent clause. The presence of the conditional marker in the verb form of the antecedent clause is the basic structure of the conditional clause, as in 6.

- (6) [nèe ʃimà wòstáatānē nèe wòstòos fòtā ʃimà-tā]
nèe ʃimà wòst-áa-tā-nē nèe wòstòo-s fòtā ʃimà-tā
you hard work-SEQ-2S-COND you work-DEF be.there-2S able to-2S
‘You may have the job if you will work hard at it.’

In 6, the conditional clauses are constructed through the suffix *-nē*, attached to the verb form of the antecedent clause. Hence, *wòst-áa-tā-nē* ‘work’ has a conditional marker in the antecedent verb form.

In Afan-Oromo, conditional markers can be affixes linked to the subordinate verb or free morphemes within the subordinate clause [19]. As shown in the following example, this kind of fact also happens in Yemsa, where the conditional marker is affixed to the antecedent clause. It is not a free morpheme. However, it is an affix in the protasis clause.

- (7) [ʃèàsòn gàmìgàlènānē fàalā]
ʃèàsòn gàmìgàlè-nā-nē fàal-nā
ice heat-2S-COND melt-3MS
‘If you heat ice, it melts.’

2. The antecedent (protasis or *if*- clause) and consequent (apodosis or *then* clause).

In Yemsa, the conditional construction has antecedent and consequent clauses. In 8, the antecedent clause has a conditional marker. The antecedent or the protasis (‘if’) clauses have the conditional marker *-nē*, suffixed to the verbal stem. The antecedent (protasis or ‘if’) clause appears in initial positions.

- (8) [màkinà fàar sìnfáanānē sínànà girà kábā]
 màkinà fàar sìn-fáa-nā-nē sìn-nā girà kábā
 car has become-SEQ-3FS-COND become-3FS happy PART
 ‘She would be happy if she had a car.’

In Yemsa, the consequent or apodosis clause appears in the language. In 9, the consequent, or apodosis (then clause), appears in the final position.

- (9) [lòtòrnì tikèti wàagèfáatānē hàtò wàagà mèrtā fìimà-tā]
 lòtòrnì tikèti wàagè-fáa-tā-nē hàtò wàagà mèr-tā fìimà-tā
 lottery ticket buy-SEQ-2S-COND some money win-2S able to-2S
 ‘If you buy a lottery ticket, you might win some money.’

The temporal reference of consequent clauses is non-past, as in 9. The consequent clause of 9 is in the non-completive aspect. The aspectual structures encode that the speaker undertakes the activity after the speech.

As in 9, the conditional marker is attached to the verb form antecedent clauses. It shows systematic relationships with numerous grammatical categories, including agreement and person markers.

These conditional types differ from prototypical ones in that their antecedent clauses state the conditions under which the subsequent clauses are discourse-relevant, rather than the conditions under which they are true or valid [7]. As in 10, the antecedent clause states the condition under the subsequent clause.

- (10) [tà kèèfítèfáanānē wàagònā]
 tà kèèfítè-fáa-nā-nē wàagò-nā
 I like-SEQ-1S-COND buy-1S.FUT
 ‘If I like it, I will buy it.’

The consequent clause probability depends on the occurrence of the antecedent clause. The probability of the consequent clause in 11 depends on the willingness of the antecedent clause, as in 11.

- (11) [nèe fòlèfáatānē jèetā fìimàtā]
 nèe fòlè-fáa-tā-nē jèe-tā fìimà-tā
 you want-SEQ-2S-COND come-2S able to-2S
 ‘You may come if you want to.’

The probability of the consequent clause in 11 depends on the willingness, whereas the probability of the consequent clause in 12 (a and b) depends on the action of the conditional clause. The subsequent words of 12 (a and b) convey a deontic mode of obligation, whereas the clauses of 11 express permission. As Saeed [20] argues, this modality is epistemic versus deontic.

- (12) a. [nèe zàgirà wòsìtèfáatānē nèe ?àafà ?àatàtàzà]
 nèe zàgrà wòstè-fáa-tā-nē nèe ?àafà ?àatà-tā
 you hard work-SEQ-2S-COND you NEG pass-2S
 ‘You won’t pass unless you work hard.’
 b. [nèe kùlìfùni gáfòsìkitònòn ?ìmáafàkàatānē]
 nèe kùlìfùni gáfò-s-ì-kitò-nòn ?ìm-fáa-tā-nē
 you locker key-DEF-GEN-PL-ACC give SEQ-2S-COND

[nèe wòssàmàtā]

nèe wòssàmà-tā.

you reward-2S.FUT

‘You will be rewarded if you give me the keys to the locker.’

The following clause can be in any sentence mood. As seen in instances 13, the shape of the consequent clause is in the declarative and negative moods.

(13) [ʔànbà tɪʃfàasòn fèrètí fáanīnē ʃòwàasòn gàzìgù ʃìmànī]

ʔànbà tɪʃfàasòn fèrèt-fáa-nī-nē ʃòwàasòn gàzìgù ʃìmànī
this article read-SEQ-1P-COND issue understand able to-1P

‘If we read this article, we can understand the issue.’

The agreement of subjects in consequent clauses can be of two types: the first type is where there is an agreement between the subject and the antecedent clause. In 13, the subject agreement markers in the consequent clauses match those in their respective antecedent clauses. -nī in the antecedent and consequent clauses indicates person and number. In Yemsa, the protasis, or ‘if-clause’, is marked with -nē ‘COND’, whereas the apodosis, or then-clause, is marked according to the aspect and modality properties of the situation described.

3. Types of Conditionals. Conditional constructions show a variety in terms of structure and type. The following section will discuss conditional types in Yemsa:

3.1. Real conditional. Most languages have a semantic distinction between real and unreal conditionals [5]. Yemsa makes a semantic distinction between real and unreal conditionals. A real conditional is a simple conditional referring to actual situations, as in 14.

(14) [sàabànòn bīj-fáatānē ʔànbà jàadàsàasòn ʔìmf-tà]

sàabà-nòn bīj-fáa-tā-nē ʔànbà jàadàsàa-s-òn ʔìm-f-tā
saba-ACC see-SEQ-2S-COND this note-DEF-ACC give-IPFV-2S

‘If you see Saba, give her this note.’

Thompson et al. [5] divide real conditionals into three categories: present, habitual/generic, and past. The present conditionals denote current real situations, whereas the habitual/generic and past conditionals denote habitual/generic and past real situations, respectively. Consider the following example:

(15) [tápìtā ʔéelífáatānē nèe ʔàwtòbùsìs dáná tà]

tápìtā ʔéel-fáa-tā-nē nèe ʔàwtòbùsì-s dáná-tā
fast run-SEQ-2S-COND you bus-DEF get-2S.FUT

‘If you run fast, you will get the bus.’

The present real conditional clauses appear in 15. The prepositions of the antecedent and the consequent are related. The consequent clause’s temporal structure is non-past tense. It potentially receives a present-tense reading.

Ordinary conditionals can give the implicational relationship varied degrees of generality, i.e., the relationship between the introduced states of affairs can be both unique (specific) and habitual (generic) [11]. The generic or habitual conditionals occur in Yemsa. In this context, the protasis that contains the condition is marked by -nē ‘COND’, and the apodosis appears with the irrealis verb form. Consider the following examples:

- (16) [bùrònìisōn ʔùkkà fàafáatānē ʔàafà ràkkònā]
 bùròn-s-ōn ʔùkkà fàa-fáa-tā-nē ʔàafà ràkkò-nā
 mouth-DEF-ACC shut keep-SEQ-2S-COND NEG problem-3MS.FUT
 ‘There will be no problem if you keep your mouth shut.’

The antecedent clause verb form comes from the realis verb stem, as in 16. The main clause verb form appears in the present form. The event expressed in the antecedent clause is a prerequisite for the main clause.

Past real conditionals, as the name implies, express acts or occurrences in the past. They use past tense morphology in their consequent clauses; the utterance and assertion times do not overlap. Consider the following example:

- (17) [bár fèer-fáanānē tá ʔàafà bījīnā]
 bár fèer-fáa-nā-nē tá ʔàafà bījī-nā
 he be.there-SEQ-3MS-COND i NEG see-1S
 ‘If he were there, I wouldn’t see him.’

As in 17, the consequent clause of time appears in the past. As a result, the time of the antecedent and the consequent clause do not overlap. It makes assertions about past events and past real conditionals. The consequences apply to situations that existed in the past.

Each conditional clause type can take either the same or a different subject from the final verb. Consider the following examples:

- (18) [tàpèfáanīnē ʔàfnù tèsùnì wòstòsòn hòp’ àfnī]
 tàpè-fáa-nī-nē ʔàfnù tèsùnì wòstòsòn hòp’-f-nī
 hurry-SEQ-1P-COND still first act catch-IPFV-1P
 [ʃimàní]
 ʃimà-nī
 able to-1P
 ‘If we hurry, we can still catch the first act.’

As in 18, the antecedent and the consequent clause have the same subject. The following examples show the different subjects of the two clauses:

- (19) [tìbòniisōn dàastā zàg-fáa-tā-nē kàrfē]
 tìbòni-s-ōn dàastā zàg-fáa-tā-nē kàrf-ē
 foot.POSS-DEF-ACC floor put-SEQ-2S-COND cut-IPFV-3MS
 ‘It cuts out if you put your foot on the floor.’

The real conditional clause appears in the realis verb stem. The person and gender agreement occur in the verb form. The sequence and conditional marker appear in the real conditional clause.

3.2. *Unreal conditional.* Hypothetical conditionals are spoken before the actual state of affairs occurs. However, they make no predictions or evaluations of what may occur. Rather, they express some kind of wish. Consider the following example:

- (20) [mìlijònì bìrrī fàar sìn-fáa-nā-nē màkìná wàagònā]
 mìlijònì bìrrī fàar sìn-fáa-nā-nē màkìná wàagò-nā
 million birr has become-SEQ-1S-COND car buy-1S
 ‘If I had a million birr, I would buy a car.’

As in 20, the conditional clause type is hypothetical. It's an unreal circumstance. It expresses a future situation or circumstances that they hope will occur.

Counterfactual conditionals are assertions that could, would, or should have been true if other propositions were true [16]. The antecedent and the consequent clause propositions are true, as in 21 (a and b), because the proposition of the antecedent clause is true.

(21) a. [tà sìnifáatānē ʔànbà màs'áfàasōn]
tà sìn-fáa-tā-nē ʔànbà màs'áfàa-s-ōn
i become-SEQ-2S-COND this book-DEF-ACC
[zòmòtāsàkìtò fèrètùnāk kābānā]
zòmòtā-s-à-kìtò fèrètù-nā-k kābā-nā
friend.POSS-DEF-GEN-PL read-1S-PURP PART-1S
'If I were you, I would recommend this book to my friends.'

b. [jòonīsōn ʔārīnà sìnifáanānē dàbbò kàssùnā kābā]
jòo-nīi-s-ōn ʔārī-nà sìn-fáa-nā-nē dàbbò
come-2S-DEF-ACC know-1S become-SEQ-1S-COND bread
[kàssùnā kābā]
kàssù-nā kābā
bake.PFV-1S PART
'If I had known you were coming, I would have baked bread.'

The counterfactual conditional clauses can use the counterfactuality auxiliary. In 21 (a and b), the counterfactual conditional clause uses the auxiliary *sìn-fáa-tā-nē* 'become' in the antecedent clause and the particle *kābā* at the end of the consequent clause. They are counterfactual conditionals, as they express contrary-to-fact states of affairs. Both constituent clauses of counterfactuals encode meanings that are contrary to what has happened.

Counterfactual conditionals have an imagined antecedent clause. As in 22, the counterfactual antecedent clauses are imaginary. They have a sequence marker and a conditional marker.

(22) [wàagni fàar sìnifáanīnē filmìni kèer hàmnī]
wàagni fàar sìn-fáa-nī-nē filmìni kèer hàmnī
money has become-SEQ-1P-COND film house go-1P
[kābā]
kābā
PART
'If we had the money, we went to the movies.'

Counterfactual antecedent clauses are presumed to be false, and their degree of likelihood is low. The above examples shows counterfactual occurs in the opposite context.

The tense of the consequent clause distinguishes predictive conditionals. The consequent clause can appear in the future tense. The antecedent clauses, on the other hand, can be perfective or imperfective, as in 23.

(23) [ʔíf-fáanānē kèeniisitū fòonī]
ʔíf-fáa-nā-nē kèeni-s-ì-tū fòo-nī
rain-SEQ-3MS-COND house-DEF-GEN-FOC stay-1P.FUT
'If it rains, we will stay at home.'

As in 23, there are predictive conditional clauses because the consequent clause uses the future tense. On the other hand, the antecedent clauses appear with an imperfective meaning.

As in 24, the conditional clause appears in predictive conditionals. Consider the following example:

- (24) [ʔĩrō ʔiʔĩfáanānē sinimānī kèer hāmānī]
 ʔĩrō ʔiʔf-áa-nā-nē sinimā-nī kèer hāmā-nī
 rain rain-SEQ-3MS-COND cinema-to house go-1P.FUT
 ‘If it should rain, we’ll go to the cinema.’

The future is a prototypical irrealis category; it refers to events that have not yet occurred and are thus unreal [21]. As shown in 25, the irrealis reading of predictive conditionals occurs because of the future-tense morphology in the consequent clause. It is irrealis because they do not happen in the real world. It is unreal.

- (25) ʔànbà màs’áfà-s-ōn fèré-fáa-tā-nē wòlùmni kéejú màakàpàtni
 this book-DEF-ACC study-SEQ-2S-COND grammar good grounding
 [fò-tā]
 fò-tā
 be.there-2s
 ‘If you study this book, you will have a good grounding in grammar.’

The predictive, present, and habitual conditionals are not simple to identify. Yemsa uses the present conditional in the antecedent clause and the future conditional in the consequent clause, as in 26.

- (26) [ʔũnfàatānē ʔòomtòfètāk ʔétàasōn ʔóp’atā]
 ʔũn-fáa-tā-nē ʔòomtòfè-tā-k ʔétàa-s-ōn ʔóp’à-tā
 like-SEQ-2S-COND dislike-2S-PURP medicine-DEF-ACC take-2S.FUT
 [ʔòlisifà]
 ʔòlisifà
 need
 ‘You will have to take the medicine, whether you like it or not.’

4. Concessive and exceptive conditionals. The assertability of its main clause, despite contradictory assumptions, renders it similar to a concessive sentence [5]. Concessive conditionals are interpreted in light of an existing causal assumption or anticipation. Consider the following example

- (27) [bār kùfàasi zèeŋŋòò sinibàasòn]
 bār kùfàasi zèeŋŋòò sin-fáa-nā-nē
 she group leader become-SEQ-3FS-COND
 [ʔásùus hāmna]
 ʔásùu-s hāmna
 man-DEF go-3MS
 ‘The man went as if she were the leader of the group.’

5. Polarity in conditional clause. The antecedent clause has a negative polarity, whereas the consequent clause can have a positive polarity. Consider the following example:

- (28) b̄ar ʔinnò-ìn b̄ijā-nój-nā-nòn sèlèmòn sinnè
he we-ACC see-NEG-3MS-COND.NEG solomon walk.PFV.3MS
'Solomon walked past as if he hadn't seen us.'

Conclusion. The objective is to describe the conditional clause in Yemsa. The study of conditional construction, an Omotic language of southwestern Ethiopia, presents fertile ground for linguistic exploration. Despite Yemsa's significance in the Afroasiatic language family, comprehensive analyses focusing on its complex structure, particularly in conditional clauses, are sparse. This gap exposes a crucial area of linguistic inquiry, considering the potential of such studies to illuminate the interconnection between morphology, syntax, and semantics in lesser-documented languages. The study aims to investigate the mechanisms of conditional clauses in Yemsa. Specifically, the study analyzes the morphological markers and syntactical structures of conditional clauses in Yemsa, thereby contributing to a better understanding of its grammatical functioning. Through this examination, the research aims to fill a significant gap in the existing literature by providing comprehensive data on the conditional clause in Yemsa. This, in turn, will enhance the knowledge of Yemsa's linguistic structure, offer comparative perspectives with other Afroasiatic languages, and contribute to broader discussions in linguistic typology. This research aims to fill the identified gap by analyzing the conditional clause in Yemsa. The analysis gives morphological and syntactical facts about conditional construction in Yemsa.

The conditional clause forms from the antecedent and the consequent. The antecedent clause is an adverbial clause that contains the conditional marker; the consequent clause is the main clause. The result has contributed to the grammar book of Yemsa and the preparation of the teaching or pedagogical material for grade and college students in Yemsa. It will serve as input for language programming on computers. It will serve as input for comparative typological studies in other related languages in a conditional clause. It will serve as input to create a linguistic feature of Omotic languages. It enhances the knowledge of Yemsa's linguistic structure. Further research is recommended on information structure, blessing, and cursing in Yemsa. Those topics have not yet been studied. The findings of the conditional construction may lead researchers to do research in other Omotic languages in a comparative manner. In addition, the researchers will describe the interaction of conditional clauses with clauses.

APPENDIX

Symbols and Abbreviations

1, 2, 3	1st, 2nd, 3rd person
-	Morpheme boundary
[]	Phonetic representation
ACC	Accusative
COND	Conditional
COP	Copula
DEF	Definite marker
F	Feminine
FUT	Future
GEN	Genitive

IPFV	Imperfective
M	Masculine
NEG	Negative
PFV	Perfective
PL, P	Plural
POSS	Possessive
PRES	Present
PURP	Purposive
S	Singular
SEQ	Sequential

REFERENCES

1. Bender, M.L. (2000), *Comparative morphology of the Omotic languages*, München, Lincom Europa, GER.
2. Azeb, Amha (2012), "Omotic", *Afroasiatic languages*, in Frajzyngier, Z. and Shay, E. (eds.), Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK, pp. 423–504.
3. Azeb, Amha (2017), "The Omotic language family", *The Cambridge Handbook of Linguistic Typology*, in Aikhenvald, A.Y. and Dixon, R.M.W. (eds.), Cambridge Univ. Press, Cambridge, pp. 815–853.
4. "The 2007 Ethiopia population and housing census" (2007), *Central Statistical Agency of Ethiopia*, available at: https://www.statsethiopia.gov.et/wp-content/uploads/2019/06/Population-and-Housing-Census-2007-National_Statistical.pdf (accessed 03.03.2024).
5. Thompson, S.A., Longacre, R.E. and Hwang, S.Ja.J. (2007), "Adverbial clauses", *Language typology and syntactic description*, in Shopen, T. (ed.), vol. 2, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK, pp. 237–300. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511619434.005>.
6. Payne, T.E. (1997), *Describing the morphosyntax: a guide for field linguistics*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
7. Bhatt, R. and Pancheva, R. (2005), "Conditionals", *The Blackwell Companion to Syntax*, in Everaert, M.B.H. and van Riemsdijk, H.C. (eds.), vol. 1, Blackwell Publishing, Oxford, UK, pp. 638–687.
8. von Fintel, K. (2009), *Conditionals*, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, USA, available at: <https://web.mit.edu/fintel/fintel-2009-hsk-conditionals.pdf> (accessed 01.03.2024).
9. Häcker, M. (1999), *Adverbial Clauses in Scots: a Semantic-Syntactic Study*, Mouton de Gruyter, Berlin, GER. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110803822>.
10. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G. and Svartvik, J. (1985), *A comprehensive grammar of the English language*, Longman Inc., NY, USA.
11. Podlesskaya, V. (2001), "Conditional constructions", *Language typology and language universals: an international handbook*, in Haspelmath, M. (ed.), vol. 2, Walter De Gruyter, Berlin, GER, pp. 998–1010.
12. Comrie, B. (1986), "Conditionals: a typology", *On conditionals*, in Traugott, E.C., ter Meulen, A., Reilly, J.S. and Ferguson, C.A. (eds.), Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK, pp. 77–99.
13. Parker, E. (1991), "Conditionals in Mundani", *Tense and Aspect in Eight Languages of Cameroon*, in Anderson, S.C. and Comrie, B. (eds.), The Summer Institute of Linguistics, The Univ. of Texas, Arlington, USA, pp. 165–188.
14. Palmer, F.R. (2001), *Mood and modality*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
15. DeRose, K. and Grandy, R.E. (1999), "Conditional Assertions and "Biscuit" Conditionals", *Noûs*, vol. 33, iss. 3, pp. 405–420. DOI: <https://doi.org/10.1111/0029-4624.00161>.
16. Givón, T. (2001), *Syntax an introduction*, vol. 2. John Benjamins, Philadelphia, USA.
17. Jackendoff, R. (2002), *Foundations of language: brain, meaning, grammar, evolution*, Oxford Univ. Press. Oxford, UK.
18. Diessel, H. (2005), "Competing motivations for the ordering of main and adverbial clauses", *Linguistics*, vol. 43, iss. 3, pp. 449–470. DOI: <https://doi.org/10.1515/ling.2005.43.3.449>.
19. Goshu, D. and Meyer, R. (2006), "Conditional expressions in Oromo", *Annual Publication in African Linguistics*, vol. 4, pp. 69–90.
20. Saeed, J. (2003), *Semantics*, Blackwell Publishing, Oxford, UK.
21. de Haan, F. (2010), "Typology of tense, aspect and modality systems", *The Oxford Handbook of Linguistic Typology*, in Song, Jae J. (ed.), Oxford Univ. Press, Oxford, UK, pp. 445–464. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199281251.013.0021>.

Information about the authors.

Mitike Asrat – PhD Candidate at the Department of Linguistics and Philology, Addis Ababa University, Addis Ababa, Ethiopia. The author of 2 scientific publications. Area of expertise: morphology, syntax, sociolinguistics.

Girma Mengistu – PhD (Linguistics, 2015), Assistant Professor at the Department of Linguistics and Philology, Addis Ababa University, Addis Ababa, Ethiopia. The author of 15 scientific publications. Area of expertise: language description, language typology, phonology, tonology.

Endalew Assefa – PhD (Linguistics, 2014), Associate Professor at the Department of Linguistics and Philology, Addis Ababa University, Addis Ababa, Ethiopia. The author of 13 scientific publications. Area of expertise: descriptive linguistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 05.04.2024; adopted after review 07.05.2024; published online 23.12.2024.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bender M. L. Comparative morphology of the Omotic languages. München: Lincom Europa, 2000.
2. Azeb Amha. Omotic // Afroasiatic languages / in Z. Frajzyngier, E. Shay (eds.), Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. P. 423–504.
3. Azeb Amha. The Omotic language family // The Cambridge Handbook of Linguistic Typology / in A. Y. Aikhenvald, R.M.W. Dixon (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017. P. 815–853.
4. The 2007 Ethiopia population and housing census // Central Statistical Agency of Ethiopia, 2007. URL: https://www.statsethiopia.gov.et/wp-content/uploads/2019/06/Population-and-Housing-Census-2007-National_Statistical.pdf (дата обращения: 03.03.2024).
5. Thompson S. A., Longacre R. E., Hwang S. Ja. J. Adverbial clauses // Language typology and syntactic description / in T. Shopen (ed.). Vol. 2. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. P. 237–300. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511619434.005>.
6. Payne T. E. Describing the morphosyntax: a guide for field linguistics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.
7. Bhatt R., Pancheva R. Conditionals // The Blackwell Companion to Syntax / M. B. H. Everaert, H. C. van Riemsdijk (eds.). Vol. 1. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 638–687.
8. von Fintel K. Conditionals. Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 2009. URL: <https://web.mit.edu/fintel/fintel-2009-hsk-conditionals.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).
9. Häcker M. Adverbial Clauses in Scots: a Semantic-Syntactic Study. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110803822>.
10. A comprehensive grammar of the English language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. NY: Longman Inc., 1985.
11. Podlesskaya V. Conditional constructions // Language typology and language universals: an international handbook / in M. Haspelmath (ed.). Vol. 2. Berlin: Walter De Gruyter, 2001. P. 998–1010.
12. Comrie B. Conditionals: a typology // On conditionals / in E. C. Traugott, ter Meulen A., J. S. Reilly, C. A. Ferguson (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986. P. 77–99.
13. Parker E. Conditionals in Mundani // Tense and Aspect in Eight Languages of Cameroon / in S. C. Anderson, B. Comrie (eds.). Arlington: The Summer Institute of Linguistics, The Univ. of Texas, 1991. P. 165–188.
14. Palmer F. R. Mood and modality. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
15. DeRose K., Grandy R. E. Conditional Assertions and “Biscuit” Conditionals // *Noûs*. 1999. Vol. 33, iss. 3. P. 405–420. DOI: <https://doi.org/10.1111/0029-4624.00161>.
16. Givón T. Syntax an introduction. Vol. 2. Philadelphia: John Benjamins, 2001.
17. Jackendoff R. Foundations of language: brain, meaning, grammar, evolution. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002.
18. Diessel H. Competing motivations for the ordering of main and adverbial clauses // *Linguistics*. 2005. Vol. 43, iss. 3. P. 449–470. DOI: <https://doi.org/10.1515/ling.2005.43.3.449>.

19. Goshu D., Meyer R. Conditional expressions in Oromo // Annual Publication in African Linguistics. 2006. Vol. 4. P. 69–90.

20. Saeed J. Semantics. Oxford: Blackwell Publishing, 2003,

21. de Haan F. Typology of tense, aspect and modality systems // The Oxford Handbook of Linguistic Typology / in Jae J. Song (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. P. 445–464. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199281251.013.0021>.

Информация об авторах.

Митике Асрат – аспирант кафедры лингвистики и филологии Университета Аддис-Абебы, Аддис-Абеба, Эфиопия. Автор двух научных публикаций. Сфера научных интересов: морфология, синтаксис, социолингвистика.

Гирма Менгисту – PhD (лингвистика, 2015), доцент кафедры лингвистики и филологии Университета Аддис-Абебы, Аддис-Абеба, Эфиопия. Автор 15 научных публикаций. Сфера научных интересов: описание языка, типология языка, фонология, тонология.

Эндейлу Ассефа – PhD (лингвистика, 2014), доцент кафедры лингвистики и филологии Университета Аддис-Абебы, Аддис-Абеба, Эфиопия. Автор 13 научных публикаций. Сфера научных интересов: дескриптивная лингвистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.04.2024; принята после рецензирования 07.05.2024; опубликована онлайн 23.12.2024.*

Оригинальная статья
УДК 811.161.1; 316.772
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-124-133>

Структурные разновидности высказываний с эксплицитным модусом веры и их экспрессивные свойства в научном диалоге

Оксана Николаевна Чалова

*Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь,
oksana-chalova@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0003-9811-4005>*

Введение. Статья посвящена выявлению структурно-прагматических особенностей ссылок на веру, представленных в такой разновидности общения, как научный диалог, предполагающий речевое взаимодействие субъектов научного познания и разворачивающийся в реплицирующем режиме на научном форуме любого формата с целью обсуждения и решения научной проблемы. Актуальность такого анализа обусловлена рядом факторов: ориентированностью современной лингвопрагматики на изучение самых разных типов и видов высказываний (в нашем случае – ссылок на веру), важностью интегративного подхода к анализу коммуникативных процессов и явлений и необходимостью разностороннего описания научного диалога как социально и лингвистически значимой разновидности коммуникации, а также целесообразностью межъязыкового ракурса исследований, направленного на выявление сходств и различий между национальными вариантами одного и того же типа общения.

Методология и источники. Методологическую основу исследования составляют работы Н. А. Александровой, Е. Г. Задворной, Л. Н. Масловой, Е. С. Троянской, Л. В. Славгородской, Н. В. Соловьевой и других, посвященные исследованию научного диалога. Источником материала исследования служат стенограммы русско- и англоязычных устных научных дискуссий из разных областей знания (с 2000 г. по настоящее время). Анализ выполняется с опорой на системно-структурный, функционально-семантический и ситуативно-интерпретационный методы исследования.

Результаты и обсуждение. В работе выявляется структура как диктумной, так и модусной частей ссылок на веру (сообщения со свернутым и развернутым диктумом, а также с вводной, независимой, придаточной и скрытой модусной рамкой), определяются прагматические и экспрессивные свойства различных структурных видов высказываний с модусом веры (апеллятивные и рефлексивные сообщения, а также более экспрессивные и менее экспрессивные).

Заключение. В заключение формулируется вывод о структурном многообразии высказываний с модусом веры, свидетельствующем о значимости изучаемого феномена в структуре научного диалога, а также о некоторых особенностях использования ссылок на веру в русско- и англоязычном научном диалоге.

Ключевые слова: научный диалог, ссылка на веру, диктум, модус, эпистемический предикат, экспрессивность

Для цитирования: Чалова О. Н. Структурные разновидности высказываний с эксплицитным модусом веры и их экспрессивные свойства в научном диалоге // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 6. С. 124–133. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-124-133.

© Чалова О. Н., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Structural Types of Speech Acts with the Explicit Mode of Belief and their Expressive Properties in Scientific Dialogue

Oksana N. Chalova

*Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus,
oksana-chalova@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0003-9811-4005>*

Introduction. The article is about identifying structural and pragmatic features of references to belief presented in scientific dialogue that involves the verbal interaction of scientists and develops in a spontaneous way at a scientific forum of any format in order to discuss and solve a scientific problem. The relevance of the analysis is predetermined by a number of factors: the focus of modern pragmatics on the study of various types of statements (including references to belief), the importance of an integrative approach to the analysis of communicative processes and phenomena and the need for a total description of scientific dialogue as a socially and linguistically significant type of communication as well as by the necessity to study similarities and differences between national variants of the same type of communication.

Methodology and sources. The methodological basis of the research is made up of the works by N. A. Alexandrova, E. G. Zadornaya, L. N. Maslova, E. S. Troyanskaya, L. V. Slavgorodskaya, N. V. Solovyova and others devoted to the study of scientific dialogue. The source of the research material is made up transcripts of Russian and English scientific discussions in various fields of knowledge (from 2000 until now). The analysis is based on the structural, semantic and functional research methods.

Results and discussion. The work reveals the structure of both the dictum and mode parts of references to belief (messages with an elliptical and expanded dictum as well as with an introductory, independent, subordinate and implicit modes), defines the pragmatic and expressive properties of various structural types of statements with the mode of belief (appellative and reflexive messages as well as more expressive and less expressive ones).

Conclusion. The conclusion about the structural diversity of statements with the mode of belief (which indicates the importance of the phenomenon under study) as well as about some differences between Russian and English references to belief has been made.

Keywords: scientific dialogue, appeals to belief, dictum, mode, epistemic predicate, expressiveness

For citation: Chalova, O.N. (2024), "Structural Types of Speech Acts with the Explicit Mode of Belief and their Expressive Properties in Scientific Dialogue", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 6, pp. 124–133. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-124-133 (Russia).

Введение. Особое место в системе научного дискурса занимает такая его разновидность, как *научный диалог*, который отличается от других форм научного общения своей реплицирующей структурой, ярко выраженным полемическим характером, спонтанностью, произвольностью и т. д.

Несмотря на социальную и лингвистическую значимость, научный диалог редко становится объектом анализа науки о языке. Можно обнаружить лишь отдельные работы, посвященные изучению данного коммуникативного феномена. Так, в работе Н. А. Александровой [1] систематизируются языковые средства репрезентации оценки в научном диалоге. В трудах Е. Г. Задвorneй описываются не только вопросы оценки [2], но и структура научного диалога, диалогический статус реплик в указанном типе коммуникации [3]. В диссер-

тации Л. Н. Масловой [4] поднимается проблема гендерных различий при выражении согласия и несогласия в диалогической научной коммуникации. В то же время Н. В. Соловьева изучает научный диалог (письменный) в аспекте толерантности [5], а Л. В. Славгородская – синтаксические особенности научной дискуссии [6].

Как видно, в лингвистике научный диалог исследован лишь фрагментарно, что обуславливает необходимость его интерпретации с точки зрения самых разных параметров.

В рамках данной статьи сосредоточимся на рассмотрении особого вида высказываний, представленного в научном диалоге, а именно высказываний с модусом веры (*Я верю, что ...; Нужно верить в ...; They believe that ...; We believe in ...* и т. д.), которые в целом не свойственны научному дискурсу, однако под влиянием диалогического формата общения их использование активизируется. Выявление и систематизация таких высказываний является важным этапом анализа коммуникативной специфики научного диалога, что обуславливает актуальность настоящей статьи, посвященной выделению и классификации высказываний с модусом веры в научном диалоге.

Методология и источники. Первыми к феномену веры в лингвистике обратились представители «Логический анализ языка» [7], которые исследовали синтаксические, фонетические, семантические и лингвокультурологические черты веры, как правило на материале художественного и религиозного дискурса (А. А. Ануфриев, А. А. Малышев, И. Н. Макеева и другие).

В современной лингвистике понятие веры обычно изучается в когнитивном аспекте. Так, реконструкцией концепта «вера» на базе обыденно-разговорного и христианского дискурса занимаются, в частности, Е. Б. Казнина [8], Т. А. Тимошевская [9], Т. А. Талапова [10] и другие.

В то же время в научном дискурсе проблема веры практически не рассматривается, в то время как обращение к феномену веры могло бы расширить наши представления как об эпистемической, так и прагматической организации научной коммуникации.

В свете сказанного объектом нашего анализа являются *высказывания с модусом веры (ВМВ)* в научном диалоге.

В качестве источников исследовательского материала выбраны стенограммы устных научных дискуссий (с 2000 г. по настоящее время) из разных областей научного знания.

Результаты и обсуждение. Одним из наиболее значимых параметров классификации ВМВ является *структурный*, в связи с чем предлагается подробнее рассмотреть разновидности ссылок на веру, дифференцируемые на основании названного критерия.

По нашим наблюдениям, *в структурном отношении* ВМВ разграничиваются как с точки зрения особенностей вербализации диктумной/пропозициональной части высказывания, так и с точки зрения репрезентации модусной части сообщения.

I. Структурные разновидности ВМВ с точки зрения характера репрезентации диктумной части высказывания и их экспрессивные свойства. Учет специфики экспликации диктумного/пропозиционального плана содержания позволяет выделить два типа ВМВ:

а) с полным диктумом/пропозициональным планом (*у каждого из нас есть какие-то установки, и мы верим, что мы остались неизменными, по крайней мере, последние 10–20 лет*);

б) со свернутым (обычно субстантивированным или прономинализованным) диктумом/пропозицией: *Fifty percent of them thought that if you change the shape, you change the*

*volume <...> So, unless we provide them with such experiences, even at grades greater than fifth grade, we will continue to believe **all sorts of strange things**.*

В первом случае диктум (пропозициональное дополнение) и модус веры (пропозициональная установка веры) строго разграничиваются на синтаксическом уровне (благодаря предикативной полноценности эксплицирующих их клауз) для четкого противопоставления объективного положения дел, с одной стороны, и особенностями восприятия этого положения конкретным коммуникантом, с другой.

Во втором же случае мы имеем дело с двумя пересекающимися планами содержания – пропозициональным и модусным. Здесь существительное *things* воплощает (номинарует) пропозицию *that if you change the shape, you change the volume*, что позволяет рассматривать глагол *believe* как выражающий пропозициональную установку «верим, что ...».

ВМВ со свернутым диктумом являются аксиологически маркированными, что обуславливается, как в приведенной ранее реплике, сочетанием репрезентирующего диктум существительного с оценочным прилагательным *strange* (*believe all sorts of strange things*), либо использованием других средств, например, наличием оценочных компонентов в семантике актуализирующего пропозицию существительного (*Я не верю в чудо. Но думаю, что русская история вырабатывала и постепенно вырабатывает основания гражданственности и того, что Вы называете полицентризмом*, где существительное *чудо* является средством манифестации пропозиции «что нация совершит быстрый скачок в развитии»), что интенсифицирует эмоционально-оценочный характер предиката *верить/believe* и всего высказывания.

Аналогичное пересечение модуса и диктума можно наблюдать в примере «*Нам говорят, что это дела не реабилитированных, и что они на самом деле преступники государственные. И получается, надо только верить в это*», где с помощью местоимения *это* актуализируется пропозиция «*что это дела не реабилитированных, и что они на самом деле преступники государственные*». Такое ослабление модусно-диктумного противопоставления за счет использования местоимения, выполняющего заместительную функцию и служащего средством привлечения внимания к определенной информации, усиливает и без того высокую исходную степень выразительности¹ ВМВ, обусловленную функционированием глагола *верить/believe* в научном диалоге.

На фоне высказываний со свернутой пропозицией ВМВ с полным диктумом на первый взгляд могут показаться менее экспрессивными, поскольку модус веры в данном случае сопоставим с модусом мнения (*Я верю, что = Я считаю/думаю/полагаю ...; They believe = They think/consider... и подобные*) [14–16 и др.]. Однако наблюдение за функционированием ВМВ с развернутой пропозицией в научной дискуссии позволяет констатировать принципиальное отличие подавляющего большинства из них от традиционных сообщений с модусом мнения в силу наличия у первых довольно сильного аксиологического потенциала. К числу основных факторов, обуславливающих высокую степень выразительности ВМВ с развернутой пропозицией, представленных в научном диалоге, стоит отнести следующие два:

1) регулярное сочетание ВМВ с аксиологически и стилистически маркированными средствами, подчеркивающими субъективный и волевой характер веры и включающими, в частно-

¹ В рамках настоящей работы понятия «экспрессивность», «эмоциональность», «оценочность» и «выразительность» рассматриваются как взаимосвязанные и взаимообусловленные [11–13 и др.].

сти, оценочную лексику как рационально-, так и эмоционально-оценочную (*I believe it's a grave moral evil, and I won't participate in it*), специфические синтаксические приемы, например синтаксический параллелизм (*Социолог первого порядка верит в то, что есть «фундаментальная наука», и это его «идол», а социолог второго порядка верит в то, что есть идолы, которые застыт взор социологов и скрывают от них истинное положение дел («а на самом деле...») – и это его идол*), и другие сигналы экспрессивности, причем как в рамках самого ВМВ, так и за его пределами (*We believe that trying to do that should be banned. No question*);

2) семантическая специфика эпистемического предиката *верить/believe*, который в любом типе коммуникации и любом контексте следует рассматривать сквозь призму эмоциональности и субъективности и на этом основании противопоставлять предикатам мнения, в том числе и в английском языке [18, 19 и др.]. Так, Л. М. Васильев отмечает, что, в отличие от глаголов мнения наподобие *считать, полагать, думать, think, consider* и др., ментальный глагол *верить/believe* (независимо от нюансов своего значения) дополнительно и всегда указывает на определенное эмоциональное состояние и переживания говорящего [10, с. 175]: *We believe that P51 participates in the processing and presumably modulates the function of many type I receptors. We already know some, including APP, Notch1 and cadherins*. Другими словами, эмоционально-оценочный компонент является обязательным в семантике любого ВМВ, даже если последний функционально сближается с сообщением о мнении.

Таким образом, уже сам факт наличия эпистемического глагола *верить/believe* в любом виде общения детерминирует экспрессивный характер высказывания, в котором он использован. Что же касается русскоязычного научного диалога, то в его пространстве эпистемический предикат *верить* фактически удваивает исходную степень своей путативности и экспрессивности, что обусловлено его (предиката) периферийным и даже аномальным статусом в системе научного дискурса, основной целью которого является выработка и трансляция знания. В отличие от русскоязычного научного дискурса, для англоязычной научной коммуникации, даже письменной, эпистемический предикат *believe* является обычным феноменом, в связи с чем об усилении его экспрессивных свойств в поле англоязычной дискуссии говорить не приходится, за исключением случаев его сочетания с другими средствами экспрессивности, например эмфатическим глаголом *do*: *And I do believe this is permanent damage, you know, the color vision. So I'm still a little bit worried about that*.

Строго говоря, в научной дискуссии, помимо ВМВ с полной и свернутой пропозицией, можно обнаружить еще одну структурную разновидность высказываний с пропозициональной установкой веры – ВМВ с формально опущенным (устраненным) диктумом. Однако подобные ВМВ представлены в научном диалоге всего несколькими случаями, в связи с чем не могут рассматриваться в качестве характеристики ни англо-, ни русскоязычных дискуссий: «Недавно я прочитал книгу Фоменко и... не помню остальных авторов... “Правильно ли мы понимаем историю?” О том, как, на их взгляд, фальсифицировалась история России. Что-то ужасное. **Не хочется верить. Может, и не стоит верить. Может, как говорят наши нынешние исторические авторитеты, все это ерунда**». Опущение диктума, который можно сформулировать в виде пропозиции «что история России была сфальсифицирована» (*Не хочется верить, что история России была сфальсифицирована*), служит не только способом экономии речевых усилий, но и приемом повышения экспрессивности сообще-

ния, что, вероятно, и ограничивает употребление таких ВМВ в изучаемом типе коммуникации, для которого избыточная экспрессивность нетипична и ограничивается действием базовых принципов научного общения.

II. Структурные разновидности ВМВ с точки зрения характера репрезентации модусной части высказывания и их экспрессивные свойства. Не меньший интерес представляет изучение ВМВ с точки зрения структурных особенностей их модусной рамки, так как именно она позволяет аргументатору выражать отношение к сообщаемому, повышать или понижать свою ответственность за передачу информации, а оппоненту – корректно интерпретировать сказанное собеседником.

Целесообразными для классификации ВМВ с точки зрения специфики репрезентации модусной части являются два критерия: 1) формальный характер субъектно-предикатной группы в составе модусной рамки, 2) место модусной рамки в структуре ВМВ.

1. Учет характера субъектно-предикатной группы в составе модусной рамки позволяет выделить две основные группы модусных конструкций и, соответственно, две основные группы ВМВ – рефлексивные и апеллятивные.

Апеллятивные ВМВ используются для обращения к адресату, как контакстоустанавливающее/контактоподдерживающее средство. В модусную рамку апеллятивных ВМВ входят формы 2-го лица (включая императив): **Вы в это верите? So, you believe that the area has something to do with it. Не верьте тому, что говорю Пётр. Believe me.** Как видно из примеров, для апеллятивных конструкций прагматически естественной являются интеррогативная и директивная иллокуции, дополненные экспрессивной (акцентуирующая функция). Если экспрессивные свойства директивного ВМВ определяются его способностью привлекать внимание к сообщаемому, а также семантикой глагола *верить/believe* и могут усиливаться в сочетании с отрицательной частицей *ne/not*, то выразительность интеррогативных ВМВ, помимо этого, детерминирована их возможностями транслировать особое отношение (например, снисходительное) к позиции собеседника: (1): **Вы в это верите?** – (2): *Я, в общем, часто в таких...* – (3): **Вы социальный романтик, да?** – (4): *Нет, но зачатки этого есть.*

В рефлексивных ВМВ вера обычно приписывается не непосредственному адресату, а либо самому себе, либо третьему лицу, в связи с чем к группе рефлексивных ВМВ относятся высказывания, модусная рамка которых приобретает одну из следующих форм: а) конструкции с формами 1-го лица ед. или мн. числа (*я верю, я не верю, мы верим, I believe, I couldn't believe, I used to believe, we don't believe, we will continue to believe* и подобн.); б) структуры с формами 3-го лица (*он верит, they believe* и под.); в) конструкции с обобщенным существительным (*россиянин не верит, люди «наверху» верят, социолог первого порядка верит, these people believe, physicians may believe, those who believe, folks at West Point who believe, experts believe; researchers believe, students believe, the teacher truly believes; psychiatrists believe* и под.); г) метонимичным существительным (*ОЕННА does not believe*); д) безличными и пассивными конструкциями, т. е. с формально отсутствующим субъектом (*хотелось бы верить, не хочется верить; it's hard to believe; I was heard and believed; they are believed* и подобные).

В английском языке наиболее частыми являются перволичные конструкции с формами ед. числа (***I believe that fossils in large should probably be kept in the geographic area because that is their context***), что свидетельствует о готовности англоязычных коммуникантов взять

на себя эпистемическую ответственность за выражаемую пропозицию. Участники же русскоязычного научного диалога чаще выбирают другие модусные рамки для своих пропозиций, посредством которых частично или полностью снимают с себя эпистемическую ответственность за сообщаемое (*Россиянин, выросший в мире традиционной коррупции, искренне не верит в существование устойчивого порядка вещей, исключаящего коррупцию. Своему уму не верим. В свои силы не верим*).

Степень экспрессивности модусной рамки зависит от ее типа. В русском языке к числу наиболее экспрессивных стоит отнести перволичную конструкцию (с местоимением-подлежащим в ед. числе), что обусловлено редкостью ее использования в связи с общей тенденцией русскоязычного научного дискурса к устранению авторского «я». Что же касается англоязычного научного диалога, то установление степени экспрессивности модусной рамки в зависимости от субъектно-предикатных отношений является достаточно сложной задачей. Однозначно можно сказать, что англоязычные перволичные конструкции обладают меньшей степенью выразительности (по сравнению с русскоязычными), поскольку в английской научной речи присутствие автора регулярно маркируется употреблением личного местоимения *I*. С целью повышения степени экспрессивности модусной рамки англоязычные коммуниканты используют другие средства, например глагольные, наречные и прочие интенсификаторы (*And I do believe this is permanent damage, you know, the color vision. I really believe that capital punishment is ethically wrong*).

2. Помимо характера субъектно-предикатной группы, для более полной характеристики ВМВ важен также учет места и роли модусной рамки в составе высказывания. С опорой на данный критерий в научном диалоге выделяются следующие разновидности ВМВ:

– ВМВ с модусной рамкой, функционирующей в качестве главной/независимой клаузы, которая обычно занимает в ВМВ начальное положение с целью незамедлительного предупреждения адресата об эпистемическом состоянии говорящего (*Конечно, хотелось бы верить, что мы сами все-таки меняемся – это единственная гарантия качественного развития. I believe the best way to do this was to do a random kind of number generator*);

– ВМВ с модусной рамкой, функционирующей в качестве вводной/вставной/парентетической конструкции, которая используется как попутное замечание говорящего, отложенное предупреждение о его ментальном состоянии, дополнение к сказанному, а также как акцентирующее средство, дополнительно привлекающее внимание к сообщаемому (*The way I disagree with Dr. Curlin is I believe Dr. Curlin has confused two very different concepts*);

– ВМВ с модусной рамкой, функционирующей в качестве придаточного предложения, которые максимально сходны (в прагматическом плане) с предыдущим типом, с той лишь разницей, что модусные рамки в таких ВМВ, во-первых, не являются перволичными, а во-вторых, имеют более низкий синтаксический статус по сравнению с модусными рамками, функционирующими в качестве полноценной главной клаузы: *«У нас ведь, если верить классикам, резонировать мог достаточно пожилой мужик, и барин, и чиновник, и писатель – их хлебом не корми, дай пофилософствовать, дай свое суждение высказать. If we believe energy has to do – in this situation it is gravitational potential energy that we are transferring to kinetic»*;

– ВМВ, в которых модусный план смешан с диктумным (см. описанные ранее ВМВ со свернутой пропозицией).

Если в русскоязычном научном диалоге представлены всего три типа ВМВ (первый, третий и четвертый, притом что третий тип имеет единичные случаи употребления), то в англоязычном – все четыре, включая ВМВ с парентетическими модусными вставками (*Now, an implication that comes out of my distinction between the mild and the strong interpretations is a message for leaders of religious faith communities, I believe. In your discussion of the pro-life woman with, I believe, pulmonary hypertension – was that the issue, the health issue? Jim, I believe, will be sending out a poll to try to schedule a winter meeting*). Частотное использование парентетических модусных конструкций, вероятно, объясняется стремлением англоязычных коммуникантов повысить уровень экспрессивности первоначальных модусных рамок, которые, как мы выяснили ранее, являются одними из наименее выразительных в англоязычном научном диалоге.

Заключение. Таким образом, подводя итог всему сказанному, можно заключить, что в структурном отношении высказывания с эксплицитным модусом веры представляют собой весьма вариативный феномен как на модусном, так и на диктумном уровне. Выбор коммуникантом того или иного типа модусной и диктумной рамки, который мотивирован интенциями коммуниканта и текущими задачами диалога, может не только интенсифицировать или деинтенсифицировать степень экспрессивности высказывания (естественно, в соответствии с общими требованиями научной коммуникации к производству речевых действий), но и увеличить или снизить степень ответственности говорящего за выражаемую пропозицию. Различия между англо- и русскоязычным научным диалогом состоят в более высокой степени экспрессивности русскоязычных ссылок на веру и в большем структурном разнообразии модусных рамок в английском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Н. А. Об оценке в научной дискуссии // Общие и частные проблемы функциональных стилей: сб. ст. АН СССР. М.: Наука, 1986. С. 153–158.
2. Задворная Е. Г. Эмоциональная оценка в научном диалоге // Профессионально ориентированное обучение межкультурной коммуникации: теория и практика: сб. ст. / Минск: Изд-во МГЛУ, 2022. С. 88–93.
3. Задворная Е. Г. Виды научной дискуссии и их прагматические характеристики // Стиль. 2008. № 8. С. 213–224.
4. Маслова Л. Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: дис. ... канд. филол. наук / МГЛУ. М., 2007.
5. Славгородская Л. В. Некоторые синтаксические особенности языка научной дискуссии // Особенности стиля научного изложения: сб. ст. АН СССР. М.: Наука, 1976. С. 116–124.
6. Соловьева Н. В. Толерантность в научной дискуссии: лингвостилистический аспект: на материале текстов научных дискуссий 1950–2000 гг.: дис. ... канд. филол. наук / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007.
7. Логический анализ языка: понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019.
8. Казнина Е. Б. Концепт вера в диалогическом христианском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / РУДН. М., 2004.
9. Тимошевская Т. А. Национально-культурные особенности функционирования концепта «вера» (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук / Ставропольский КубГУ. Ставрополь, 2012.
10. Талапова Т. А. Концепт «вера/неверие» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / ХГУ им. Н. Ф. Кафтанова. Абакан, 2009.

11. Шарова В. В. Категория экспрессивности в русском языке (на фоне английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2002.
12. Ромашова И. П. Экспрессивность как семантико-прагматическая категория высказывания: на материале устно-разговорной и художественной речи диалогического типа: дис. ... канд. филол. наук / АлтГУ. Барнаул, 2001.
13. Скрипак И. А. Языковое выражение экспрессивности как способа речевого взаимодействия в современном научном дискурсе: на материале статей лингвистического профиля на русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / СГПИ. Ставрополь, 2008.
14. Падучева Е. В. Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова? // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 33–45.
15. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: Языки русской культуры, 1996.
16. Дмитровская М. А. Механизмы понимания и употребление глагола понимать // Вопросы языкознания. 1985. № 3. С. 98–107.
17. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.
18. Васильев Л. М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: сб. ст. / Уфа: Изд-во БашГУ, 2006.
19. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола. Уфа: Изд-во БашГУ, 1971. С. 38–310.

Информация об авторе.

Чалова Оксана Николаевна – кандидат филологических наук (2013), доцент (2016), доцент кафедры теории и практики английского языка Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, ул. Советская, д. 104, Гомель, 246028, Беларусь. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвопрагматика, диалоговедение, функциональная стилистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 29.04.2024; принята после рецензирования 31.05.2024; опубликована онлайн 23.12.2024.*

REFERENCES

1. Aleksandrova, N.A. (1986), "About evaluation in scientific dialogue", *Obshchie i chastnye problemy funktsional'nykh stilei* [General and particular problems of functional styles], AN SSSR, Nauka, Moscow, USSR, pp. 115–121.
2. Zadvornaya, E.G. (2022), "Emotional evaluation in scientific dialogue", *Professional'no orientirovanoe obuchenie mezhekul'turnoi kommunikatsii: teoriya i praktika* [Professionally oriented teaching of intercultural communication: theory and practice], Minsk State Linguistic Univ., Minsk, BLR, pp. 88–93.
3. Zadvornaya, E.G. (2008), "Types of scientific discussions and their pragmatic characteristics", *Style*, no. 8, pp. 213–224.
4. Maslova, L.N. (2007), "Expression of consent/disagreement in oral scientific communication: gender aspect", Can. Sci. (Philology) Thesis, MSLU, Moscow, RUS.
5. Slavgorodskaya, L.V. (1976), "Some syntactic features of the language of scientific discussion", *Osobennosti stilya nauchnogo izlozheniya* [Features of the style of scientific presentation], AN SSSR, Nauka, Moscow, USSR, pp. 116–124.
6. Solov'eva, N.V. (2007), "Tolerance in scientific discussion: linguistic and stylistic aspect: based on the texts of scientific discussions 1950–2000", Can. Sci. (Philology) Thesis, Perm State Univ., Perm, RUS.

7. *Logicheskii analiz yazyka: ponyatie very v raznykh yazykakh i kul'turakh* (2019) [Logical analysis of language: the concept of faith in different languages and cultures], Arutyunova, N.D. and Kovshova, M.L. (eds.), Gnozis, Moscow, RUS.

8. Kaznina, E.B. (2004), "The concept of belief in the dialogical Christian discourse", Can. Sci. (Philology) Thesis, RUDN Univ., Moscow, RUS.

9. Timoshevskaya, T.A. (2012), "National and cultural features of the functioning of the concept of "belief" (in the Russian and English languages)", Can. Sci. (Philology) Thesis, KubSU, Stavropol, RUS.

10. Talapova, T.A. (2009), "The concept of "belief/disbelief" in the Russian language picture of the world", Can. Sci. (Philology) Thesis, KhSU, Abakan, RUS.

11. Sharova, V.V. (2002), "The category of expressiveness in the Russian language (on the basis of the English language)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, SPbSU, SPb., RUS.

12. Romashova, I.P. (2001), "Expressiveness as a semantic and pragmatic category of utterance: based on the material of oral, colloquial and artistic speech of dialogical type", Can. Sci. (Philology) Thesis, ASU, Barnaul, RUS.

13. Skripak, I.P. (2008), "Linguistic expression of expressivity as a way of speech interaction in modern scientific discourse: based on the material of articles of linguistic profile in Russian and English", Can. Sci. (Philology) Thesis, SSPI, Stavropol, RUS.

14. Paducheva, E.V. (1988), "Is the ability to subordinate an indirect question deducible from the semantics of a word?", *Logicheskii analiz yazyka. Znanie i mnenie* [Logical analysis of the language. Knowledge and opinion], Moscow, Nauka, USSR, pp. 33–45.

15. Shatunovskii, I.B. (1996), *Semantika predlozheniya i nereferentnye slova (znachenie, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika)* [Sentence semantics and non-referential words (meaning, communicative perspective, pragmatics)], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, RUS.

16. Dmitrovskaya, M.A. (1985), "The mechanisms of understanding and the use of the verb to understand", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 3, pp. 98–107.

17. Babenko, L.G. (1989), *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazyke* [Lexical means of indicating emotions in the Russian language. Sverdlovsk], Izd-vo Ural. un-ta, Sverdlovsk, USSR.

18. Vasil'ev, L.M. (2006), *Teoreticheskie problemy obshchei lingvistiki, slavistiki, rusistiki* [Theoretical problems of general linguistics, Slavic studies, Russian studies], BashGU, Ufa, RUS.

19. Vasil'ev, L.M. (1971), "About evaluation in scientific dialogue", *Ocherki po semantike russkogo glagola* [Essays on the semantics of the Russian verb], BashGU, Ufa, USSR, pp. 38–310.

Information about the author.

Oksana N. Chalova – Can. Sci. (Philology, 2013), Docent (2016), Associate Professor at the Department of Theory and Practice of the English Language, Francisk Skorina Gomel State University, 104 Sovetskaya str., Gomel 246028, Belarus. The author of over 100 scientific publications. Area of expertise: pragmalinguistics, studies of the dialogue, functional stylistics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 29.04.2024; adopted after review 31.05.2024; published online 23.12.2024.

Original paper

УДК 81

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-134-150>

Metaphorical Construction of Chinese Female Images in Media

Hong Xu

*College of Foreign Languages and Cultures, Sichuan University, Chengdou, Sichuan, China,
School of Foreign Languages, Hubei Minzu University, Enshi, Hubei, China,
258106276@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-6998-4165>*

Introduction. Media is closely related to discourse. Female metaphor in the media is not a simple reflection of the objective world, but a selective and conscious construction of female image in social reality. This study explores the metaphorical construction of Chinese female images in the blessings for women on “Women’s Day” through the media.

Methodology and sources. While some words similar to the meanings of “Women’s Day” were selected as keywords, the researcher searched the Wechat platform for articles with the title including these keywords. Then, a total of 306 female metaphors were manually identified and selected as a corpus. With word frequency statistics of the corpus, this study sorted out the categories of Chinese female metaphors and analyzed female image constructed in the media.

Results and discussion. It was found that the source domains of female metaphors mainly include plant, animal, daily object, fictional character, nature and environment. The female metaphors can be analyzed from the following categories: Woman is a Flower; Woman is Water; Woman is Half the Heaven; Woman is Light; Woman is a Fairy; Woman is a Book; Woman is a Tiger; Woman is a Jewel. Among them, “Woman is a Flower” is the most frequent one and dominates the female metaphors, while the beauty of “flowers” reflects the beauty of women, the blooming of “flowers” reflects the youth of women, and the aroma of “flowers” reflects the charming of women. “Woman is Water”, “Woman is Half of the Heaven”, “Woman is Light” are also frequent female metaphors, constructing the tenderness, high social status, unique charm and outstanding contribution of female. Other female metaphors also play a certain role in the construction of holiness, wisdom, independence, confidence, strength, precious character of female image. These metaphors construct diversified images in terms of the appearance, character, ability and value of women, and most of the women constructed are beautiful and gentle.

Conclusion. It can be seen that the construction of female image in the media becomes diversified on the one hand, on the other hand it still follows the traditional thinking pattern. The paper suggests that gender discourse in the media has been diversified and improved, but still needs to strengthen the construction of equal female image in the harmonious society.

Keywords: media, female image, metaphor, gender discourse, corpus

For citation: Hong Xu (2024), “Metaphorical Construction of Chinese Female Images in Media”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 6, pp. 134–150. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-134-150.

© Hong Xu, 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Оригинальная статья

Метафорическое создание китайских женских образов в СМИ

Хун Сюй

*Колледж иностранных языков и культур, Сычуаньский университет, Чэндоу, Сычуань, Китай,
Школа иностранных языков, Университет Хубэй Миньцзу, Эньши, Хубэй, Китай,
258106276@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-6998-4165>*

Введение. Средства массовой информации тесно связаны с дискурсом. Женская метафора в СМИ – это не простое отражение объективного мира, а избирательное и осознанное построение женского образа в реальности социума. В данном исследовании изучается метафорическое создание китайских женских образов через СМИ.

Методология и источники. Автором была использована платформа WeChat, на которой производился поиск статей с заголовками, включающими определенные ключевые слова. В общей сложности 306 женских метафор были вручную идентифицированы и отобраны в качестве текстового корпуса. С помощью статистики частотности слов были отсортированы категории китайских женских метафор и проанализирован женский образ, сконструированный в СМИ.

Результаты и обсуждение. Автором статьи было обнаружено, что исходные домены женских метафор в основном включают растения, животных, повседневные предметы, вымышленных персонажей, природу и окружающую среду. Женские метафоры можно проанализировать в следующих категориях: «женщина – цветок», «женщина – вода», «женщина – половина неба», «женщина – свет», «женщина – фея», «женщина – книга», «женщина – тигр», «женщина – драгоценность». Среди них «женщина – цветок» является наиболее частотной и доминирует над женскими метафорами, в ней красота цветов отражает красоту женщин, цветение цветов – молодость женщин, а аромат цветов выражает очарование женщин. «Женщина – вода», «женщина – половина неба», «женщина – свет» также являются частыми женскими метафорами, конструирующими нежность, высокий социальный статус, неповторимое очарование и выдающийся вклад женщины. Другие женские метафоры тоже играют определенную роль в создании идеи святости, мудрости, независимости, уверенности, силы, драгоценного характера женского образа. Эти метафоры создают различные понятия, передающие внешность, характер, способности и ценность женщин, и большинство женских образов являются красивыми и нежными.

Заключение. Исходя из приведенных примеров становится очевидно, что построение женского образа в СМИ, с одной стороны, приобретает разнообразие, с другой – оно по-прежнему следует традиционной модели мышления. Автором предполагается, что гендерный дискурс в СМИ получил многогранность и развитие, но все еще нуждается в усилении построения равноправного женского образа в гармоничном обществе.

Ключевые слова: СМИ, женский образ, метафора, гендерный дискурс, текстовый корпус

Для цитирования: Хун Сюй. Метафорическое создание китайских женских образов в СМИ // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 6. С. 134–150. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-134-150.

Introduction. Female image in media has been a topic of widespread concern and received lots of criticism for a long time. In traditional media, women are often biased, stereotyped and distorted, not represented or represented at low rate and in limited content, or described in a circumscribed roles and stereotypes compared to man across multiple media in different culture

[1–4]. Gender stereotyping can be also reinforced or diminished in the discourse of the media reports. With the development of media, QQ, WeChat, Weibo, Douyin, podcast, forum and other variety of platforms have emerged nowadays and provided lots of chances for ordinary people to participate in the gender discourse. This study takes the blessings for women on “Women’s Day” through the media Wechat platform as an example, aiming to demonstrate the female image constructed by female metaphor in the media.

Media, gender discourse and metaphor.

Media is not only a communicative channel realized by using advanced technology, but also an important way to produce, develop and spread culture in public. Many scholars began to pay attention to the social and political nature of media very early, the most representative of which are the Frankfurt school and the Birmingham School. The Frankfurt School was founded in 1923, centered on the “Social Research Center” of the University of Frankfurt in German, and its main representatives include Horkheimer, Adorno, Marcuse and so on. This school puts forward the concept of “culture industry” and holds that popular culture is an ideological tool to defend the real rule, controlled by capital and technology with the characteristics of commercialization, uniformity and compulsion, rather than a culture in the literal sense that starts from the position of the public and serves the public. In the view of Frankfurt School, media is not simply related to production, consumption and dissemination, but concerned with a repressive ideology that deprives the public of critical and negative awareness of society. The Birmingham School is a western contemporary cultural criticism and aesthetics school, which was formed around the cultural research center of the University of Birmingham in the mid-1960s. Media studies and audience studies have always been important parts in the Birmingham School. Hall, the main representative of this School, put forward the ideological “coding” of the media and the “decoding” of the audience’s interpretation, which has important implications for the media study. Under the influence of Frankfurt School and Birmingham School, Fiske starts from the audience’s resistance and creativity to cultural products, and believes that audiences have subjectivity, initiative and creativity, which can not only resist and influence the hegemonic power of culture, but also create their own culture by using cultural products as their own resources. At the same time, the audience can experience endless pleasure in creating and producing his or her own culture and in “avoiding” and “offending” the mainstream ideology of cultural products. The formation of media culture is mainly restricted by internal and external forces such as communicators and audiences. Contemporary media spreads the real world, creates new culture, and constructs corresponding world view for the audience [5]. It can be seen that media is not only a tool or technology for transmitting information, but also a factor closely related to politics, economy, culture and their changes, playing an important role in the construction of human society.

As an important way of informational technology, media is closely related to gender discourse and constructs the corresponding social gender in certain society. The concept of “social gender” was created in the 1970s, referring to the gender differences and behavioral characteristics formed by social culture. It is the construction of male and female identities by society, emphasizing the sociability of individuals rather than the physiological feature of individuals. Beauvoir pointed out in *The Second Sex* that a woman is not born a woman, but gradually becomes a woman, which is produced by the whole process of socialization. Media spreads and constructs gender culture and

the world view of gender in the whole society, while people also accept the social gender constructed in the media through this media. The production, dissemination and consumption of the gender discourse also construct new ideas and new forms for the female image.

Many scholars have studied and discussed the Chinese female image in gender discourse in media. When constructing female images, media tampers with female texts according to gender stereotypes and commercial manipulation principles, on the one hand introducing women into public space, on the other hand deliberately magnifies women's personal privacy as a public topic [6]. The dating show "If You Are the One" has certain discrimination against women, and does not improve the mechanism of gender inequality, but the way presented is more hidden [7]. The gender discourse in TV advertisements seems to be getting rid of the stereotypes of gender consciousness. In fact, the gender power asymmetry has not disappeared, but has become more subtle and hidden. The creative image of female independence and gender equality in TV advertisements is just a decoration [8]. In recent years, scholars' research on the media images of female scientific and technological workers also found that there are gender discrimination and stereotypes in the media image of female scientists [9]. Female police officer can be represented as a typical female professional compared with the male-dominated police force, projecting the traditional Hong Kong gender norm [10]. Under the central discourse of Phallogentrism, media as the carrier of gender culture, often put women in the position of "others", and the female images presented by them are mostly deformed, repressed or not presented at all. Female image constructed in the media represents the gender identity of women and also prompts women to hide their own personal characteristics and behaviors to meet certain social expectations. Through the social gender research paradigm, we can analyze and interpret the female images in media communication [11]. The previous studies indicate that media nowadays although symbolizes the social progress and gender discourse has been improved to some extent, the gender discourse in the media has gradually become explicit discourse and traditional gender culture still exists but in a more hidden way.

Besides gender research paradigm, some studies try to find linguistic evidence and theoretical basis of female image in media, especially the innate cognitive thought of metaphor in language [12–16]. Metaphor is not only a way of rhetoric, but also a way of thinking of human cognition. Lakoff and Johnson [17] believe that metaphor is the mapping from the source domain to the target domain, which directly or indirectly affects human thinking and is reflected in people's daily life and language expression. As Fairclough [18] believes, the dominant way of metaphor construction is to marginalize metaphorical construction from the perspective of opposing groups. It reveals the deep ideology behind the metaphor. Furthermore, Charteris-Black [19] proposed critical metaphor analysis in political, news and religious texts, and pointed out that metaphor has a deep ideological function in discourse. In terms of content, critical metaphor analysis mainly explains how metaphor loads and spreads ideology, legitimizes and rationalizes the interests of mainstream groups, and is accepted and recognized by marginal groups through the discourse characteristics of specific texts such as politics, economy, gender, race and religion. With the critical discourse analysis, Yu and Nartey [16] investigates the gender discourses of news reports in Chinese media, and reveals the underlying poor man representations of leftover men with the discursive strategies of metaphor used to construct their identities, indicating that the media perpetuates a myth of "protest masculinity". By emphasizing certain features of reality while hiding others, metaphor plays an ideological role in

different contexts [20]. Because of the limited of the corpus and participants in the empirical study, what female images is constructed by media and how is said in the media still need to be further discussed. This paper tries to explore the female image from the conceptual metaphor, providing a good reference for the female images constructed by female metaphors in the media.

Methodology and sources. This study aims to explore the construction of Chinese female images in the Wechat media from the corpus of female metaphor. Corpus collects a large number of real language materials, which is an important resource commonly used in linguistic research. It is also one of the most reliable and interpretation methods to extract and identify language expressions from natural corpora. Charteris-Black [19] also points out that corpus is the most effective method, dividing words used as metaphorical meanings into metaphorical keywords, measuring the frequency of occurrence of these keywords, and then calculating the frequency of occurrence of a certain type of conceptual metaphor through keyword quantity and occurrence statistics, so as to find out the most common conceptual metaphors in the corpus. This study takes the blessings for women on “Women’s Day” through the media Wechat platform as corpus. The media describes and presents the gender ideals of women’s roles [21]. Although there are many ways and means of gender discourse in the media, the female images in literary works, movies, paintings and other texts have received extensive attention, while various blessings words express the society’s expectation of ideal women in future.

There are several steps. First of all, the researcher used words with similar meanings related to blessing for women on “Women’s Day” as keywords in searching the corpus. In the study of corpus metaphor, the key is how to retrieve, extract and recognize lexical metaphors from the corpus. Stefanowitsch [22, pp. 2–6] proposed seven approaches to metaphor research based on corpora: 1) manual query; 2) Search the vocabulary in the source domain; 3) Search the vocabulary in the target domain; 4) Search both source domain and target domain; 5) Search through “metaphorical markers”; 6) Retrieval based on semantic domain annotation corpus; 7) Retrieval based on concept mapping annotation corpus. It can be seen that corpus-based conceptual metaphor research first needs to determine the origin domain or target domain. The usual approach is to find the most common origin domain and target domain in the corpus, and it is very time-consuming and laborious to search and identify all metaphors in the corpus [23, p. 27]. This study chose some words similar to the meanings of blessing for women on “Women’s Day”, such as “三八节祝福语” (March Eighth Blessings), “三八妇女节祝福语” (March Eighth Women’s Day Blessings), “女人节祝福语” (Women’s Day Blessings) and “国际劳动妇女节祝福语” (International Women’s Day Blessings) as the keywords, and searched the Wechat platform for articles with these keywords in the title. Then, the researcher manually identified and selected a total of 171 blessings for women on “Women’s Day” containing female metaphors. Each article contains at least one or more types of female metaphors. In the end, a total of 306 female metaphors, totaling 11,937 words, were collected as a corpus. The main goal of metaphor research of corpus is to realize the description of linguistic metaphor by discovering the usage rules and patterns of linguistic metaphor and the ideology hidden behind metaphor [24]. Finally, with word frequency statistics of the corpus, this study analyzed the categories of Chinese female metaphors and found out female Image constructed by these female metaphors in the media.

Results and discussion.

The overall categories of female metaphors in the media.

As can be seen from Table 1, female metaphors are mainly divided into five parts: plant, animal, daily object, fictional character, nature and environment. The types of female metaphors are as follows: 1) Woman is a Flower; 2) Woman is Water; 3) Woman is Half of the Heaven; 4) Woman is Light; 5) Woman is a Fairy; 6) Woman is a Book; 7) Woman is a Tiger; 8) Woman is a Jewel.

Table 1. Female Metaphors in the Media

Categories	Source domain
Plant	花, 玫瑰花, 百合花, 桃花, 牡丹, 兰花, 莲花, 芙蓉, 太阳花, 仙人掌, 柳, 果 (flower, rose, lily, peach blossom, peony, orchid, lotus, hibiscus, sunflower, cactus, willow, fruit)
Animal	虎, 蜜蜂, 黄莺, 羊, 小鸟 (tiger, bee, warbler, sheep, bird)
Daily object	书, 诗, 歌, 画, 艺术品, 珍品, 玉, 宝, 夜明珠, 美酒, 棉花 (book, poem, song, painting, art, treasure, jade, treasures, luminous pearl, wine, cotton)
Fictional characters	天使, 天仙, 神仙, 仙子, 女神, 使者, 玉帝, 魔鬼, 女皇, 公主, 智者, 主人, 太后, 小怪兽, 白骨精, 蛇妖 (angel, celestial fairy, immortal fairy, fairy, goddess, herald, God, devil, queen, princess, wise man, master, queen' mother, little monster, white bone demon, snake demon)
Nature and environment	天, 地, 半边天, 宇宙, 地球, 太阳, 月亮, 星, 山, 水, 海, 港, 光, 雨, 雪, 风, 三月天, 溪流, 清泉, 小溪 (heaven, the earth, half the heaven, universe, globe, sun, moon, stars, mountain, water, sea, harbor, light, rain, snow, wind, weather in March, stream, spring, brook)

Table 2 reports the total number of keywords, frequency of occurrence and the resonance value of the source domain in these eight metaphors. Among them, the metaphor of “Woman is a Flower” has the highest frequency and dominates the whole female metaphor. In addition, higher frequency of female metaphors are “Woman is Water”, “Woman is Half of the heaven”, “Woman is Light”. Although Fairy, Book, Tiger and Jewel are not high frequent metaphorical source domain, they have also become an important part of female metaphor in the media, and have played a certain role in the construction of female image.

Table 2. Resonance Value of Source Domain

Female metaphor	Total number of keywords	Frequency of occurrence	Resonance value of source domain
Woman is a Flower	35	149	5215
Woman is Water	20	39	780
Woman is Half of the Heaven	16	46	736
Woman is Light	17	42	714
Woman is a Fairy	14	38	532
Woman is a Book	14	35	490
Woman is a Tiger	13	30	390
Woman is a Jewel	12	19	228

Woman is a Flower.

(1) 愿你如花朵般青春永驻, 永远靓丽! (May you be young and beautiful like a flower forever!)

(2) 女人如花, 艳丽整个世界. 母亲是太阳花, 带来温暖; 妻子是兰花, 带来安宁; 恋人是玫瑰花, 带来激情; 女儿是桃花, 带来灿烂. (Women are like flowers, gorgeous in the whole world. Mother is the sun flower with warmth; wife is orchid with peace; lovers are roses with passion; daughter is peach blossom with brilliance.)

Table 3 shows the keywords and frequency of occurrence of this metaphor as well as the resonance value of the source domain. Woman is often conceptualized as a variety of flowers in nature. Flowers are the most common plants in human life, and their beautiful and fragrant characteristics have always been rooted in human cognition. In the course of historical development, people often highlights the appearance of women in the female gender discourse, so the flower metaphor is the most frequent of female metaphor in the corpus. From the life circle aspect, the plant generally goes through seeding, germination, growth, flowering, fruit and wither, similar to the life cycle of human being. Both plants and human beings obey the laws of nature, and the process of plant growth and change has become the source of some abstract concepts. For example, “Sowing” and “Sprouting” are often used to map the beginning of life, and “Growing” represents the growth of human being, “Blossom” often symbolizes the mature of man and woman, “Wither” often symbolizes the death of old man. During the growth of plant in nature, the flowers are bright, beautiful, fragrant, charming, and especially loved by people, similar to the young and mature lady. It is natural for the flower metaphor becomes the most frequent of female metaphor in the corpus. In Table 3, the words “come into bloom”, “be in full bloom”, “burst into bloom”, “be in bud” show the beauty when the flowers bloom, while “fragrant”, “floral scent”, “Strong fragrance”, “faint aroma” highlight the charming aroma of flowers. The corpus (1) describes “The woman is like a flower,” emphasizing the beauty and youth of women, while (2) focuses on the use of a variety of flowers to describe women, although women have different personalities, but all have the characteristic of flowers. In Chinese, women are often compared to flowers, such as “女人花” (woman as flower), “貌美如花” (beautiful as flower), “娇艳如花” (delicate as flower), “一生如花” (as flower in one’s life), and so on. In the female metaphor of “Woman is a Flower”, the media uses the familiar concept of “flower” to represent woman, and maps the characteristics of the source domain “flower” to woman. The beauty of “flowers” reflects the beauty of women, the blooming of “flowers” reflects the youth of women, and the aroma of “flowers” reflects the charming of women. These characteristics construct the attractive image of women.

Table 3. The Keywords of Female Metaphor “Woman is a Flower”

Metaphor keywords	Frequency	Metaphor keywords	Frequency	Metaphor keywords	Frequency
花 (flower)	71	枝 (branch)	3	鲜花 (flower)	2
玫瑰 (rose)	6	百花 (various flowers)	2	暗香 (faint aroma)	1
桃花 (peach blossom)	4	凋零 (wither and fall)	2	春花 (flower in spring)	1
花朵 (blossom)	4	馥郁 (strong fragrance)	2	芳香 (fragrance)	1
女人花 (women as flower)	4	花丛 (flowers in clusters)	2	含苞欲放 (in bud)	1
开花 (come into bloom)	4	花蕾 (bud)	2	花圃 (parterre)	1
盛开 (in full bloom)	4	卉 (ou)	2	花园 (garden)	1
芬芳 (fragrance)	3	花儿 (flower)	2	牡丹 (peony)	1
芙蓉 (rose hibiscus)	3	兰花 (orchid)	2	飘香 (fragrance)	1
花香 (floral scent)	3	莲花 (lotus)	2	太阳花 (sunflower)	1
玫瑰花 (rose flower)	3	怒放 (in full bloom)	2	枝头 (branch)	1
绽放 (burst into bloom)	3	香 (fragrance)	2		
Resonance value of source domain: 5215					

Woman is Water.

(3) 好女人是水, 柔情绵绵; 好女人是港, 安全可靠. (A good woman is water, being gentle; A good woman is a port, being reliable.)

(4) 女人像水, 而柔情的你更像溪流, 潺潺地把我围绕. (Woman is like water, and you are more like a stream, gurgling around me.)

In addition, “Woman is Water” is also a common conceptual metaphor in gender discourse, and this metaphor has a high frequency in the media. As the main element of liquid, water is the source of life and the foundation of all things in the world. This cognitive model can be reflected in both ancient Greek philosophy and fairy tales. The western philosopher Thales believed that water is the origin of all things in the universe, that life comes from water, and that the origin of the world is water. In one of the four Chinese classics *Journey to the West*, the author mentions the Alphabet River, referring that anyone who has a sip of the the water in the river can give birth to life. From the scientific point of view, water is the basic material of living organisms, clean, flowing and changeable. Water is a daily necessity and always used to understand many other concepts. The keywords and frequency of occurrence are shown in Table 4. As can be seen from Table 4, the keywords of this metaphor mainly include the types of water, such as harbor, sea, brook, stream, spring, and the fluidity of water, such as flow, overflow, murmur, run, drain away. Based on people’s personal experience with water, the characteristics of “water” in the source domain are naturally mapped to women through female metaphors. In the corpus (3), “Woman is Water” accentuates the fluidity of water, giving a sharp contrast to the stillness of mountains, implicating relationship between men as mountain and women as water; corpus (4) “Woman is Water” also shows the fluidity of water. The flow of water vividly reflects the tenderness of women. In daily language, there are many such expressions, such as, “女人似水” (Women are like water), “女人是水做的” (Women are made from water), “柔情似水” (gentle as water), “像溪水般温柔” (gentle as brook) and so on. The media constructs the image of tenderness through water metaphor.

Table 4. The Keywords of Female Metaphor “Woman is Water”

Metaphor keywords	Frequency	Metaphor keywords	Frequency	Metaphor keywords	Frequency
水 (water)	11	春水 (water in spring)	1	清水 (clean water)	1
港 (port)	3	潺潺 (murmur)	1	小溪 (brook)	1
海 (sea)	3	流 (flow)	1	泉涌 (gush)	1
溪水 (stream)	3	流去 (flow away)	1	溪流 (stream flowing)	1
流淌 (flow)	2	流水 (flowing water)	1	涨 (rise)	1
清凉 (cool)	2	润 (embellish)	1	滋润 (moisten)	1
溢 (overflow)	2	清泉 (clean spring)	1		
Resonance value of source domain: 780					

Woman is Half of the Heaven.

(5) 半边天, 家里转, 洗衣做饭不停闲; 半边天, 地里转, 大活小活, 都能干, 半边天, 单位转, 大事小事, 都能办. (Woman is half of the heaven, washing and cooking at home; Woman is half of the heaven, working on the earth and doing everything; Woman is half of the heaven, working outside, and dealing with every deeds.)

(6) 头顶半边天, 双手把钱赚, 头脑灵活, 眼界宽, 志有千里, 胸怀广, 新时代花木兰不只是个传说. (Woman is half of the heaven, making money, with flexible thought, wide vision, big ambition and broad mind, just as the legend Hua Mulan in the new era.)

In the heaven and earth, “heaven” is located in the high altitude above the ground, has been worshiped and yearned by people. “女娲” (Goddess Nvwa) patches the heaven, providing the possibility for Chinese women compared to half of the heaven. “Half of the Heaven” literally refers to a part of the heaven, and is often used to describe the great power of women who can work as men in the new society. “Woman is Half of the Heaven” has also become a common female metaphor, and the frequency in the media blessings is also very high. The keywords and frequency of occurrence are shown in Table 5. The words “stand up” and “hold up” in Table 5 highlight the important status of women in society. The corpus (5) and (6) emphasize the responsibilities undertaken by women in daily life, including the household work and other deeds in the society through female metaphor. In Chinese, “女人是天” (Woman is the heaven), “男人的半边天” (Woman is half of the heaven as man), “谁说女儿不如男, 妇女也顶半边天” (It is not true that women are inferior to men, and in fact women also hold half of the heaven) and so on have gradually become common usages in daily life, expressing the role played by women are the same as men in daily life and work. Through the female metaphor “Woman is Half of the Heaven”, the media constructs the social status of women as men in the new era.

Table 5. The Keywords of Female Metaphor “Woman is Half of the heaven”

Metaphor keywords	Frequency	Metaphor keywords	Frequency	Metaphor keywords	Frequency
半边天 (half of the heaven)	22	翻天 (shake the heaven)	1	支配 (govern)	1
顶 (stand up)	8	坚不可摧 (impregnable)	1	指挥 (conduct)	1
撑起 (hold up)	3	扛 (carry)	1	掌管 (take charge of)	1
崩塌 (crumble)	1	乾坤 (heaven and earth)	1	掌握 (grasp)	1
担当 (responsibility)	1	捅破 (pierce)	1		
巅峰 (peak)	1	一手遮天 (cover the whole world)	1		

Resonance value of source domain: 736

Woman is Light.

(7) 你们像一缕阳光, 送来无限的温暖. (You are like a ray of sunshine, with infinite warmth.)

(8) 在我心目中, 您就是光芒, 照亮我的一生. 如果你是太阳, 那我就是您照耀下的花朵. (In my mind, you are the light, lighting up my life. If you are the sun, then I am your shining flower.)

Light is basic thing human can perceive in nature, bringing warmth, comfort, happiness and many other positive experience. The metaphor of “Woman is Light” has always been embodied in the process of people’s historical and cultural development. In the history of western philosophy, Plato mentions “The light of the cave”, “The light of the sun” and “The eye” in the Republic, where he describes the reflection of the prisoner from the fire at the mouth of the cave, slowly to the blinding fire, and then to the dazzling sunlight, and finally to the clear scene, and demonstrates his core concept of truth in a vivid interpretation. “Woman is Light” is also a relatively common female metaphor in daily language, and it also appears more frequently in media blessings. Its

keywords and frequency of occurrence are shown in Table 6. As can be seen from Table 6, the keywords of this metaphor mainly include the main body of light, such as “sunshine”, “sun”, “spring”, “stars”, “starlight”, “planet”, and the characteristics of light, such as “splendid”, “bright”, “radiant”, “cloudless”, “beaming”. On the basis of human cognition, the feature of the source domain “light” is mapped to the character of women through female metaphor. Corpus (7) the “warmth” of “a ray of sunshine” is mapped to the warmth brought by women to human beings; corpus (8) the function of “light” and “sunshine” is mapped to women’s ability of promoting human growth. In everyday language, sunshine is an important source domain of female metaphor, such as “像阳光般活泼” (as lively as the sunshine), “尽展媚力阳光耀” (as bright as the sunshine), “你是灿烂的阳光” (You are the shining sun) and so on. The media constructs the unique charm and outstanding contribution of women through the female metaphor “Woman is Light”.

Table 6. The Keywords of Female Metaphor “Woman is Light”

Metaphor keywords	Frequency	Metaphor keywords	Frequency	Metaphor keywords	Frequency
灿烂 (splendid)	10	晴朗 (cloudless)	2	明媚 (bright)	1
阳光 (sunshine)	6	闪烁 (flicker)	2	星 (star)	1
光芒 (light)	4	星辰 (star-shine)	2	星光 (starlight)	1
太阳 (sun)	3	灿然 (bright)	1	星球 (planet)	1
四射 (radiant)	3	粲然 (beaming)	1	朝阳 (rising sun)	1
春光 (light in spring)	2	光彩 (luster)	1		
Resonance value of source domain: 714					

Woman is a Fairy.

(9) 下班回家花枝展, 上街靓妆貌似仙. 三八妇女节愿你: 事业爱情花正艳, 美丽犹如大姑娘. (You are as beautiful as the flower when you come home after work, as the fairy when you go to the street. You are a beautiful lady and I give my best wish for your career and love on Women’s Day.)

(10) 我的眼里, 你善良如出, 你的心永远如天使般圣洁. (In my eyes, you are good, and your heart is always as holy as an angel.)

In the development of human history, fairy is a fictional figure that people pursue spiritual needs. The fairy is extremely beautiful, transcendent, holy and far from real life, and has a unique charm that no woman on earth can compare with. In the corpus, the metaphor “Woman is a Fairy” appears frequently, and its keywords and frequency of occurrence are shown in Table 7. It can be seen that the keywords of this metaphor mainly include some fictional characters, such as fairies, angels, Goddesses, celestial being, etc., and the keywords of its characteristics mainly include otherworldly and holiness. On the basis of human cognition, the feature of the source domain “fairy” is mapped to the woman through female metaphor. The corpus (9) emphasizes the beauty of women through the appearance of fairies, and the corpus (10) describes the holiness of women through the characteristics of angels. In Chinese, “Woman is a Fairy” is an important type of the female metaphor, such as “花仙子” (flower fairies), “神仙姐姐” (fairy sister), “快乐天使” (happy angel), “美若天仙” (beautiful as a fairy), “仙子下凡” (fairies descend to the earth), and so on. The media conceptualizes women with beauty and holiness through the metaphor of “Woman is a Fairy”.

Table 7. The Keywords of Female Metaphor “Woman is a Fairy”

Metaphor keywords	Frequency	Metaphor keywords	Frequency	Metaphor keywords	Frequency
仙子 (fairy)	7	圣洁 (holy)	2	宫殿 (palace)	1
天使 (angel)	6	使者 (herald)	2	上帝 (God)	1
脱俗 (otherworldly)	5	天堂 (paradise)	2	天仙 (fairy)	1
女神 (Goddesses)	4	玉帝 (Emperor)	2	下凡 (descend to the earth)	1
神仙 (celestial being)	3	殿堂 (palace hall)	1		
Resonance value of source domain: 532					

Woman is a Book.

(11) 美丽的女人是杂志书, 赏心悦目; 智慧的女人是励志书, 催人进步; 善良的女人是名著, 让人拜读. (Beautiful woman is a magazine, pleasing to the eye; wise woman is an inspirational book, urging people to progress; kind woman is a masterpiece, making people read.)

(12) 一个女人是一本书, 每一本书都有人读, 总有一个对书有更深理解和共鸣的人, 愿女人这本书都有理解和共鸣的人, 使女人每一天都像过妇女节一样幸福快乐! (A woman is a book. Every book can be read, and there is always someone who has a deeper understanding and resonance of the book. Wish the woman understood by others just as a book understood by some people, happy every day just as the women’s day!)

Book is an important source of knowledge. With the progress of society, human beings have a deeper understanding of the importance of books. “Woman is a Book” has also become an important part of female metaphors, with a high number of keywords and frequencies in the blessings of women in the media, as shown in Table 8. It can be seen that the keywords of the metaphor of “Woman is a Book” mainly focus on the special style, such as poetry, poetic sentiment, poetic book, Tang poetry and so on. In Chinese, the metaphor of “Woman is a Book” appears in more corpus, such as, “女人如诗, 迷人隽永” (Women are like poems, charming and meaningful), “女人如诗, 典雅脱俗” (Women are like poems, elegant and otherworldly). In addition to the poems, the characteristics of the source domain “book” are mapped to women through female metaphor in human cognition. The corpus (11) reflects the beauty, wisdom and kindness of women through the feature of knowledge in the book, but the ultimate blessing is still “eternal youth”. The corpus (12) reflects the object of the book, the woman as an object that needs to be understood and resonated with. In the media, through the metaphor of “Woman is a Book”, women’s intellectual ability and unique charm for people to appreciate are constructed.

Table 8. The Keywords of Female Metaphor “Woman is a Book”

Metaphor keywords	Frequency	Metaphor keywords	Frequency	Metaphor keywords	Frequency
书 (book)	14	饱读 (be well-read)	1	书本 (book)	1
诗 (poem)	6	名著 (masterwork)	1	唐诗 (Tang poetry)	1
读 (read)	3	诗篇 (poem)	1	杂志 (magazine)	1
文字 (words)	2	诗情 (poetic sentiment)	1	作诗 (make poem)	1
拜读 (have the honour to read)	1	诗书 (poetic books)	1		
Resonance value of source domain: 490					

Woman is a Tiger.

(13) 妇女节里你要舞, 风风火火就如虎. (You have to dance on Women’s Day, as prestigious as tiger.)

(14) 你是老虎我变猫, 快乐是今天我的目标. (You are the tiger while I am the cat, your happiness is my goal today.)

Tiger is one of the fierce animals in the natural world, and human beings have a very specific understanding of of tiger and conceptualize the tiger as the king of beasts. As the pronunciation of “tiger” (lao hu) and “woman” (fu nv) in Chinese is similar, “tigress” often becomes a title for women in daily life, and the metaphor of “Woman is a Tiger” appears frequently in the blessings of women in the media, and its keywords and times are shown in Table 9. It can be seen that the keywords of the metaphor of “Woman is a Tiger” mainly focuses on the words “tiger” and “tigress”. In human cognition, the characteristics of “tiger” in the source domain are mapped to women through female metaphor. The corpus (13) describes the female’s “hot and furious” feature through the characteristic of the tiger’s fast behavior. The corpus (14) emphasizes the irritable character of women through the object of the tiger. Under the influence of the metaphor of “Woman is a Tiger”, women are given the characteristics of tigers, and their language and behavior are aggressive and strong. In the media, this character is positive, highlighting men’s tolerance and love for women, and also constructing women’s independence, confidence and powerful temperament.

Table 9. The Keywords of Female Metaphor “Woman is a Tiger”

Metaphor keywords	Frequency	Metaphor keywords	Frequency	Metaphor keywords	Frequency
虎 (tiger)	16	抵挡 (hold off)	1	折服 (subdue)	1
老虎 (tiger)	2	惧 (fear)	1	征服 (conquer)	1
母老虎 (tigress)	2	威风 (power and prestige)	1	趾高气扬 (arrogant)	1
八面威风 (prestigious all round the world)	1	袭击 (assault)	1		
逼人 (threatening)	1	赛过 (win)	1		
Resonance value of source domain: 390					

Woman is a Jewel.

(15) 老婆是玉, 老婆是宝, 时时要对老婆好. (The wife is jade, the wife is treasure, and husband always needs to care their wife.)

(16) 女人如宝, 碧玉天成. (A woman is like a treasure, like a natural jasper.)

Jewelry is considered to be priceless, pure and flawless. Because of these the most prominent recognition of the concept of jewelry, the female metaphor “Woman is a Jewel” often appears in media, and its keywords and frequency are shown in Table 10. Among them, the keywords “jade” and “treasure” appear more frequently, and similar words include “jasper”, “crystal”, “pearl”, “priceless treasure”, “luminous pearl”, “apple of the eye”, and so on. In human mind, the source domain “jewels” are priceless, and this feature is mapped to women through female metaphor, in terms of the keywords “precious”, “bright”, “flawless”, “priceless”. In corpus (15) and (16), the preciousness of “treasure”, “jade” and “jasper” are mapped to the preciousness of women, who are endowed with priceless characteristics that make people love and cherish. In the media, “Woman is a Jewel” effectively highlights men’s love for women, and also constructs the precious character of women.

Table 10. The Keywords of Female Metaphor “Woman is a Jewel”

Metaphor keywords	Frequency	Metaphor keywords	Frequency	Metaphor keywords	Frequency
玉 (jade)	5	碧玉 (jasper)	1	无价之宝 (priceless treasure)	1
宝 (treasure)	4	璀璨 (bright)	1	夜明珠 (luminous pearl)	1
宝贝 (treasure)	1	水晶 (crystal)	1	掌上明珠 (apple of the eye)	1
宝贵 (precious)	1	无暇 (flawless)	1	珍品 (pearl)	1
Resonance value of source domain: 228					

The female image is a combination of self-cognition and other-cognition, which is constructed by society, and the media plays a decisive role in the construction and dissemination of female image. Metaphor is not a simple mapping of the objective world, but a selective and conscious construction of social reality. The study of female metaphor reflects the subordinate status and weak status of women in society [25]. Metaphor is a discourse strategy, strengthening the female reproductive system behavior, constructing and maintaining the status of dominant patriarchal hegemony [26]. In the social reality, people unconsciously believe that women should have certain image, and this cognitive thinking is connected with the specific source domain in daily life through the encoding of media. The mapping between the source domain and the target domain produces various female metaphors, and these metaphors are constantly decoded, once again solidifying people’s cognition of female images in the social reality.

The female metaphor of gender discourse implies the cognition of women in the media, which constructs the corresponding female image through continuous encoding and decoding. From the above analysis, it can be seen that in the blessing corpus of women on “Women’s Day” in Wechat media, the Chinese female image has also diversified, and a large number of eight metaphors such as “Woman is a Flower”, “Woman is Water”, “Woman is Half of the heaven”, “Woman is Light”, “Woman is a Fairy”, “Woman is a Book”, “Woman is a Tiger” and “Woman is a Jewel” have been used. Among them, “Woman is a Flower” dominates the metaphorical corpus of women in the whole blessing. Women are defined as “beautiful as flowers”, and the image of ideal women’s charming appearance is deeply in the cognitive thinking of the public. In “Woman is Water”, the feminine gentle and tender image stands out. “Woman is Light” highlights the female image that women shine on others and dedicate themselves; the metaphor of “Woman is Half of the heaven” emphasizes the contribution of women to society the same as the man in the new era, and outlines the independent and confident image of women in her housework and social work. “Woman is a Fairy” portrays women as a perfect image of beauty in appearance and purity in heart. The metaphor of “Woman is a Book” highlights the public’s appreciation of women and shows the unique wisdom of women. The metaphor of “Woman is a Tiger” emphasizes the strong and powerful image of women in the new era. “Woman is a Jewel” shows the precious, priceless and cherished image of women. It is obvious to see the diversified characteristic and charming of woman nowadays and the big improvement of the construction of female image in media.

However, these female metaphors in the media also have a certain dominance in the construction of female images, reflecting the ideological nature of media culture. In the high frequent metaphors, flowers and fairies both highlight the beauty of women’s appearance, while water and light emphasize the gentleness of women, constructing the “beauty” and “gentleness” as main images of women. According to the analysis above, beauty became the most prominent

image of ideal female. On “Women’s Day”, the blessing words of “beautiful”, “youth”, “as beautiful as flowers”, “charming,” “enchanted” expressed the public’s high requirements for women’s the appearance, while the blessing words of “gentleness” also indicate the public’s high requirement for women’s temperament, while other words such as “virtuous”, “brave”, “ambiguous” are as important as “gentle” for women. The gender discourse of media, constructs women with “beautiful”, “youthful” and “gentle” identities through female metaphors “Woman is a Flowers” and “Woman is Water” and the fact that women’s beauty, youth and gentleness to others are the criteria for judging the value of women in the media. This is closely related to the deep-rooted gender role-setting in popular culture. On the whole, the female beauty appearance and gentle temperament dominate the characteristics of the female image in the media. Some studies have pointed out that there are visible victims and invisible creators in the production of female images in contemporary popular culture [27]. The female image is not objective, fair and equal in the gender discourse system, but the product of the manipulation and dominance of the media in the male gender discourse system.

Of course, since the media provides a wide range of platform, people are free to express themselves through the media in public according to their own will. Some corpus also shows that people are trying to resist the women’s characteristics of “being beautiful as flowers” and “playing the role of caring husband and rearing children” which dominate in the blessing for women on “Women’s Day” through the media Wechat platform. For example, one of the blessings message “Woman (wife) is responsible for earning money to support the family, you (husband) are responsible for being beautiful as the flower” projects the women’s characteristics of “being beautiful as flowers” into men’s “being handsome as flowers” in a humorous way, subverting the gender roles of men and women in the society through the media. In the process of the transformation of the dominant gender discourse in the media, the public also get some pleasure. However, since this kind of female metaphor is still in a very small proportion in the media, it is difficult to change the mainstream ideology of the image of women. Women have gradually accepted this female image that the women should be “beautiful” and “gentle” as a natural and reasonable norm of the society. Because the media often has the important summoning power, these blessing words reprint and spread unceasingly in the public, and the media unceasingly molds, disseminates and constructs the female image in human’s cognition. In this process of normalization and rationalization, the media fosters the formation of social gender and also imperceptibly weakens and hinders women’s self-development.

It can be seen that female metaphors in media show diverse female images such as appearance, temperament, ability and value on the one hand, and female metaphors also indicate the domination of “beauty” and “gentleness” in the female images in the gender discourse. These metaphors repeatedly appear and reinforce each other in media, making the female images constructed by media diversified and dominant, and solidifying them in the psychological model of the public. It is true that while media provides the platform for gender discourse, gender discourse in the media nowadays has been diversified greatly improved and diversified, but it also becomes more implicit and shows the gender culture in a hidden way.

Conclusion. By analyzing the female metaphor in the blessing of women on “Women’s Day” on Wechat platform, this study explores the Chinese female image constructed by metaphor in the

media. Through the mapping of Flower, Water, Half of the heaven, Light, Fairy, Book, Tiger, Jewel and other source areas, the media enables women to obtain and construct diversified female images in terms of appearance, temperament, ability and value in the gender discourse. It can be seen that the construction of gender discourse in the media becomes diversified on the one hand, on the other hand it still follows the traditional mode of thinking. It is necessary to further strengthen the guidance of media, expand the participation of the public, respect individual differences rather than gender differences, so as to construct an equal female image and promote the growth of women and the harmonious development of society. Of course, due to different historical cultures and emotional experiences, people may have different mechanisms for highlighting female image. The future study can further explore the female image constructed by metaphor in specific social and cultural contexts.

REFERENCES

1. Grabe, S., Ward, L.M. and Hyde, J.S. (2008), "The role of the media in body image concerns among women: A meta-analysis of experimental and correlational studies", *Psychological Bulletin*, vol. 134, iss. 3, pp. 460–476. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.3.460>.
2. Collins, R.L. (2011), "Content Analysis of Gender Roles in Media: Where Are We Now and where Should We Go?", *Sex roles*, vol. 64, iss. 3–4, pp. 290–298. DOI: 10.1007/s11199-010-9929-5.
3. Ellemers, N.M. (2018), "Gender stereotypes", *Annual Review of Psychology*, vol. 69, iss. 1, pp. 275–298. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-122216-011719>.
4. Shinoda, L.M., Veludo-de-Oliveira, T. and Pereira, I. (2020), "Beyond gender stereotypes: the missing women in print advertising", *International J. Advertising*, vol. 40, iss. 4, pp. 629–656. DOI: <https://doi.org/10.1080/02650487.2020.1820206>.
5. Zhong, M.B. (1990), "On media culture", *Journalism & Communication*, vol. 2, pp. 16–30.
6. Wang, F. (2001), "On women's literature and commodity market", *J. of Chinese Women's Studies*, no. 2, pp. 58–62.
7. Wei, M.J. (2014), "Interpretation of gender discourse in public media", *Hubei Social Sciences*, no. 6, pp. 193–195. DOI: <https://doi.org/10.13660/j.cnki.42-1112/c.012664>.
8. Li, X.M. (2017), "Interpretation of gender discourse turning phenomenon in Chinese TV advertisements", *China Television*, no. 9, pp. 53–56.
9. Li, M.W. and Bai, R.H. (2019), "Research on female media image presentation", *Contemporary Communication*, no. 3, pp. 110–112.
10. Hu, T.T. (2019), "Which position is proper? The representation of the policewoman in the Hong Kong film *Breaking News*", *Feminist Media Studies*, vol. 20, iss. 6, pp. 753–767. DOI: <https://doi.org/10.1080/14680777.2019.1643386>.
11. Liu, J. and Peng, C. (2017), "Gender: an effective analysis example of media broadcast", *J. of Xiangtan Univ. (Philosophy and Social Sciences)*, vol. 41, iss. 3, pp. 94–97. DOI: <https://doi.org/10.13715/j.cnki.jxupss.2017.03.017>.
12. Koller, V. (2004), *Metaphor and Gender in Business Media Discourse. A Critical Cognitive Study*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.
13. Borelli, E. and Cacciari, C. (2019), "The Comprehension of Metaphorical Descriptions Conveying Gender Stereotypes. An Exploratory Study", *Frontiers in Psychology*, vol. 10: 2615. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02615.
14. Materynska, O. (2019). The anthropomorphic image of war in the German and Ukrainian mass media", *Lingua Montenegrina*, vol. 24, no. 2, pp. 153–167. DOI: <https://doi.org/10.46584/lm.v24i2.707>.
15. Moratti, S. (2020), "What's in a word? On the use of metaphors to describe the careers of women academics", *Gender and Education*, vol. 32, iss. 7, pp. 862–872. DOI: <https://doi.org/10.1080/09540253.2018.1533927>.

16. Yu, Y. and Nartey, M. (2021), "Constructing the myth of protest masculinity in Chinese English language news media: a critical discourse analysis of the representation of "leftover men"", *Gender and Language*, vol. 15, no. 2, pp. 184–206. DOI: <https://doi.org/10.1558/genl.18823>.
17. Lakoff, G. and Johnson, M. (1980), *Metaphors We Live By*, Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
18. Fairclough, N. (1995), *Media Discourse*, Edward Arnold, London, UK.
19. Charteris-Black, J. (2004), *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.
20. Koller, V. (2005), "Critical discourse analysis and social cognition: Evidence from business media discourse", *Discourse and Society*, vol. 16, iss. 2, pp. 199–224. DOI: 10.1177/0957926505049621.
21. Goffman, E. (1979), *Gender Advertisements*, Macmillan, London, UK.
22. Stefanowitsch, A. (2006), "A corpus-based approaches to metaphor and metonymy", *Corpus-based Approaches to Metaphor and Metonymy*, in Stefanowitsch, A. (ed.), Mouton de Gruyter, Berlin, GER, pp. 1–16.
23. Kövecses, Z. (2010), *Metaphor: A Practical Introduction*, Oxford Univ. Press, NY, USA.
24. Yan, M.F. and Li, J.X. (2010), "On the objective, approaches and methods of metaphor corpus studies", *J. of Shenzhen Univ. (Humanities & Social Sciences)*, vol. 27, no. 2, pp. 116–120.
25. Dong, Y.X. (2014), "A study of female metaphorical address forms in English", *J. of Guangxi Univ. for Nationalities (Philosophy and Social Science Edition)*, vol. 36, no. 6, pp.180–183.
26. Wambura, J. (2016), "'Earrings and shields': Metaphor and gendered discourses in female genital mutilation songs in Kuria, Kenya", *Gender and Language*, vol. 12, no. 1, pp. 87–113. DOI: <https://doi.org/10.1558/genl.30330>.
27. Jiang, Y. (2021), "Visible victim and invisible creator – female image production of contemporary popular culture", *China Book Review*, vol. 363, no. 5, pp. 28–38.

Information about the author.

Hong Xu – College of Foreign Languages and Cultures, Sichuan University, Chengdou, Sichuan, China; School of Foreign Languages, Hubei Minzu University, Enshi Hubei, China.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 07.05.2024; adopted after review 07.06.2024; published online 23.12.2024.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Grabe S., Ward L. M., Hyde J. S. The role of the media in body image concerns among women: A meta-analysis of experimental and correlational studies // *Psychological Bulletin*. 2008. Vol. 134, iss. 3. P. 460–476. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.3.460>.
2. Collins R. L. Content Analysis of Gender Roles in Media: Where Are We Now and where Should We Go? // *Sex roles*. 2011. Vol. 64, iss. 3–4. P. 290–298. DOI: 10.1007/s11199-010-9929-5.
3. Ellemers N. M. Gender stereotypes // *Annual Review of Psychology*. 2018. Vol. 69, iss. 1. P. 275–298. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-122216-011719>.
4. Shinoda L. M., Veludo-de-Oliveira T., Pereira I. Beyond gender stereotypes: the missing women in print advertising // *International J. Advertising*. 2020. Vol. 40, iss. 4. P. 629–656. DOI: <https://doi.org/10.1080/02650487.2020.1820206>.
5. Zhong M. B. On media culture // *Journalism & Communication*. 1990. Vol. 2. P. 16–30.
6. Wang F. On women's literature and commodity market // *J. of Chinese Women's Studies*. 2001. No. 2. P. 58–62.
7. Wei M. J. Interpretation of gender discourse in public media // *Hubei Social Sciences*. 2014. No. 6. P. 193–195. DOI: <https://doi.org/10.13660/j.cnki.42-1112/c.012664>.
8. Li X. M. Interpretation of gender discourse turning phenomenon in Chinese TV advertisements // *China Television*. 2017. No. 9. P. 53–56.

9. Li M. W., Bai R. H. Research on female media image presentation // *Contemporary Communication*. 2019. No. 3. P. 110–112.
10. Hu T. T. Which position is proper? The representation of the policewoman in the Hong Kong film *Breaking News* // *Feminist Media Studies*. 2019. Vol. 20, iss. 6. P. 753–767. DOI: <https://doi.org/10.1080/14680777.2019.1643386>.
11. Liu J., Peng C. Gender: an effective analysis example of media broadcast // *J. of Xiangtan Univ. (Philosophy and Social Sciences)*. 2017. Vol. 41, iss. 3. P. 94–97. DOI: <https://doi.org/10.13715/j.cnki.jxupss.2017.03.017>.
12. Koller V. *Metaphor and Gender in Business Media Discourse. A Critical Cognitive Study*. Basingstoke: Palgrave, 2004.
13. Borelli E., Cacciari C. The Comprehension of Metaphorical Descriptions Conveying Gender Stereotypes. An Exploratory Study // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10: 2615. DOI: [10.3389/fpsyg.2019.02615](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02615).
14. Materynska O. The anthropomorphic image of war in the German and Ukrainian mass media // *Lingua Montenegrina*. 2019. Vol. 24, no. 2. P. 153–167. DOI: <https://doi.org/10.46584/lm.v24i2.707>.
15. Moratti S. What's in a word? On the use of metaphors to describe the careers of women academics // *Gender and Education*. 2020. Vol. 32, iss. 7. P. 862–872. DOI: <https://doi.org/10.1080/09540253.2018.1533927>.
16. Yu Y., Nartey M. Constructing the myth of protest masculinity in Chinese English language news media: a critical discourse analysis of the representation of "leftover men" // *Gender and Language*. 2021. Vol. 15, no. 2. P. 184–206. DOI: <https://doi.org/10.1558/genl.18823>.
17. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.
18. Fairclough N. *Media Discourse*. London: Edward Arnold, 1995.
19. Charteris-Black J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.
20. Koller V. Critical discourse analysis and social cognition: Evidence from business media discourse // *Discourse and Society*. 2005. Vol. 16, iss. 2. P. 199–224. DOI: [10.1177/0957926505049621](https://doi.org/10.1177/0957926505049621).
21. Goffman E. *Gender Advertisements*. London: Macmillan, 1979.
22. Stefanowitsch A. A corpus-based approaches to metaphor and metonymy // *Corpus-based Approaches to Metaphor and Metonymy*; A. Stefanowitsch (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 1–16.
23. Kövecses Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. NY: Oxford Univ. Press, 2010.
24. Yan M. F., Li J. X. On the objective, approaches and methods of metaphor corpus studies // *J. of Shenzhen Univ. (Humanities & Social Sciences)*. 2010. Vol. 27, no. 2. P. 116–120.
25. Dong Y. X. A study of female metaphorical address forms in English // *J. of Guangxi Univ. for Nationalities (Philosophy and Social Science Edition)*. 2014. Vol. 36, no. 6. P. 180–183.
26. Wambura J. "Earrings and shields": Metaphor and gendered discourses in female genital mutilation songs in Kuria, Kenya // *Gender and Language*. 2016. Vol. 12, no. 1. P. 87–113. DOI: <https://doi.org/10.1558/genl.30330>.
27. Jiang Y. Visible victim and invisible creator – female image production of contemporary popular culture // *China Book Review*. 2021. Vol. 363, no. 5. P. 28–38.

Информация об авторе.

Хун Сюй – Колледж иностранных языков и культур, Сычуаньский университет, Чэндоу, Сычуань, Китай; Школа иностранных языков, Университет Хубэй Миньцзу, Эньши, Хубэй, Китай.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 07.05.2024; принята после рецензирования 07.06.2024; опубликована онлайн 23.12.2024.*

Оригинальная статья

УДК 81

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-151-164>

Медиапрезентация английских заимствований педагогического дискурса

Анна Дмитриевна Ефимова

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

Государственный гуманитарно-технологический университет, Орехово-Зуево, Россия,

lady-ann2792@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4465-3148>

Введение. В настоящее время изменяется русская ценностная картина мира под влиянием американской культуры как основного проводника глобализации. Выражением этих изменений становятся заимствования в разных видах дискурса, восприятие которых формируется в медийном дискурсе, играющем важную роль в осмыслении этих заимствований. Целью исследования является изучение особенностей медиапрезентации английских заимствований педагогического дискурса.

Методология и источники. Основой исследования стал собранный тематический корпус текстов разных жанров: текстов форумов, статей медийных образовательных платформ и собственно медийных текстов общим объемом 42 тыс слов.

Результаты и обсуждение. В статье рассмотрены особенности медиапрезентации импортированных концептов педагогического дискурса «тренд» и «рейтинг», которые выражают ключевую для американской культуры идею состязательности. Заимствование «тренд» тесно связано с контекстами употребления других заимствований, входящих в его содержательную структуру: «ноу-хау», «стартап», «хакатон» и др. и включает в свое интерпретационное поле понятия «инновация» и «модернизация», которые получают оценку, зависящую от субъекта оценочной квалификации. В интерпретационное поле концепта «рейтинг» входят такие слова, как «буллинг», «давление», «конкуренция». В большинстве медийных текстов «рейтинг» оценивается отрицательно как способствующий прагматическому подходу к получению знаний, вызывающий соперничество и негативные эмоции у детей и являющийся причиной психологических травм и проблем взаимоотношений в коллективе. Основой для метафорической концептуализации процессов, происходящих в образовании, служит основная метафора «человек-природа», а также метафора компьютерной игры и стоимости, позволяющие выделить ценностные акценты восприятия заимствований и отношение социума к осваиваемым явлениям.

Заключение. Выявлено, что заимствования «тренд» и «рейтинг» обладают образно-ценностными характеристиками, имеют выраженную оценочную маркировку и метафорическую концептуализацию. Изучение заимствований педагогического дискурса указывает на значимость дискурсивного фактора в осмыслении концептов.

Ключевые слова: медиадискурс, заимствование, педагогический дискурс, рейтинг, тренд, инновация

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 23-28-00509 «Лингвокультурные характеристики репрезентации социально значимых феноменов: корпусный подход»).

© Ефимова А. Д., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Ефимова А. Д. Медиапрезентация английских заимствований педагогического дискурса // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 6. С. 151–164. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-151-164.

Original paper

Media Presentation of English Borrowings of Pedagogical Discourse

Anna D. Efimova

*Volgograd State University, Volgograd, Russia
State University of Humanities and Technology, Orekhovo-Zuyevo, Russia,
lady-ann2792@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4465-3148>*

Introduction. Currently, the Russian value picture of the world is changing under the influence of American culture as the leader of globalization. Borrowings in different types of discourse become an expression of these changes, the perception of which is formed in media discourse, playing an important role in understanding these borrowings. The purpose of the study is to investigate the features of the media representation of English borrowings of pedagogical discourse.

Methodology and sources. The basis of the research was the collected thematic corpus of texts of different genres: texts of forums, articles of media educational platforms and media texts themselves with a total volume of 42 thousand words.

Results and discussion. This article examines the features of the media presentation of the key imported concepts of pedagogical discourse “trend” and “rating”, which express the key idea of competitiveness for American culture. The borrowing “trend” is closely related to the contexts of the use of other borrowings included in its content structure: “know-how”, “startup”, “hackathon”, etc. and includes in its interpretative field the concepts of “innovation” and “modernization”, which receive an assessment depending on the subject of the assessment qualification. The interpretative field of the “rating” concept includes words such as “bullying”, “pressure”, “competition”. In most media texts, it is negatively assessed as contributing to a pragmatic approach to gaining knowledge, causing rivalry and negative emotions in children, causing psychological trauma and problems of relationships in the team. The basis for the metaphorical conceptualization of the processes taking place in education is the basic metaphor “man-nature”, as well as the metaphor of computer games and value, which allow us to highlight the value accents of perception and the attitude of society to the phenomena being mastered.

Conclusion. It is revealed that the borrowings “trend” and “rating” have figurative and value characteristics, have pronounced evaluative labeling and metaphorical conceptualization. The study of borrowings of pedagogical discourse indicates the importance of the discursive factor in understanding concepts.

Keywords: media discourse, borrowing, pedagogical discourse, rating, trend, innovation

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00509 “Linguocultural characteristics of socially relevant phenomena: corpus-based approach”).

For citation: Efimova, A.D. (2024), “Media Presentation of English Borrowings of Pedagogical Discourse”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 6, pp. 151–164. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-151-164 (Russia).

Введение. В рамках современных антропоцентрических дисциплин, таких как лингвокультурология и лингвоаксиология, особую важность приобретает интерес специалистов к изучению воплощения ценностей в разных видах дискурса [1, с. 172]. Исследователи отмечают перспективность изучения механизмов языкового отражения ценностей в различных

видах дискурса, поскольку «способы выражения языковых форм зависят от социокультурного аспекта, основу которого составляет аксиологический компонент, содержащий нормы и ценности, где отражается менталитет и культура народа, общества и индивида» [2, с. 14].

В настоящее время ценностные трансформации под влиянием американской культуры как основного проводника глобализации затрагивают все сферы жизни общества и отражаются в разных видах дискурса. В. И. Карасик отмечает, что в работах социологов приводятся списки ценностей разных культур. Так, исследователь сравнивает базовые ценности американской культуры и ценности русской культуры и приходит к выводу, что наряду с общими базовыми ценностями, такими как здоровье, стабильность, семья, дружба и т. д., есть различия в американской и русской системе ценностей [3]. Так, в списке ценностей, составленном на основе ответов американских респондентов, содержатся ценности, акцентирующие внимание на самопрезентации и позиционировании в обществе, показывающие ориентацию американцев на преуспевание отдельной личности (self-respect, social recognition, ambition, influence, preserving my public image, daringness, success). Также исследователь замечает, что в русской культуре коллективные ценности преобладают над индивидуалистическими, в то время как в американской культуре утверждается свобода и независимость личности (dominance, independence). Особенно много ценностей американской культуры связаны с концептом «жизнь с удовольствием» (pleasure, an exciting life, detachment, a varied life, enjoying life) [3]. Эти ценности транслируются преимущественно через массовую культуру и определяют поведенческие модели, которые «отличаются приоритетом действия по отношению к созерцанию, высокой мобильностью и состязательностью, подчеркнутым стремлением к независимости, материалистической прагматичностью» [4, с. 104], а также настойчивостью, решительностью, амбициозностью.

Педагогический дискурс в рамках общих глобальных тенденций подвергается преобразованиям, которые на уровне языка выражаются через различные заимствования, маркирующие появление новых лингвокультурных характеристик педагогического дискурса, изменение его ценностей и норм. Медийный дискурс является важнейшим типом современного дискурса, поскольку «глобализация осуществляется через массовую культуру» [4, с. 108], и играет значимую роль в осмыслении импортируемых концептов и их адаптации, формировании их социальной оценки, стимулируя активную концептуализацию новых реалий.

Целью исследования является рассмотрение лингвокультурных характеристик, импортированных в русский педагогический дискурс концептов, приобретаемых через их осмысление в медийном дискурсе.

Научная новизна исследования заключается в изучении механизмов встраивания английских заимствований в русскую лингвокультуру как основных проводников глобализации, их влияния на русскую ценностную картину мира, а также особенностей осмысления заимствований как феноменов педагогического дискурса в медийном дискурсе.

Методология и источники. Теоретической основой исследования являются труды специалистов по лингвоаксиологии и лингвокультурологии дискурса [1, 2, 5], а также проблемам медиатизации [6–8].

Материалом исследования стал собранный корпус медийных текстов на основе поисковых запросов по ключевым словам «тренд», «инновация», «рейтинг», в который вошли

тексты различного характера: медийные тексты, освещающие восприятие глобальных мировых образовательных тенденций для широкой аудитории («Аргументы и Факты», «Известия», «Комсомольская Правда»), объемом 15 тыс слов; статьи на медийных образовательных платформах (skillbox.ru, vogazeta.ru) объемом 18 тыс слов; тексты форумов, посвященных обсуждению проблем современного образования объемом 9 тыс слов, а также данные Национального корпуса русского языка по контекстам употребления лексемы «рейтинг».

В работе использовались такие методы, как корпусное исследование заимствований, интерпретативный анализ оценочных контекстов употребления ключевых лексем с целью выявления восприятия заимствованных слов в русской лингвокультуре и особенностей метафорической концептуализации заимствований в медийном дискурсе для установления их образно-ценностных характеристик.

Результаты и обсуждение. Как и другие типы институционального дискурса педагогический дискурс формирует общее коммуникативное пространство (школа, колледж, ВУЗ и т. д.) и характеризуется определенными целями и условиями (типичные речеповеденческие ситуации связаны с уроком как главной формой организации учебного процесса в школе), которые определяют стратегии и тактики взаимодействия, обусловленные социальными ролями коммуникантов (набор ожидаемых, социально принятых коммуникативных действий и реакций). Как отмечают исследователи, основные задачи учебной деятельности, определяющие тип урока, обуславливают использование соответствующих стратегий. Так, при передаче знаний основной стратегией учителя является объясняющая. Помимо этой стратегии используются (в зависимости от задач и этапа урока) контролирующая, организующая, оценивающая, содействующая [9, с. 12–13].

Конвенциональность как основная характеристика педагогического дискурса как вида институционального дискурса выражается в наборе формализованных норм и требований к участникам образовательного процесса, несоблюдение которых вызывает негативную оценку. Например, считается нарушением и подвергается общественному осуждению взаимодействие с учениками, основанное на страхе, применение психологического прессинга, использование оскорблений, нежелание выстраивать диалог и неумение конструктивно разрешать конфликты учителем. Такие особенности поведения нашли отражение в собирательном образе «Марьиванны», которая отличается деструктивными моделями взаимодействия, авторитарностью, равнодушием к потребностям детей и некомпетентностью [10]. К положительно оцениваемым качествам учителя относят любовь к детям, профессиональное мастерство, самоотдача, увлеченность учителя своей профессией и его энтузиазм [11, с. 13–16].

Появление целого пласта заимствованных единиц, выражающих новые реалии в педагогическом дискурсе, маркирует изменение норм педагогического общения и ценностей и осмысливается в медийном дискурсе, формирующем восприятие этого пласта лексики в русской лингвокультуре.

В педагогический дискурс вместе с мировыми образовательными тенденциями проникает идея состязательности как ответа глобальным вызовам современности и необходимого условия устойчивого развития общества. Традиционная образовательная модель уходит в прошлое под влиянием культурных, экономических, социальных процессов. Важными факторами, направляющими развитие образования, становятся конкуренция в сфере качества

жизни человека-потребителя, за успешное создание имиджа, репутацию организации и т. д. Ключевым становится понятие образовательного тренда, который воспринимается как ориентир для трансформаций в педагогическом дискурсе и подробно освещается в масс медиа: *«Обучение через вызов имеет большой потенциал стать одним из трендсеттеров в онлайн-образовании в 2024 году»* [12], тем самым показывается, что необходимо постоянно адаптироваться к изменяющимся условиям, чтобы быть успешным и конкурентоспособным.

Для объяснения процессов в современном образовании в масс медиа используется концептуальная метафора: педагогическое сообщество сравнивается с постоянно развивающейся природной экосистемой, где все элементы тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, при этом каждая образовательная система имеет «природные особенности», зависящие от исторического пути, и участники (страна, область, учебное учреждение, учащийся) должны построить собственный маршрут в соответствии с образовательными потребностями и общими тенденциями развития экосистемы: *«Российское образование имеет уникальную историю и свою траекторию развития <...>. Понимание мировых трендов и их соотнесение с российским образовательным ландшафтом позволяют выявить зоны роста и сферы влияния. Эти данные являются актуальными для всех уровней образовательной экосистемы»* [12]. Таким образом, важными для концептуализации образовательного тренда становятся понятия «траектория», «ландшафт», «маршрут», «экосистема».

Как показывают тексты медийного дискурса, особую важность при реализации идеи конкурентности приобретают конкурсы, которые позволяют реализовать новаторские идеи и запустить новые проекты: *«Это возможность найти новые идеи, понять язык стартап-проектов в образовании и увидеть реальное воплощение трендов образовательной политики»* [13]; *«Красноярский хакатон – это традиционно одно из ключевых инфраструктурных мероприятий для запуска нового образовательного года»* [13]. Понятия «стартап» и «хакатон» пришли в педагогический дискурс из экономического, что подчеркивает их ориентацию на продвижение «продукта» на рынке услуг, более качественное удовлетворение образовательных потребностей, чем конкуренты. Само слово «хакатон» произошло от английских слов «hack» и «marathon», т. е. конкурс направлен на разработку определенного продукта командами на скорость, в основном в цифровом формате. Следовательно, «стартап» и «хакатон» входят в качестве ядерных в структуру тренда, отражая ценности состоятельности и рыночности.

Важными понятиями современного педагогического дискурса становятся «инновация» и «модернизация» как ключевые образовательные тренды. Очевидно, что образование должно отражать изменения, происходящие в мире, которые влияют на саму модель образования, ее цели, нормы и ценности, позволяя тем самым успешно конкурировать в мировом образовательном сообществе. Понятия «модернизация» и «инновация» формируют свое интерпретационное поле, употребляясь в соответствующих контекстах медийного дискурса. Отметим основные особенности их осмысления.

Как показывает анализ данных медийного дискурса «инновационность» и «модернизация» напрямую связаны с языковыми контекстами употребления английских заимствований из сферы педагогики, которые указывают на основные тенденции в трансформации норм и ценностей педагогического дискурса: *«...их объединяют всевозможные «ноу-хау»-*

форматы, педагогические методы и все элементы образовательного контекста» [12]. Понятие «ноу-хау» – изначально технологический термин, совокупность знаний и «секретов» производства – в данном контексте отражает новые возможности, связанные с внедрением инноваций.

В медийных текстах «инновация» и «модернизация» получают положительную оценку как практики, способствующие обогащению классической педагогики, например: «Признание у российских участников исследования получили в первую очередь тренды, связанные с применением инноваций» [12], на что указывают следующие языковые маркеры: «сделать обучение более увлекательным, доступным и инклюзивным» [12], «такой метод обучения значительно увеличивает и интерес школьников, и усвоение учебной темы» [12], «позволяет по-новому взглянуть на процесс образования, сделать его более объемным и увлекательным» [14].

В сознании педагогического сообщества глубокая степень интеграции понятий, обозначаемых заимствованиями, отражена через употребление некоторых слов в медийном дискурсе в их оригинальном написании на латинице: «Такая механика не только способствует лучшему усвоению материала, но и позволяет развить *soft-skills: problem-solving, креативность и умение работать в команде*» [12], «любое образование уже *blended*» [12]. Они не нуждаются в пояснении или переводе, и широко распознаются в педагогическом сообществе, своей формой указывая на источник заимствования.

Показателем прогрессивности становится замена существующих в русском языке наименований соответствующих ментальных образований английскими словами: «стимулировать общение внутри образовательного комьюнити» [12], «по мнению экспертов, навыки управления и развития бизнеса являются «мета-скиллами» [12], «тотальный переход в диджитал» [14], «адаптация материалов под культурный бэкграунд и интересы учащихся стимулирует их вовлеченность в образовательный процесс» [12]. В данном случае, по терминологии В. И. Карасика, имеют место паразитарные заимствования [4, с. 106], которые относятся как непосредственно к педагогическому дискурсу, так и к общекультурному слою лексики и внешней формой показывают соответствие описываемых в медийном дискурсе феноменов глобальным мировым тенденциям. Так, в примере «Хедлайнер прошлогоднего доклада, нецифровые аспекты в образовании, ушли на второй план и представлены несколькими трендами» [12], слово «хедлайнер» показывает, что необходимость быть лидером, является важнейшей ценностью образования.

Если в собственно медийном дискурсе инновации освещаются в положительном ключе, поскольку необходимо донести обществу важность происходящих перемен, то внедрение инноваций, обсуждаемых на форумах, вызывает разную оценку в российском обществе. В обыденном сознании инновация связана с технологической составляющей образовательного процесса, которая способствует оптимизации учебного процесса. Например, электронный дневник позволяет получить непосредственный доступ к необходимой для учеников и их родителей информации и оценивается положительно. Однако негативное отношение вызывает необходимость привыкания к постоянным изменениям, связанным с большим количеством инноваций. Кроме того, инновации усложняют учебный процесс, не оказывая видимого влияния на уровень знаний: «А то инноваций все больше, программы все перезагруженнее, а уровень знаний у выпускников все ниже и ниже и не выдерживает уже никакой критики. Все, лично мне больше никаких инноваций не надо. Надоели уже с ними» [15]. Вы-

сказывания свидетельствуют, что в первую очередь важна хорошая психологическая атмосфера, т. е. учет человеческого отношения, а не технологическая продвинутость, хорошие, знающие, опытные педагоги, обеспечение возможности здорового развития ребенка и качество знаний. Таким образом, технологические инновации интерпретируются как не всегда позволяющие решить проблемы в школе, что вызывает негативную оценку людей, не принадлежащих педагогическому сообществу.

Профессиональными субъектами оценки указывается, что введение инноваций может вызывать раздражение и отторжение среди различных групп людей, которые считают самой оптимальной классическую модель образования. Однако в качестве аргумента, показывающего положительную квалификацию данного понятия, приводится следующий: «...инновации нужны детям, потому что мир меняется, и современные дети – это не мы, они будут жить в другом мире, когда окончат школу. И если мы будем их учить так же, как учили нас, то будем готовить их не к завтрашнему дню, а к тому, которого уже нет» [16]. Пример показывает, что изменения в мире вызывают объективную необходимость в новых подходах, которые позволят, с одной стороны, ответить на глобальные вызовы современности, с другой – учесть особенности современных учащихся, которые живут в современном цифровом информационном пространстве, где нужно соответствовать новым тенденциям и запросам. Таким образом, инновация воспринимается как перспективное и закономерное явление в образовании. Отрицательное отношение может также вызывать дополнительная нагрузка на учителей в связи с освоением нововведений. В целом, отмечается сложность оценки эффективности инноваций, поскольку они направлены не только на результаты, которые можно измерить, например, повышение успеваемости, но и повышение эмоционального фона, интереса, которые определить сложнее.

Наиболее яркое выражение идея состязательности и тенденция к успеху в педагогическом дискурсе получила в импортированном концепте «рейтинг». Как показывают контексты употребления заимствования «рейтинг» в Национальном корпусе русского языка, рейтинг сейчас явление, распространенное во всех сферах жизни общества: рейтинуются литературные произведения, кинофильмы, предприятия, товары и услуги, спортсмены, звезды, ТВ-каналы и т. д.

На основе анализа Национального корпуса русского языка можно выделить основные концептуальные признаки рейтинга в русской культуре. Рейтинг в сознании носителей русского языка не претендует на объективность. Высокая позиция в рейтинге может быть основана на популярности кого-либо или личной симпатии и складываться из опроса людей, которые не являются знатоками в данной области: «В результате в рейтинг попадают не столько самые сильные, сколько самые известные игроки, а это не всегда одно и то же» [17].

Понятие «рейтинг» тесно связано с понятием «мода», рейтинг является важным способом узнать, что востребовано и необходимо в условиях конкурентной борьбы за внимание аудитории и массового зрителя: «В конце зимы тема войны стала стремительно выходить из моды, что не лучшим образом сказалось на рейтинге некоторых политиков и СМИ» [17].

Рейтинг становится самоцелью, ради достижения вершины рейтинга люди готовы делать что-то напоказ, создавать сенсации и производить манипуляции, что вызывает иронию: «Эти типажи прибывают на форум для повышения рейтинга, выгодных знакомств и публицити, заигрывают с модными селебрити и охотно приносят себя в жертву телерепор-

терам» [17]. Как видно из этого примера, недоверие к рейтингу выражается через замену слова «люди» на «типажи» и использование множества заимствований, а также отрицательно маркированного «жертва».

Рейтинг служит мотивирующим фактором развития личности – влияет на престиж и показывает компетентность: *«Участники с площадки зачастую мотивированы не денежным призом (его может и не быть) за успешное решение проблемы, а профессиональным интересом к задаче и повышением своего личного рейтинга как эксперта»* [17].

Рейтинг может влиять на меры поощрения или наказания: *«У нас есть таблица рейтинга всех наших волонтеров, по которой мы поощряем ребят»* [17].

Отношение к понятию «рейтинг» в русской лингвокультуре может варьироваться, поскольку значимость некоторых явлений жизни сложно оценить через рейтинг: *«Сильно сомневаюсь, что можно измерять «Семнадцать мгновений весны» какими-то рейтингами»* [17].

Рейтинг как феномен образования является темой для активного обсуждения в медийном дискурсе. Так, оценивается введение рейтинга учащихся. Согласно анализу текстов медийного дискурса основная цель введения рейтинга, определяющая его концептуальное содержание, – повышение качества образования, оценка результатов образовательной деятельности на разных уровнях, способствующая открытости педагогического сообщества, прозрачности системы контроля и обеспечению конкурентоспособности. Как показывают тексты медийного дискурса, понятийное содержание рейтинга подразумевает положительное влияние на процесс обучения: рейтинг должен мотивировать детей становиться лучше, больше учиться. Положительно оценивается возможность электронной образовательной среды выстраивать рейтинги детей автоматически: по отдельным предметам, внутри классов и общешкольные.

Одной из важных стратегий раскрытия содержания концепта «рейтинг» является использование метафоризации для разъяснения содержания концепта на основе сопоставления с явлениями окружающей действительности. Образно-перцептивные характеристики рейтинга связаны с формированием концептуальных метафор, которые помогают описать роль рейтинга в обучении на основании уподобления явлениям окружающей действительности. Так, рейтинг интерпретируется как привлекательный для школьников, уподобляясь компьютерной игре, в которой ребенок должен пройти все новые уровни сложности. Показывается, что соревновательность и необходимость набирать баллы должна стимулировать мотивацию ребенка к выполнению более сложных заданий. Рейтинг подразумевает возможность получать дополнительные задания, чтобы добрать недостающие баллы. Таким образом, ученик может наблюдать рост своего рейтинга или его падение в зависимости от прилагаемых усилий.

Метафора «стоимости» сближает образовательный процесс с рынком товаров и услуг, где определяется стоимость в баллах каждого действия и выполненного ребенком задания и показывается отрицательная оценка рейтинга: *«Переведем на язык обывателя: для каждой мамы ее ребенок – самый умный и талантливый. Но цифры в топ-30 класса покажут реалистичную картину, кто сколько «стоит»»* [18]. Такое высказывание приобретает ироничную модальность – создание напряженной обстановки в семье и дополнительного давления на ребенка, которому приходится нести груз ожиданий родителей.

Можно отметить, что характеристики рейтинга в русских медийных текстах сопряжены с отрицательной оценкой. Отсутствие внутренней мотивации к получению знаний интерпре-

тируется как проблема, связанная с введением рейтинга. Отрицательно оценивается и практический расчет в приобретении тех или иных знаний – ученики стараются выполнять задания ради хороших оценок, а также других внешних стимулов. Получение знаний при введении системы рейтингования осмысливается в медийном дискурсе не как самоцель, а средство получения каких-либо благ: *«Да и акценты смещаются – не знания становятся важны, а позиция в рейтинге. Столкнулась с тем, что ребенок говорит: я сейчас седьмой, а если стану хотя бы третий, папа мне купит что-то там»* [18]. Как видно из этого примера, позиция родителей, мотивирующих детей подарками к получению хороших оценок, рассматривается как негативный фактор. Следовательно, подчеркивается, что ученик хорошо учится, чтобы получить социальное одобрение своей деятельности и похвалу от родителей. Рейтинг оценивается как способствующий получению знаний с прагматической точки зрения, когда необходимость выполнения того или иного задания определяется выгодой, стоимостью этого задания, его влиянием на позицию в рейтинге.

Как видно из проанализированных примеров, причиной негативного отношения к рейтингу становится его характеристика, получившая дискурсивное воплощение: возможность выделения лучших и худших учащихся на основе их оценок. Рейтинг воспринимается как создающий стресс и вызывающий негативные эмоции у детей. Указывается, что не только ребенок, который слабо учится, боится стать неудачником в глазах одноклассников, но и другие учащиеся тяжело переживают, например, вторую или третью позицию в рейтинге: *«Рейтинги могут выбить из седла не только отличника из страха, что кто-то его обгонит и он больше не будет молодцом (а для таких ребят не первый – это значит “неудачник”), но и троечника – из страха оказаться главным неудачником класса»* [18].

Согласно текстам медийного дискурса следующим негативно оценивающимся результатом выделения лучших и худших учеников, является напряженная атмосфера в классе. Рейтинг концептуализируется как вызывающий соперничество в гораздо большей мере, чем оценки: отличников в классе может быть несколько, а рейтинг показывает лучшего из них. Придается значимость желанию доказать свое превосходство любыми способами: *«Это называется “вытихивание локтями”, потому что-либо ты, либо тебя. Если рейтинги приживутся, то и взаимовыручка у детей пропадет. Зачем Васе, у которого пять, помогать Петрову, у которого 4, лучше учиться и обгонять его по рейтингу?»* [18]. Как видно из примера, соревнование за позицию в рейтинге может проявляться завистью, равнодушием, эгоизмом и вытеснять отношения дружбы, взаимопомощи. Рейтинг осмысливается в одном контексте с понятием «травля»: *«Твой личный рейтинг зависит не только и не столько от твоих успехов, сколько от успехов или неудач других. Кто-то из одноклассников стал лучше учиться, и твой рейтинг упал. И нужно чтобы этот кто-то стал учиться хуже, чтобы твой рейтинг снова вырос – такая логика? Любой рейтинг это скрытый буллинг (преследование, травля, давление)»* [18]. Рейтинг интерпретируется как начало скрытого конфликта, когда ученик начинает радоваться неудачам других или даже целенаправленно пытается помешать конкурентам превзойти его результаты.

Следующей характеристикой рейтинга, имеющей негативную коннотацию, является оценка учащихся на основе показателей их успеваемости, что вступает в противоречие с важнейшей аксиологической доминантой современного образования, провозгласившего в

качестве основной ценности неповторимость каждой личности. В текстах медиадискурса акцентируется, что введение рейтинга стирает различия в особенностях детей, их возможностях, талантах и способностях, позволяя ориентироваться на некий «идеальный эталон»: *«Когда я сама училась в школе, у нас был мальчик, который по математике, физике, химии был лучшим в школе, а по русскому и литературе наоборот. Учителя закрывали глаза, выводя ему «тройки». Но тогда и рейтингов не было. А сейчас детей пытаются свести под одну гребенку»* [18]. В проанализированных контекстах рейтинг понимается как демотивирующий ребенка: отмечается, что ребенок, учащийся в начальной школе, может обладать высоким уровнем знаний и быть старательным, но делать ошибки по невнимательности или страдать из-за плохой каллиграфии. Особенно сложно адаптироваться к введению рейтинга детям с нестандартным мышлением. Таким образом, подчеркивается, что рейтинг подавляет уникальность ребенка, который начинает переживать, что он не такой, как все, если у него что-то не получается, что, в конечном итоге, влияет на мотивацию к обучению.

Рейтинг осмысливается как возможная причина психологической травмы и проблемы взаимоотношений в коллективе. В медийных текстах отмечается, что альтернативой стремления к высокому рейтингу становится поиск человеком своего места в жизни и раскрытие способностей: *«Все время своим ученикам втолковываю, что человек не может быть идеален во всем – кто-то бегают хорошо, кто-то стихи читает, кто-то поет. Но тут важно чтобы и родители это понимали и детей не донимали: мол, ты обязан и т. д.»* [18]. Из контекстов видно, что полученные знания, умения и навыки в дальнейшем помогают учащемуся справляться с поставленными жизнью проблемами: *«Жизнь не ставит оценки, она ставит задачи, которые всегда имеют решения»* [18].

Выводы, сделанные на основе анализа текстов медийного дискурса и показывающие концептуальное содержание и образно-оценочные характеристики заимствования «рейтинг», подтверждаются осмыслением концепта «рейтинг» в современных кинофильмах, посвященных педагогической проблематике. В кинофильме «Я делаю шаг» (2023) в школе происходит противостояние молодого талантливому педагога Александра Макарова, который приходит в школу сразу после окончания университета, пытается найти подход к ученикам и наладить контакт, применяя нестандартные формы и методы работы, и опытного учителя, Елены Дмитриевны, которая считает, что он может опозорить всех и уронить престиж школы, ведь у нее лучшие ученики, победители олимпиад, и самые высокие баллы по ЕГЭ. В диалоге с мужем она выражает возмущение отношением директора: *«Как она не понимает, что только хуже делает детям? А этот выскочка Макаров с Москвой соревноваться вздумал. Где он, и где Москва? Думает, что пару недель поиграет в игрушки с детьми, и они покажут класс? Это невозможно. Да его самого учить и учить еще. Я годами тащу на себе престиж школы. У меня лучшие показатели на ЕГЭ. Мои ученики берут места на олимпиадах. Я единственная в городе, кто учебник написал. И что? Все кому под хвост? Нашу школу запомнят, как опозорившуюся на конкурсе в Москве»* [19]. Ее главная цель – идеальная дисциплина и высокие показатели. В результате прохождения через различные испытания Елена Дмитриевна, признает свое поражение и находит в себе силы начать меняться. Анализ кинофильма показывает отношение к рейтингам в русской лингвокультуре и в педагогическом сообществе. Рейтинг и хорошие показатели обучения не мо-

гут быть самоцелью, особенно, если средствами их достижения становится подавление склонностей учеников и жесткая дисциплина. Напротив, стремление педагога достичь взаимопонимания с учениками, использовать новые приемы и методы работы, чтобы мотивировать обучающихся, может способствовать более высокой успеваемости, а следовательно, и более высокому рейтингу.

Проблема отношения к ученикам раскрывается в кинофильме через концептуальную метафору «природа-культура», где ученики сравниваются с растениями, а учитель с садоводом, задача которого вырастить из семени растения, которые в будущем будут давать хорошие плоды. Через весь фильм проходит это метафорическое уподобление, поскольку директор школы выращивает на пришкольном участке овощи.

Ключевым для понимания метафоры становится короткий диалог Елены Дмитриевны и директора школы:

– *«Вы же должны понимать, что растение, выросшее в суровых условиях, гораздо живучее тепличных товарищей»*, – считает Елена Дмитриевна.

– *«В теплице иной раз из самого хиленького росточка может вырасти настоящее чудо»*, – отвечает директорша [19].

Этот диалог показывает, что для учителя должен быть важен каждый ученик, что отношение к ребенку не должно зависеть от баллов и оценок. Учитель должен помочь ученику развить заложенные в нем таланты, а не подавить их ради дисциплины и рейтинга.

Заключение. Сделаем вывод, что в настоящее время заимствуются пласты лексики педагогического дискурса, которые маркируют изменение его норм и ценностей под влиянием американской культуры как основного проводника глобализации. Через импортируемые концепты воплощается идея конкуренции за потребителей, престиж, качество образования. Так, заимствование «тренд» неразрывно связано с контекстами употребления слов «инновация» и «модернизация». Особенности концептуализации этих понятий являются не только ценностные заимствования их выражающие, но и «паразитарные» (по терминологии В. И. Карасика), заменяющие русскоязычные наименования соответствующими английскими понятиями, а также заимствования, которые пишутся на латинице, что выражает интернационализацию этих слов, знакомство с ними русского педагогического сообщества и положительную маркировку этих слов. Положительно оцениваются следующие признаки инноваций: *новаторство и новизна (взглянуть по-новому, радикально изменить), увлекательность, доступность, интерес, вовлеченность, ответственность, усвоение темы.*

Отношение к заимствованию термина «инновация» зависит от субъекта оценивания. Собственно, медийные тексты направлены на продвижение инноваций и освещают их в положительном ключе. Субъекты оценки, не принадлежащие педагогическому сообществу, могут выражать негативное отношение в связи с тем, что инновации не всегда помогают решить все проблемы обучения, приводя к усложнению учебного процесса. На первое место этими людьми ставится благоприятная атмосфера и хорошие условия обучения. Профессиональные субъекты оценки отмечают, что всегда происходит сопротивление чему-либо новому, что необходима результативность внедрения инноваций как показатель положительной оценки, что сопряжено с дополнительной нагрузкой на педагога. В целом, они оценивают инновации как важные и перспективные.

Воплощением идеи состязательности является заимствование «рейтинг». В его интерпретационное поле входят такие слова, как «буллинг», «давление», «конкуренция», оно концептуализируется на основе признаков: «быть первым несмотря ни на что», «выделение лучших и худших», «негативные эмоции у детей», «напряженная атмосфера в классе», «зависть, эгоизм». Оценка рейтингов педагогическим сообществом показывает недоверие педагогов к возможности рейтингов выполнить поставленные задачи; негативно оценивается влияние рейтингов на психическое состояние детей, взаимоотношения в коллективе, с родителями. Русские медийные тексты показывают, что сомнительной становится функция стимулирования здоровой конкуренции, поскольку следствием введения рейтинга является ориентация на некий стандарт, среднего ученика, при этом не учитываются уникальные особенности личности и ее проблемы, таланты и способности, поскольку ребенок оценивается только в связи с его успеваемостью, баллами, достижениями и т. д. Рейтинг ориентирует на социальный успех, престиж, выгоду, приоритетом становится индивидуальное преуспевание, выражающееся в отсутствии желания жертвовать временем, силами ради других, делать что-то не требуя награды. Обучение для высоких показателей противопоставляется поиску своего места в жизни и раскрытию талантов и способностей.

Метафорические модели, используемые для концептуализации современных процессов в образовании связаны в основном с сопоставлением с природой, где ребенок сравнивается с растением, учитель с садоводом, а сама образовательная система представлена в виде «экосистемы», имеющей свой уникальный «ландшафт». При метафоризации импортированного концепта рейтинга используется уподобление компьютерной игре, а также метафора стоимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Радбиль Т. Б. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема по-хорошему) // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 6. С. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.
2. Беляков М. В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса: на материале открытой профессиональной дипломатии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / МГИМО. М., 2023.
3. Карасик В. И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Гуманитарные технологии в современном мире: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Калининград, 30 мая – 01 июня 2019 г. / Западный филиал РАНХиГС. Калининград, 2019. С. 22–25.
4. Карасик В. И. Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015.
5. Карасик В. И. Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса // Вестн. МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 2 (50). С. 118–129. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.10.
6. Kochetova L. A. Linguocultural Specifics of Artificial Intelligence Representation in the English Language Media Discourse: Corpus-Based Approach // Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics. 2023. Vol. 22, no. 5. P. 6–18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.1>.
7. Bednarek M. Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus (Corpus and Discourse). London: Continuum, 2006.
8. Talbot M. Media Discourse: Representation and Interaction. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2007.
9. Каратанова О. А. Лингвистически релевантные нарушения педагогического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / ВолГУ. Волгоград, 2003.

10. Панченко Н. Н. Социокультурный типаж «Марьяванна» в педагогическом дискурсе: особенности деструктивного поведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, вып. 5. С. 1574–1578. DOI: 10.30853/phil20220247.
11. Попова С. В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук / ВГСПУ. Волгоград, 2012.
12. Мировые тренды образования в российском контексте-2024 // НИУ ВШЭ. URL: https://ioe.hse.ru/edu_global_trends/2024/ (дата обращения: 25.07.2024).
13. Как рождаются стартапы в образовании и воплощаются в жизнь тренды образовательной политики // Вести образования. 04.08.2022. URL: https://vovgazeta.ru/articles/2022/8/4/edpolitics/20427-kak_rozhdayutsya_startapy_v_obrazovanii_i_voploschayutsya_v_zhizn_trendy_obrazovatelnoy_politiki (дата обращения: 25.07.2024).
14. 10 трендов будущего образования // Zachnik.ru. 10.10.2023. URL: <https://zachnik.ru/blog/10-trendov-buduschego-obrazovaniya/> (дата обращения: 25.07.2024).
15. Инновации в школе // U-mama.ru. 11.09.2021. URL: <https://www.u-mama.ru/forum/kids/schoolboy/328786/> (дата обращения: 25.07.2024).
16. Ерохина Е. Инновации в образовании: зачем они нужны, если многих раздражают, да и без них нормально? // Skillbox Media. 19.07.2024. URL: <https://skillbox.ru/media/education/innovatsii-v-obrazovanii-zachem-oni-nuzhny-esli-mnogikh-razdrzhayut-da-i-bez-nikh-normalno/> (дата обращения: 25.07.2024).
17. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.07.2024).
18. Лукьянова А. Петров, твое место 25-е! Полезны ли для детей рейтинги учеников класса // Комсомольская Правда. 09.10.2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27565/4834827/> (дата обращения: 25.07.2024).
19. Я делаю шаг. 2023 // Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/4886624/> (дата обращения: 25.07.2024).

Информация об авторе.

Ефимова Анна Дмитриевна – кандидат филологических наук (2020), младший научный сотрудник кафедры теории и практики перевода и лингвистики Волгоградского государственного университета, Университетский пр., д. 100, Волгоград, 400062, Россия; доцент кафедры английского языка Государственного гуманитарно-технологического университета, ул. Зелёная, д. 22, г. Орехово-Зуево, Московская обл., 142611, Россия. Автор более 80 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокультурология, лингвоаксиология, дискурсивные исследования языка.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.08.2024; принята после рецензирования 25.09.2024; опубликована онлайн 23.12.2024.*

REFERENCES

1. Radbil, T.B. (2023), "Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (the Lexeme 'po-khoroshemu')", *Nauchnyi dialog*, vol. 12, no. 6, pp. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.
2. Belyakov, M.V. (2023), "Linguoaxiology and linguosemiotics of diplomatic discourse: based on the material of open professional diplomacy", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, MGIMO Univ., Moscow, RUS.
3. Karasik, V.I. (2019), "Values as culturally significant guidelines for behavior", *Gumanitarnye tekhnologii v sovremennoy mire* [Humanitarian technologies in the modern world], Kaliningrad, RUS, 30 May – 01 June 2019, pp. 22–25.

4. Karasik, V.I. (2015), *Yazykovoe proyavlenie lichnosti* [Linguistic manifestation of personality], Gnozis, Moscow, RUS.
5. Karasik, V.I. (2023), "Linguistic and cultural characteristics of pedagogical discourse", *MCUJ. of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 2 (50), pp. 118–129. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.10.
6. Kochetova, L.A. (2023), "Linguocultural Specifics of Artificial Intelligence Representation in the English Language Media Discourse: Corpus-Based Approach", *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 22, no. 5, pp. 6–18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.1>.
7. Bednarek, M. (2006), *Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus (Corpus and Discourse)*, Continuum, London, UK.
8. Talbot, M. (2007), *Media Discourse: Representation and Interaction*, Edinburgh Univ. Press, Edinburgh, UK.
9. Karatanova, O.A. (2003), "Linguistically relevant violations of pedagogical discourse", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, VolSU, Volgograd, RUS.
10. Panchenko, N.N. (2022), "Sociocultural Communicative Type "Maryivanna" in Pedagogical Discourse: Features of Destructive Behaviour", *Philology. Theory & Practice*, vol. 15, no. 5, pp. 1574–1578. DOI: 10.30853/phil20220247.
11. Popova, S.V. (2012), "Linguocultural type "school teacher": subject positioning", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, VSSPU, Volgograd, RUS.
12. "Global trends in education in the Russian context-2024", *HSE*, available at: https://ioe.hse.ru/edu_global_trends/2024/ (accessed 25.07.2024).
13. "How startups in education are born and trends in educational policy are implemented" (2022), *Vesti obrazovaniya* [Educational News], 04.08.2022, available at: https://vogazeta.ru/articles/2022/8/4/edpolitics/20427-kak_rozhdayutsya_startapy_v_obrazovanii_i_voploschayutsya_v_zhizn_trendy_obrazovatelnoy_politiki (accessed 25.07.2024).
14. "10 trends of future education", *Zaochnik.ru*, 10.10.2023, available at: <https://zaochnik.ru/blog/10-trendov-budushego-obrazovaniya/> (accessed 25.07.2024).
15. "Innovations at school", *U-mama.ru*, 11.09.2021, available at: <https://www.u-mama.ru/forum/kids/schoolboy/328786/> (accessed 25.07.2024).
16. Erokhina, E. (2024), "Innovations in education: why are they needed if they annoy many, and it's okay without them?", *Skillbox Media*, 19.07.2024, available at: <https://skillbox.ru/media/education/innovatsii-v-obrazovanii-zachem-oni-nuzhny-esli-mnogikh-razdrzhayut-da-i-bez-nikh-normalno/> (accessed 25.07.2024).
17. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus], available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 25.07.2024).
18. Luk'yanova, A. (2023), "Petrov, your place is the 25th! Are ratings of class pupils useful for children", *Komsomol'skaya Pravda*, 09.10.2023, available at: <https://www.kp.ru/daily/27565/4834827/> (accessed 25.07.2024).
19. *Ya delayu shag* [I'm taking a step] (2023), *Kinopoisk*, available at: <https://www.kinopoisk.ru/film/4886624/> (accessed 25.07.2024).

Information about the author.

Anna D. Efimova – Can. Sci. (Philology, 2020), Research Assistant at the Department of Theory and Practice of Translation and Linguistics, Volgograd State University, 100 Universitetskiy ave., Volgograd 400062, Russia; Associate Professor at the Department of English, State University of Humanities and Technology, 22 Zelenaya str., Orekhovo-Zuyevo, Moscow region 142611, Russia. The author of more than 80 scientific publications. Area of expertise: linguoculturology, linguoaxiology, discursive language studies.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 05.08.2024; adopted after review 25.09.2024; published online 23.12.2024.*

Оригинальная статья
УДК 81'232.811.161.1
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-165-174>

Подражание и творчество в процессе освоения языка детьми

Нэлла Аркадьевна Трофимова¹, Софья Алексеевна Шумилова²✉

^{1, 2}НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹nelart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4088-0730>

²✉shumilova.sophia@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-8295-1887>

Введение. В статье изложены результаты исследования детской речи, цель которого – выявление речевых инноваций, или окказионализмов. Под речевыми инновациями понимаются лексические единицы, встретившиеся в речи ребенка, но при этом отсутствующие в конвенциональном языке взрослых. Цель статьи – проанализировать выявленные в детской речи окказионализмы и описать процесс их конструирования, опираясь на установленные в этой научной области факты – этапы языкового онтогенеза и соответствующие им языковые компетенции.

Методология и источники. В статье предложен анализ детских речевых инноваций, полученных в ходе организованного авторами эксперимента, участниками которого стали русскоговорящие монолингвы возрастом от трех до шести лет без особенностей развития. В исследовании применены такие методы психолингвистических экспериментов, как описание картинки и оффлайн-пересказ.

Результаты и обсуждение. Выяснено, что, несмотря на свое несоответствие норме, инновации конструируются детьми с опорой на существующие в языке закономерности, а их отклонение от стандарта связано, как правило, с нехваткой языковых компетенций. При необходимости заполнить лауну в высказывании лексемой, которая еще отсутствует в ментальном лексиконе ребенка, он прибегает к созданию собственной, являющейся эквивалентом уже существующего в языке слова. При этом созданная нестандартная лексема может включать элементы стандартных лексических и/или морфологических единиц, существующих в русском языке. Наблюдается также усложнение конструируемых форм с возрастом, что соответствует постепенному обогащению репертуара ментального лексикона и ментальной грамматики детей.

Заключение. Анализ выявленных речевых инноваций показал, что освоение родного языка представляет собой процесс, полный закономерностей, которые прослеживаются в случаях с разными носителями. Так, предложенные в статье речевые инновации могут послужить дополнительным материалом для более масштабных исследований по изучению речевого онтогенеза.

Ключевые слова: детские речевые инновации, детские окказионализмы, словотворчество, детская речь, онтолингвистика, психолингвистика

Для цитирования: Трофимова Н. А., Шумилова С. А. Подражание и творчество в процессе освоения языка детьми // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 6. С. 165–174. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-165-174.

© Трофимова Н. А., Шумилова С. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Children's Imitation and Word Creation in the Process of Language Acquisition

Nella A. Trofimova¹, Sofia A. Shumilova²

^{1, 2}Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

¹Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

¹nelart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4088-0730>

²shumilova.sophia@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-8295-1887>

Introduction. Since language acquisition is a gradual process, younger children have gaps in their mental grammar and mental lexicon. In order to be understood well while communicating with other people, they sometimes resort to creating new words, known as innovations, which remain unusual for the language norm. This article expounds the nature of children's speech innovations and presents the analysis of their constructing.

Methodology and sources. The research is based on data gathered within psycholinguistic experiment with participation of Russian-speaking children from three to six years of age. Such experimental methods of psycholinguistics research as picture description and story retelling were used.

Results and discussion. It was found out that despite formal abnormality of speech innovations they are getting constructed according to rules existing in the language. Thus, innovations may include standard morphological units, which are combined with non-standard ones with regard to their distributional features and restrictions. It means that morphemes commonly appearing, for example, on verbs will be used by children within this lexical category only. Moreover, a gradual increasing complexity of constructed forms is observed occurring with the age.

Conclusion. Speech innovations cannot be conceived as errors, as they are constructed based on children's knowledge about the language system and contain standard elements. Innovations analysed in this paper might be used for larger-scale studies on language acquisition and remain supplementary material for researches in this area.

Keywords: children's speech innovations, children's occasionalism, word creation, children's speech, language acquisition, psycholinguistics

For citation: Trofimova, N.A. and Shumilova, S.A. (2024), "Children's Imitation and Word Creation in the Process of Language Acquisition", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 6, pp. 165–174. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-165–174 (Russia).

Введение. Усвоение языка сопровождается процессом соотношения мира вещей и явлений с миром слов. Так, лексический репертуар у детей формируется постепенно: сначала они осваивают слова, которые чаще всего слышат или которые реферируют к окружающим их объектам, а затем менее частотные лексемы. Столкнувшись же с необходимостью референции явления, наименование которого отсутствует в ментальном лексиконе ребенка, он может прибегнуть к словотворчеству, результатом которого являются речевые инновации, или окказионализмы – неузусальные формы, зафиксированные в речи ребенка и отсутствующие в широком употреблении [1, с. 37].

При этом речевые инновации носят не случайный характер. В процессе их конструирования говорящий руководствуется семантикой и грамматическими свойствами используе-

мых лексических и морфологических единиц. Таким образом, полученные инновации способны охарактеризовать состояние ментальной грамматики и ментального лексикона ребенка и позволяют исследователям оценить уровень его языковых компетенций в соответствии с общими закономерностями, наблюдаемыми у детей конкретного возраста. Для сопоставления результатов case-study с общими тенденциями могут использоваться хронология языкового онтогенеза и сопутствующие ей работы, в которых исследуется процесс освоения языка, ср. [2–6].

Цель статьи – представление результатов экспериментального исследования окказионализмов (инноваций и подражаний) в речи детей младшего возраста. Актуальность исследования обусловлена востребованностью онтолингвистики – науки о детской речи, стремительно развивающейся сегодня в самостоятельное направление лингвистики. Предполагается, что полученные в ходе исследования окказионализмы могут оказаться полезны специалистам в области детской речи, могут служить дополнительным материалом для более масштабных исследований, направленных на изучение процесса освоения языка.

Структура работы определяется логикой рассуждений авторов. В первом разделе описываются детали исследования: используемые методы, характеристика информантов и стимульного материала. Во втором разделе приведены результаты исследования: предложен список полученных речевых инноваций и их анализ. Последний раздел (заключение) подводит итоги исследования.

Методология и источники. В качестве информантов выступили дети возрастом от трех до шести лет без особенностей развития. Все участники русскоговорящие монолингвы, а один из них изучает английский язык в качестве иностранного.

Сбор данных выполнен в рамках индивидуальных сессий свободного формата 40–60 минут. Встречи с детьми не носили формального характера, и их продолжительность варьировалась в зависимости от особенностей участников, например: активные дети быстро устают от простого диалога и однотипных заданий, а более спокойные готовы провести все время сессии, разговаривая и рассматривая картинки. В основе эксперимента – речевая продукция детей, поэтому сессия включает ряд вопросов, провоцирующих развернутый монолог (например, вопросы плана «Какой у тебя любимый мультик? О чем он?» или «Что тебе сегодня снилось?»). При этом сессия не является подобием структурированного интервью, поскольку задаваемые вопросы и решение их задавать формируются уже в процессе эксперимента, а не заранее. Они лишь образуют диалог и позволяют ребенку почувствовать непринужденность атмосферы, а это значит, что он будет чувствовать себя комфортно и за отсутствием фактора стресса предоставит более качественный и разнообразный материал для анализа. Подобные вопросы послужили также коннекторами между заданиями, о которых будет сказано далее.

В рамках исследования были применены психолингвистические экспериментальные методы. Одним из них является метод описания картинки. Его преимущество заключается в обеспечении спонтанной речи ребенка, богатой на описательную лексику. Более того, правильно подобранные визуальные стимулы могут провоцировать ребенка на активное словотворчество. Так, в случаях, когда изображение демонстрирует явление или существо, которые не имеют названий в стандартном русском языке, дети зачастую прибегают к констру-

ированию собственных лексем для обозначения увиденного, поскольку не имеют наиболее подходящего эквивалента в своем ментальном лексиконе.

Был также применен метод оффлайнного пересказа, в рамках которого дети после просмотра пересказывали немой мультфильм, длиной от двух до семи минут. Этот метод в нашем случае является языконезависимым – немые мультфильмы не имеют языковой материи и могут содержать лишь звуковые сигналы, не являющиеся языковыми единицами. Это минимизирует вероятность возникновения эффекта прайминга и позволяет проанализировать особенности восприятия ребенка и устройство его репрезентативной системы, а также дает возможность участникам проявить вербальную креативность.

Устные данные собирались при помощи диктофона смартфона, который находился возле участника во время сессии. Для целей такого исследования достаточно хорошего качества звукозаписи, в которой легко распознаются слова и отдельные звукосочетания, поэтому был использован обыкновенный смартфон, а звукозаписи были сохранены в файлах сжатого формата *mp3. Данные были оцифрованы вручную и собраны в корпус детской речи, являющийся материалом исследования.

Результаты и обсуждение. Практически все окказионализмы, сконструированные участниками нашего эксперимента, представляют собой подавленные модификации нормативные лексемы русского языка, претерпевшие изменения в первую очередь на уровне морфологии. Среди случаев ненормативного употребления существующих лексических единиц обнаружены лишь две и, что примечательно, обе относятся к одной предметной сфере: *разбить ногу* (Лиза, 5.9¹) и *помять лапку* (Даша, 3.3). Семантическое поле травм и болезней включает небольшое разнообразие лексических единиц в речи детей, поэтому в поиске необходимых эквивалентов они обходятся теми, которые уже существуют в ментальном лексиконе вне зависимости от их основного значения и области применения.

Остальные же окказионализмы было решено разбить на два класса: те, что представляют собой именные дериваты и так или иначе связаны с объектами, к которым осуществляется референция, и те, которые являются глагольными образованиями.

Именные речевые инновации составляют большую часть корпуса, поскольку в процессе коммуникации дети контактируют с вещественным миром и часто реферируют к окружающим объектам. Основная стратегия, используемая при конструировании новых лексем, – это словотворчество по освоенной словообразовательной модели [7, с. 197]. При этом для образования именной лексемы используются именно суффиксы, а не префиксы, как в случае с глаголами – это общая тенденция деривации в русском языке [8]. При таком типе словотворчества дети обращаются к семантике не только лексем, но и морфологических единиц, и учитывают особенности их дистрибуции. Так, пятилетняя Лиза предложила сделать *пилу* музыкальным инструментом, а человека, играющего на пиле, назвать *пилистом* по аналогии с тем, что на *гитаре* играет *гитарист*: она уже понимает, что русский суффикс *-ист* имеет функцию образования существительных, обозначающих род деятельности или профессию. Приведем еще примеры подобных окказионализмов, представляющих собой наименования рода деятельности: *поварёха* (повар), *воровник* (вор), *королиха* (ко-

¹ Здесь и далее в скобках указаны имя и возраст (количество полных лет и месяцев, разделенные точкой) участника, которому принадлежит рассматриваемое высказывание.

ролева), ср. примеры (1)–(3) соответственно. Не во всех из них используемые суффиксы являются специализированными показателями образования названий профессий, однако они так или иначе имеют это значение в своей семантике.

(1)¹ – *Только еще Эй когда-то была **поварёха**. Он ещё всех варил. Ага, варил продукты.* (Аня, 4.8).

(2) – *Не знаю, где эти **воровники**. **Воровники**, которые меня били.* (Аня, 4.8).

(3) – *Я в Roblox играю. И там я **королиха**.* (Лиза, 5.9).

Одна из первых словообразовательных активностей, внедряемых в жизнь детей, – это образование названий детенышей. В русском языке для такого вида деривации, как правило, используется суффикс *-ёнок/-онок*. Однако с рядом лексем такое суффиксальное словообразование недопустимо, ср. *гепард*, *кенгуру*, *панда* и др. Знания детей об особенностях и ограничениях дистрибуции конкретных лексических и морфологических единиц ограничены, поэтому при попытке образовать лексему при помощи морфемы, которая в нормативном русском языке не допускается в данном контексте, можно наблюдать образование новой неузуальной формы. Так, четырехлетняя Аня не знала, как назвать детеныша гепарда, поскольку форма *гепардёнок*, образованная по модели, ее смущала. Тем не менее ей удалось подобрать наиболее подходящую номинацию – *гепардичек*. Важно обратить внимание на то, что Аня постаралась сохранить семантику лексемы и обозначила один из основных дифференциальных признаков, дважды используя показатели диминутива суффиксы *-ик/-ек*, чтобы выразить главное отличие детеныша от взрослой особи – размер, ср. пример (4). Хотя диминутив недостаточно демонстративен в случае с референцией к детенышам именно как к потомству, он все же близок к требуемому значению.

(4) – *Ага, и бывают такие маленькие детёныши. **Тигренок** – так они называются.* (Аня, 4.8).

– *Да, тигренок, а у льва кто?*

– *А у льва – **львёнок**. А у гепарда – **гепардичек**.* (Аня, 4.8).

Частый прием, к которому прибегают дети в процессе словотворчества, – это наивная концептуализация, ср. [9, с. 21]. При нем дети именуют обозначаемое в соответствии с его наиболее значимым признаком, тем самым облегчая себе задачу, игнорируя прочие признаки. В нашем корпусе есть соответствующие примеры, например: пятилетний Костя назвал ссадину на своей ноге **красняком**. В отличие от менее частотной лексемы *ссадина* лексема *синяк* существует в активном лексиконе детей с раннего возраста, поэтому Костя решил придумать форму по аналогии с той, которая находится в той же семантической области, учтя при этом, что *красняк* отличается от *синяка* по цвету.

Хвостатик – придуманное четырехлетней Аней наименование изображенного на картинке несуществующего животного, наиболее ярким внешним признаком которого является большой хвост. При этом здесь наблюдается обращение ребенка к ментальной грамматике – Аня учла семантику суффиксов, которые использовала для образования окказионализма, о чем свидетельствует использование сразу двух морфем с разными значениями. Она поняла, что словообразования с использованием одного лишь суффикса диминутива *-ик* в данном

¹ Во всех примерах жирным шрифтом выделены речевые инновации. Примеры являются выдержками из корпуса детской речи, собранного авторами статьи в ходе эксперимента.

случае недостаточно, поскольку лексема *хвостик* в качестве имени собственного непоказательна. Поэтому в лексеме появился еще и суффикс *-ат*, что свидетельствует о том, что номинализация образована от прилагательного *хвостатый*, которым можно охарактеризовать обозначаемое существо.

Ненормативные прилагательные не столь частотны в нашем корпусе. Все они представляют собой словообразования с неверно использованным деривационным суффиксом. Так, пятилетняя Лиза назвала плюшевую кошку **игрушной* вместо нормативного *игрушечный*. Она же во время другой сессии играла с игрушечным кактусом, который двигался и пел под музыку за счет встроенного механизма. Лизе не удалось разобрать слова в песне кактуса, поэтому она пришла к выводу, что он поёт на *кактусином языке*.

Развитая морфология русского языка позволяет детям проявлять креативность и создавать большое разнообразие новых единиц, которые при этом построены в полном соответствии с законами языка. Создавая окказионализмы с использованием уже существующих слов, дети учитывают семантику лексем и отдельных морфем и не используют деривационные морфемы без основания. Так, четырехлетняя Аня образовала прилагательное *беззаколочная*, которое полностью соответствует действительной описанной ситуации, ср. пример (5).

(5) – *Мам, у Сони нету ни одной заколочки. Она совсем беззаколочная* (Аня, 4.8).

Суффиксальная деривация является не единственной стратегией образования речевых инноваций. Другой, не менее частый способ – слияние основ. При этом соединению подлежат основы лексем как из разных классов, так и из одного. Однако детям проще образовывать сложные слова из словосочетаний, таким образом используя основы прилагательного и существительного. Так, пятилетняя Лиза назвала аквариумную рыбку с пышным хвостом *Хвосторыбка*, что, несомненно, коррелирует с внешними качествами последней. При этом первая попытка охарактеризовать эту рыбку была предпринята, когда Лиза пыталась подобрать подходящее описательное прилагательное. Однако при образовании его от существительного *хвост* она допустила ошибку, пропустив деривационный суффикс, ср. пример (6). Вероятно, грамматично образованное прилагательное привело бы к образованию иного окказионализма, *Хвостаторыбка*, поскольку при создании новой лексемы Лиза воспользовалась стратегией слияния основ составляющих именной группы: *хвостая рыбка* → *Хвосторыбка*.

(6) – *У нее такой хвост, наверное, эта рыбка называлась бы Павлин.*

– *А мне кажется, что называлась хвостая рыбка. Хвосторыбка.* (Лиза, 5.9).

В корпусе встретилось также слияние основ лексем одной части речи. Во время игры с кривым зеркалом Лиза отреагировала на искаженное отражение самой себя и экспериментатора. Главная модификация, которой поддалось тело в этом отражении – его значительное расширение. Таким образом, люди в отражении казались объемнее, чем они есть на самом деле. Обратив внимание на эту выделяющуюся особенность, Лиза решила назвать свое отражение *Пузолиза*, а отражение экспериментатора – *Пузософа*. Для образования этих окказионализмов она вновь использовала два производящих имени – существительное *пузо* и имена собственные. В продолжение диалога Лиза попыталась образовать антонимы к употреблявшимся ранее дериватам и сконструировала следующий – *худушка*, образованное от прилагательного *худой* в женском роде при помощи суффикса *-ушк*.

Рассмотрим другой пример словообразования посредством слияния основ. При попытке дать наименование изображенному на картинке пернатому существу, окруженному тыквами, Лиза соединила две самые яркие детали изображения – *перья*, которыми покрыто обозначаемое существо, и *тыквы*, его окружающие. Чтобы сконструированная форма больше походила на имя, Лиза попыталась подобрать наиболее подходящий деривационный суффикс, несущий семантику одушевленности, ср. пример (7). Закрепился окказионализм *Перьятыквяч*, при дальнейшей референции к этому персонажу она использовала именно его.

(7) – *Тыквоперьев... Перьятыквик... Перьятыквин... Перьятыквяч!* (Лиза, 5.9).

Обнаружен также окказионализм, образованный от английской лексемы при помощи русских морфем. Здесь произошло очень необычное смешение кодов, русского и английского, на уровне морфологии: Лиза уже знает, что существительным, заканчивающимся на *-ка*, свойственны следующие грамматические значения – женский род и иногда одушевленность. Таким образом, она посчитала нужным дополнить лексему английского языка, и без того обладающую этими грамматическими свойствами, показателем *-ка*. Такой прием показывает развитость ментальной грамматики Лизы, поскольку ей удалось сопоставить морфологию двух языков, определить корень целевой лексемы и объединить его с морфемой из другого языка. Следующий окказионализм образован по той же схеме и, вероятнее всего, создан именно из-за созвучия, без вкладывания смысла в семантику слова, как это было с *queenка*, ср. пример (8).

(8) – *А по-английски это queen. Давай скажем, queen.*
– *Queenка. Pinkка.* (Лиза, 5.9).

В детской речи встречаются и глагольные окказионализмы. Зачастую они представляют собой аграмматичные образования финитных форм глагола, но были обнаружены и глагольные инновации, аналогов которых не существует в нормативном русском языке. Так, пятилетняя Лиза образовала глагол от существительного *каблуки*, ср. пример (9). Вероятно, синонимом сконструированного в (9) глагола является глагол *цокать*.

(9) – *Смотри, как у меня туфельки каблучатся* (Лиза, 5.9).

Другая глагольная инновация, не имеющая эквивалента в нормативном русском языке, – *сырничать*, ср. пример (10). Здесь глагольная форма вновь образована от существительного при помощи показателя инфинитива *-ть*. В обоих случаях неузуальные формы образованы в соответствии с правилами глагольной парадигмы, это свидетельствует, что говорящие обращаются к ментальной грамматике и правилам, употребляемым в русском языке, даже в случае с несуществующими лексемами. При этом они также учитывали фонологически обусловленное варьирование и верно заменили букву в существительном при образовании от него глагола.

(10) – *Мы завтра поедим завтрак и будем сырничать. Ха-ха. У бабушки моей самые вкусные сырники* (Аня, 4.8).

Трудность усвоения глагольного класса в русском языке обусловлена тем, что многие его элементы представлены не одной лексемой, а видовой парой. Дети могут путать формы разных видов или неверно употреблять их маркеры. Так, пятилетняя Лиза образовала эквивалент глагола *красть*, ср. пример (11). Окказионализм *украдать* имеет префикс *у-*, который в нормативном русском языке образует совершенный вид глагола: *красть* – *украсть*. Однако использование имперфектирующего суффикса *-а-* и контекст указывают на то, что Лиза пыталась образовать форму несовершенного вида.

(11) – *Там можно машинки украдать* (Лиза, 5.9).

Часты также ненормативные употребления, появляющиеся при попытке образовать неопределенную форму глагола, ср., например, аналоги *мять* и *малевать* в примере (12), которые трехлетняя Даша образовала от имеющихся в контексте личных форм глаголов. При этом она использовала маркер инфинитива, суффикс *-ть*, это показывает, что она уже знакома с особенностями лексем глагольной категории.

(12) – *Ради одного листочка, который вы помалюете и сомнете, всё это переносить... – А я не буду сомють и малють* (Даша, 3.3).

В языковом сознании трехлетнего ребенка глагольные категории уже сформированы, однако глагольная парадигма все еще не полноценна [10]. Так, возникают проблемы при попытках словообразования форм инфинитива от других финитных форм глагола, встречающихся в контексте, или при словоизменении личной формы глагола, ср. пример (13).

(13) – *Я прискачил*. (Даша, 3.3).

Вербальная креативность возникала и в результате необходимости использовать лексему с противоположным значением. Так, пятилетняя Лиза образовала конверсив глагола *заподозрить*, изменив его морфологический состав – заменив приставку *за-* на приставку *рас-*, ср. пример (14).

(14) – *Заподозрили, а потом расподозрили* (Лиза, 5.9).

Такой прием демонстрирует способность детей более старшего возраста сравнивать известные морфемы между собой, что требует уже более высокого уровня языковой компетенции.

Заключение. Конструирование инноваций – это процесс, к которому дети неизбежно прибегают при необходимости заполнить лакуну в языке [1, с. 36]. Как было продемонстрировано, зачастую детские инновации являются эквивалентами нормативных лексем русского языка, а их порождение спровоцировано пробелами в ментальном лексиконе ребенка. Тем не менее в ряде случаев окказионализмы не имеют аналогов в нормативном языке, хотя их значения нельзя назвать парадоксальными: несмотря на аграмматичность плана выражения, вызванную недостатком языковых компетенций, семантика окказионализмов обычно очевидна и мотивирована.

Анализ полученных речевых инноваций доказывает, что дети конструируют новые лексемы осознанно, опираясь на имеющиеся знания о структуре родного языка. При словотворчестве они руководствуются теми правилами, которые уже усвоились и закрепились в их ментальной грамматике. Это в первую очередь понимание разделения лексем на именные и глагольные с сопутствующими грамматическими свойствами и особенностями дистрибуции морфем, не являющихся универсальными для любого класса. Помимо этого, ментальная грамматика ребенка включает репертуар морфологических единиц, каждая из которых обладает одним или несколькими значениями и функциями. Знания детей о лексической сочетаемости ограничены, такие нюансы усваиваются постепенно в процессе пополнения ментального лексикона, поэтому часто случается недопустимое употребление определенных лексем в одном контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цейтлин С. Н. Детские речевые инновации // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 5. С. 36–41. DOI: 10.30515/0131-6141-2022-83-5-36-41.
2. Bruner J. S. The ontogenesis of speech acts // J. of Child Language. 1975. Vol. 2, no. 1. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0305000900000866>.
3. Tomasello M. Constructing a language: a usage-based theory of language acquisition. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2003.
4. Kuhl P. K. Early language acquisition: cracking the speech code // Nature reviews neuroscience. 2004. Vol. 5, no. 11. P. 831–843. DOI: <https://doi.org/10.1038/nrn1533>.
5. Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса: дневник научных наблюдений. Саратов: Изд-во СГУ, 1981.
6. Елисеева М. Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008.
7. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.
8. Kazakovskaya V. V., Voeikova M. D. Acquisition of derivational morphology in Russian // The Acquisition of Derivational Morphology: a Cross-Linguistic Perspective. NY: John Benjamins Publishing Company, 2021. P. 169–195. DOI: <https://doi.org/10.1075/lald.66.07kaz>.
9. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2020.
10. Golinkoff R. M., Hirsh-Pasek K. How toddlers begin to learn verbs // Trends in Cognitive Sciences. 2008. Vol. 12, no. 10. P. 397–403. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2008.07.003>.

Информация об авторах.

Трофимова Нэлла Аркадьевна – доктор филологических наук (2009), доцент (1998), профессор департамента иностранных языков НИУ «Высшая школа экономики», ул. Союза Печатников, д. 16, Санкт-Петербург, 190008, Россия; доцент кафедры немецкого языка Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская набережная, д. 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 147 научных публикаций. Сфера научных интересов: психолингвистика, социолингвистика, лингвистическая прагматика, лингвистические вопросы перевода.

Шумилова Софья Алексеевна – студентка (4-й курс) филологического факультета Санкт-Петербургского кампуса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», наб. канала Грибоедова, д. 121, Санкт-Петербург, 190069, Россия. Участник проекта «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология», поддержанного грантом № 18-18-00472, руководитель В. С. Храковский. Сфера научных интересов: психолингвистика, нейролингвистика, онтолингвистика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 30.06.2024; принята после рецензирования 06.09.2024; опубликована онлайн 23.12.2024.

REFERENCES

1. Tseitlin, S.N. (2022), "Children's speech innovations", *Russian Language at School*, vol. 83, no. 5, pp. 36–41. DOI: 10.30515/0131-6141-2022-83-5-36-41.
2. Bruner, J.S. (1975), "The ontogenesis of speech acts", *J. of Child Language*, vol. 2, no. 1, pp. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0305000900000866>.

3. Tomasello, M. (2003), *Constructing a language: a usage-based theory of language acquisition*, Harvard Univ. Press, Cambridge, USA.
4. Kuhl, P.K. (2004), "Early language acquisition: cracking the speech code", *Nature reviews neuroscience*, vol. 5, no. 11, pp. 831–843. DOI: <https://doi.org/10.1038/nrn1533>.
5. Gvozdev, A.N. (1981), *Ot pervykh slov do pervogo klassa: dnevnik nauchnykh nablyudenii* [From First Words to First Grade: A Diary of Scientific Observations], Izd-vo SGU, Saratov, USSR.
6. Eliseeva, M.B. (2008), *Foneticheskoe i leksicheskoe razvitie rebenka rannego vozrasta* [Phonetic and lexical development of young children], Izd-vo RGPU imeni A. I. Gercena, SPb., RUS.
7. Tseitlin, S.N. (2009), *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi* [Essays on word and form formation in children's speech], Znak, Moscow, RUS.
8. Kazakovskaya, V.V. and Voeikova, M.D. (2021), "Acquisition of derivational morphology in Russian", *The Acquisition of Derivational Morphology: a Cross-Linguistic Perspective*, John Benjamins Publ. Company, NY, USA, pp. 169–195.
9. Gridina, T.A. and Konovalova, N.I. (2020), *Metody psiholingvisticheskikh issledovaniy: teoriya, praktikum, treningi* [Methods of psycholinguistic research: theory, practice, trainings], Izd-vo USPU, Ekaterinburg, RUS.
10. Golinkoff, R.M. and Hirsh-Pasek, K. (2008), "How toddlers begin to learn verbs", *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 12, no. 10, pp. 397–403. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2008.07.003>.

Information about the authors.

Nella A. Trofimova – Dr. Sci. (Philology, 2009), Docent (1998), Professor at the Department of Foreign Languages, Higher School of Economics, 16 Soyuza Pechatnikov str., St Petersburg 190008, Russia; Associate Professor at the Department of German Language, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 147 scientific publications. Area of expertise: psycholinguistics, sociolinguistics, pragmatics, translation studies.

Sofia A. Shumilova – Student (4th year) at the Department of Philology, Higher School of Economics, 121 Griboyedov Canal emb., St Petersburg 190069, Russia. Participant of the research "Causal Constructions in World Languages: Semantics and Typology" supported by RSF's grant № 18-18-00472, supervisor V.S. Khrakovsky. Area of expertise: psycholinguistics, neurolinguistics, language acquisition.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 30.06.2024; adopted after review 06.09.2024; published online 23.12.2024.*

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; межстрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают

публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, О. Р. Крумина,
Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *Е. С. Рыбец*

Editors: *O. N. Artunian, O. R. Krumina,
E. A. Ushakova*
DTP Professional *E. S. Rybets*

Подписано в печать 19.12.24. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 23,27. Печ. л. 22,5. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 167.
Цена свободная.

Signed to print 19.12.24. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 23,27. Conventional printed sheets 22,5. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 167.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56